

ПЕРЕВОД ГРУППЫ vk.com/bb_vmp

ОТ АВТОРА БЕСТСЕЛЛЕРОВ ПО ВЕРСИИ *NEW YORK TIMES*

Джессика Соренсен

*Нова и Куинтон:
Без сожалений*

Нова #3

Данная книга предназначена только для предварительного ознакомления! Просим вас удалить этот файл с жесткого диска после прочтения. Спасибо.

*Оригинальное название: Nova and Quinton: No
Regrets*

Книга: Нова и Куинтон: Без сожалений

Автор: Джессика Соренсен

Серия: Нова #3

Количество глав: пролог + 15 глав + эпилог

Переводчик: Юлия Ставцева

*Редакторы: Екатерина Авдошкина, Анастасия
Фисенко*

Обложка: Анастасия Фисенко

Переведено для группы: https://vk.com/bb_vmp

18+

*Предназначено для чтения лицам, достигшим
восемнадцатилетнего возраста. Содержит сцены
сексуального характера, материалы для взрослых и
нецензурную лексику.*

*Любое копирование без ссылки
на группу и переводчиков ЗАПРЕЩЕНО!
Пожалуйста, уважайте чужой труд!*

Аннотация:

Сегодня первый день новой жизни Куинтона Картера. Ядовитая вина прошлого разрушила его на части, но одна девушка неожиданно собрала все воедино. Благодаря Нове Рид, Куинтон, наконец, может увидеть мир ясными глазами. Она причина, по которой его сердце все еще бьется за неровным шрамом на груди. И он хотел бы держать ее в своих объятиях каждую минуту... но он еще не готов.

Игра на барабанах в группе и жизнь с ее лучшими друзьями - это лишь некоторые из основных моментов настоящего Новы. Стоит ли что-то менять? Разговаривая с Куинтоном по телефону каждый вечер, она хотела бы иметь возможность прикоснуться к нему, поцеловать его, хотя знает, что ему нужно время, чтобы залечить раны. Но шокирующая новость уже в пути - напоминание о темной стороне жизни - и Нове нужен Куинтон, как когда-то она нужна была ему. Достаточно ли у него сил, чтобы сделать окончательный рывок из разбитого прошлого... прямиком к сердцу Новы?

Для всех, кто понес потери и научился заново жить

Пролог Нова

28 декабря, день похорон

Такое странное чувство, когда ты готовишься увидеть, как кто-то погружается под землю, в свое последнее пристанище. Я достаточно была

на похоронах, чтобы знать, что мои чувства в это время обостряются, реагируя на все происходящее вокруг: дуновение ветра кажется сильнее, солнце более ярким, запах листьев, травы и свежей земли вытесняет все другие. Это похоже на то, что мой разум пытается все охватить и запечатлеть каждый аспект момента, когда часть меня не хочет ничего, кроме как поскорее все это забыть.

Я оказываюсь в церкви раньше, чем планировала, и единственная причина кроется в том, что оставаться дома секундой дольше казалось просто невозможным. Поэтому я вышла из дома, не сказав никому ни слова и сев в свою вишнево-красную Шеву Нову, машину, которую отец оставил мне после смерти, приехала в церковь, где раньше проходили похороны моего папы и Лэндона. Немного времени, и я попрощаюсь еще с одним человеком, которого знала и больше никогда не увижу.

Теперь, когда я стою здесь, глядя на кирпичное здание с белой башней, стремящейся в небо, я не уверена, что делать дальше. Я приехала на три часа раньше начала похорон, и это о многом говорит. Кто-то, вероятно, появится с опозданием, желая как можно дольше избегать смерти, но я уже настолько знакома с ней, что это тревожно.

Посидев в машине около десяти минут, наблюдая, как снежинки падают с неба, замораживая траву и лобовое стекло, решаю снять видео. Я не взяла камеру, которую купила мне мама, достаточно той, что есть на моем телефоне, и, честно говоря, я использую ее намного чаще, потому что она удобнее для съемки эпизодических видео, которые являются моей специализацией.

Делаю глубокий вдох, прежде чем поудобнее устроиться на сиденье, навожу камеру на себя и нажимаю запись. Экран моргает, и на нем сразу появляется мое изображение. Я выгляжу усталой. Мешки под глазами довольно очевидны, хотя я пыталась скрыть их макияжем, каштановые волосы не хотели укладываться, поэтому я просто стянула их в тугий хвост. На мне черное платье и серьги, и на контрасте моя белая кожа выглядит очень бледной.

- Удивительно, как все может казаться таким идеальным и в один момент закончиться. Как быстро совершенство может испариться... насколько оно редко, - делаю паузу, собираясь с мыслями. - Я видела много смерти. Возможно, больше, чем обычный человек. Я видела, как за несколько минут угасла жизнь моего отца. Нашла тело своего парня прямо после того, как он покончил жизнь самоубийством. Слишком рано. Слишком внезапно. Оба из них. У меня не было времени подготовиться, и я думала, что это самое страшное чувство в мире. Я всегда задавалась вопросом, насколько

все было бы иначе, случись это вновь. Может быть, в третий или четвертый раз мне было бы не так больно. Возможно, мне было бы легче отпустить кого-то, потому что у меня уже так много опыта. - Заправляю челку за ухо, проглотив комок в горле. - И, возможно, мне действительно немного легче... но все равно больно. Я все так же плачу... это все также мучительно... больно... - Я замолкаю, когда несколько слез скользят из моих глаз, скатываясь по щекам. - Даже сейчас, просто размышляя о некоторых вещах, я понимаю... что должна была остановить это... должна была поступить иначе, - отвлекаюсь, глядя в окно. - Но я не смогла... и теперь все ушло безвозвратно.

Глава 1

Два месяца назад...

30 октября, первый день в реальном мире

Куинтон

Я пишу с ноющей болью в руке. С онемевшей шеей. Это единственный выход в данный момент. Моя попытка заменить наркотики, которые я принимал в течение многих лет. Но это не может заполнить большинство дней, даже небольшую часть пустоты, которую я чувствую внутри после того, как перестал накачивать тело ядом, медленно убивающим меня. Есть моменты, которые ненадолго вселяют спокойствие в меня, делают один вдох, один шаг, один удар сердца просто немного более сносным. Так что я пишу, чтобы почувствовать те немногие и мимолетные минуты тишины.

Иногда я чувствую, что переродился. Не в религиозном смысле. А в том смысле, что мне кажется, что часть меня умерла, и я заново учусь жить с новыми, оставшимися частями. Некоторые из которых мне не нравятся, части, которые уродливы, сломаны, деформированы и, похоже, не совсем подходят мне. Но мои терапевт и консультант по наркотикам пытаются вернуть меня к человеку, части которого будут находиться на своих местах.

Я до сих пор не знаю, возможно ли это. Смогу ли я жить с ясной головой, чувствуя укол каждой эмоции, вес моей вины, тяжесть каждого вдоха, чувствуя, как сердце неуклонно бьется в моей груди. Я пытаюсь, хотя и думаю, что это только начало. Просто надеюсь, что это начало

перерастет во что-то большее, но я не уверен.

- Куинтон, ты готов? - Дэвис Мейсон, сотрудник реабилитационного центра «Белвью», входит в мою комнату, постучав по двери.

Отрываю взгляд от блокнота и киваю, высвобождая нервное дыхание, скопившееся в груди. Сегодня тот день, когда я возвращаюсь в реальный мир, чтобы жить с отцом, без стен вокруг меня и без ограничений. Это дерьмо пугает меня, жить там и делать все, что я хочу, без всякого наблюдения и присмотра. Мне придется принимать решения самому, и я не уверен, что готов к этому.

- Готов, как никогда, полагаю, - говорю я, закрывая блокнот и бросая его в свою сумку на полу возле ног. Стараюсь казаться собранным снаружи, но внутри мое сердце бьется со скоростью миллион миль в минуту вместе с моими мыслями. *Я не могу поверить, что это происходит. Не могу поверить, что я выхожу в реальный мир. Дерьмо, я не думаю, что смогу сделать это. Я не могу. Я хочу остаться здесь.*

- Тебе предстоит нечто захватывающее, - уверяет меня Дэвис. - И знай, если тебе нужно будет с кем-то поговорить, я всегда здесь, и мы ждем тебя в нашей группе трезвости.

Когда я впервые встретил Дэвиса, то подумал, что он пациент клиники, с его непринужденным отношением и с повседневной клетчатой рубашкой и джинсами, в которые он всегда был одет, но оказалось, что он консультант, с которым я должен был провести два месяца во время реабилитации. Он довольно крутой, и как ни странно был когда-то наркоманом, так что вызывает у меня некоторые сомнения. Хотя их не так уж и много.

Поднимаюсь на ноги, забирая сумку. - Надеюсь, ты прав.

- Я всегда прав по этому поводу, - улыбается он, обнадеживающе похлопывая по спине, когда я прохожу мимо него к двери. - И знаю, что так и будет, - он прикладывает два пальца к виску. - У меня развито шестое чувство.

Не понимаю его оптимизма. Я думал, что он ведет себя таким образом со всеми, но это не так. Как-то я случайно подслушал его разговор с одной из медсестер, где он беспокоился о том, что один из парней уходит. Но он, похоже, уверен, что я буду в порядке, и всем рассказывает об этом. А я нет. Меня ждет провал. Я знаю это. Чувствую. Вижу. И я просто в ужасе. Я понятия не имею, что со мной случится. В следующую минуту. Следующий шаг. Следующий момент. Чувств так много, что мне трудно даже думать об этом.

Закидываю лямку рюкзака на плечо и двигаюсь по коридору, следуя за Дэвисом. Я прощаюсь с несколькими людьми, которых встретил здесь и успел с ними завязать дружеские отношения. Их не так много - трудно заводить друзей, когда тебе приходится сосредоточиться на себе.

После короткого прощания, я направляюсь в офис Чарльза, который находится рядом с фойе клиники. Каждый раз, когда я оказываюсь в этой части здания, мне удается взглянуть на окружающий мир, машины на шоссе, сосны, траву, небо, облака. И в такие моменты я хочу запереть дверь и остаться здесь всю оставшуюся часть моей жизни, потому что за той дверью я не чувствую себя в безопасности. Не чувствую себя защищенным от себя и всех ужасных вещей снаружи. Как последние два месяца. И сейчас я собираюсь выйти в этот дикий мир.

- Куинтон, заходи, - Чарльз машет мне, когда замечает, что я задержался на пороге, уставившись на дверь выхода справа.

Оторвав взгляд от двери, делаю шаг в его кабинет - узкую комнату с парой деревянных стульев, письменным столом и живописными картинами на стенах. Здесь довольно просто и минимум отвлекающих элементов, которые направлены на то, чтобы сосредоточиться только на себе. У меня было несколько кризисов в этой комнате, большинство из которых произошли после того, как Чарльз призвал меня открыть свое сердце и душу, и выразить все, что я чувствовал после аварии и смерти Лекси и Райдер. Я не смог рассказать обо всем, но уверен, что когда-нибудь это случится. *Однажды*. Потому что пока я делаю шаг за шагом. *День за днем*.

- Итак, сегодня большой день, - говорит он, вставая с кресла за своим столом. Он человек небольшого роста с зачесом, едва прикрывающим лысину, и носит костюмы с заплатками на локтях. Но он довольно милый и достиг многого, в отличие от большинства людей. Я не уверен, это из-за ученой степени, диплом о которой висит на стене или, может быть, потому что он прошел через какое-то дерьмо. Если и так, он никогда не делился этим со мной. - Мы о тебе, - всегда говорил он, когда я пытался перевести разговор на него. - И о том, что ты пережил. - Я ненавижу его за это. И до сих пор немного ненавижу, потому что он открыл много чертовых дверей, которые, я думал, запер навсегда. Вся эта дрянь вылилась из меня и до сих пор продолжает вытекать, как прохудившийся кран, который я не могу починить, но теперь я не уверен, что хочу этого.

- Думаю да, - продвигаюсь в центр комнаты и встаю у одного из стульев, сжимая спинку, чтобы удержаться, потому что мои ноги словно вареная

лапша.

Он мне улыбается. - Я знаю, ты немного обеспокоен тем, как все будет там, но заверяю тебя, что, пока ты будешь придерживаться всего, о чем мы говорили, все будет в порядке. Просто продолжай ходить на собрания и продолжай писать. - Он обходит стол и останавливается напротив меня. - И поговори со своим отцом.

- Я попытаюсь, - говорю я с опаской. - Но это улица с двусторонним движением, так что... - Мой отец навещал меня несколько раз, и Чарльз присутствовал при этом. Бесчувственный - то слово, которым можно описать наш разговор. Он был неудобным и трудным. Но это помогло сломать лед, и теперь не так страшно и ужасно знать, что я буду снова жить с ним под одной крышей. *Хотя все-таки немного страшно.*

Чарльз кладет руку на мое плечо и смотрит прямо в глаза. - Не надо пытаться. Просто сделай это. - Он говорит это всякий раз, когда кто-то сомневается. *Делай. Делай. Делай.*

- Ладно, я поговорю с ним, - сдаюсь я, но только то, что я это сделаю, не означает, что мой отец ответит взаимностью. Я почти не знаю его. Нет больше отговорок. Я никогда не знал его, и такое чувство, что я переезжаю к незнакомцу. Но я могу пройти через это. *Я сильный.* Говорю себе это снова и снова.

- Хорошою - Чарльз сжимает мое плечо и отпускает меня. - И помни, я всегда здесь, если тебе нужно будет с кем-то поговорить. - Он делает шаг назад к столу. - У тебя же есть моя визитка с номером телефона?

Я поглаживаю карман. - Да.

- Хорошо. Позвони мне, если тебе что-нибудь понадобится, - он улыбается. - И позаботься о себе, Куинтон.

- Спасибо. Вы тоже. - Я поворачиваюсь к двери, мою грудь сдавливает все сильнее с каждым шагом, который я делаю. Выйдя в коридор, я почти задыхаюсь. Но продолжаю двигаться. *Дышать. И идти.* Пока не добираюсь до холла, где отец ждет меня на одном из кресел в углу. Его голова опущена, он в очках читает газету, лежащую у него на коленях. Он одет в брюки и красивую рубашку, возможно, ту же одежду, которую носит в офисе ежедневно. Ему, должно быть, пришлось уйти пораньше, чтобы забрать меня, и мне интересно, как он себя чувствует по этому поводу, раздражен ли он, что ему придется находиться со мной, или рад, что я, наконец, выхожу. Думаю, мы выясним это в машине.

Я ничего не говорю, пересекая холл, чтобы подойти к нему. Ощувив мое

присутствие, он смотрит на меня, когда я останавливаюсь перед ним.

Он несколько раз моргает, как будто я удивил его своим внешним видом. - Ой, я даже не видел, как ты вышел, - говорит он, убирая газету в сторону на столик рядом с креслом. Отец смотрит на часы на стене и поднимается на ноги. - Ты готов?

Я киваю, поправляя лямку рюкзака. - Думаю, да.

- Ну ладно. - Он неловко похлопывает по бокам, оглядывая холл, как будто думает, что кто-то выйдет и заберет меня от него. Поняв, что ничего не случится, что здесь только он и я, он дарит мне вынужденную улыбку. Затем он направляется к двери, и я неохотно следую за ним. Спустя десять шагов я свободен. *Так просто.* Это происходит так быстро. Быстрее, чем я могу справиться. В одну минуту я прощаюсь и в следующий момент уже выхожу за дверь во внешний мир на свежий воздух. Нет больше стен, чтобы защитить меня, нет людей вокруг меня, которые понимают, через что я прохожу.

Я просто существую.

Первое, что я замечаю, насколько ярко на улице. Не жарко и светло. Трава вместе с листьями на деревьях уже успела пожелтеть. Лето перешло в осень за время моего двухмесячного пребывания здесь, а я даже не заметил. Я был снаружи, но тогда был не свободен. Это совсем другие чувства. Сейчас я ощущаю себя по-другому. *Нервничаю. Не уверен. Как будто вот-вот упаду.*

- Куинтон, ты в порядке? - спрашивает отец, оценивая меня и снимая очки, как будто это поможет ему увидеть, что происходит в моей голове. - Ты выглядишь неважно.

- Я в порядке, - шурюсь от всей этой яркости и свежего воздуха. - Просто немного странно оказаться снаружи.

Он выдавливает из себя еще одну натянутую улыбку, затем отводит взгляд и направляется к стоянке рядом со зданием. Я следую за ним, ухватившись за ручки рюкзака, перекинутые через плечо, ветер обдувает мои щеки, и я отмечаю, насколько неестественно это ощущение. Как и автомобили, едущие вверх и вниз по шоссе и кажущиеся слишком громкими. Все слишком интенсивно, даже свежий воздух, который наполняет мои легкие.

Наконец, после того, как проходит целая вечность, мы добираемся до автомобиля, и я пристегиваю ремень безопасности, перекидывая его через плечо. В полной тишине отец включает зажигание, и мотор возвращается к

жизни. Затем мы выезжаем по дорожке из гравия к шоссе, оставляя позади реабилитационный центр, место, которое за последние пару месяцев защищало меня от мира и боли, связанной с ним.

Я по большей части молчу, пока мы едем домой, и отец сначала с легкостью справляется с этим, но потом вдруг начинает засыпать меня глупыми вопросами: достаточно ли мне тепло или лучше убавить печку, голоден ли я, потому что он может остановиться и купить мне что-нибудь поесть.

Я качаю головой, ковыряя дырку на колене джинсов. - Пап, я обещаю, что я в порядке. Тебе не нужно постоянно проверять меня.

- Да, но... - он борется с собой, чтобы что-то сказать, сжимая руль так, что костяшки на его пальцах белеют. - Ты и раньше говорил, что все в порядке, но после той беседы с тобой и Чарльзом... мне показалось, что нам нужно было поговорить, но ты этого не сделал.

Он, наверное, думает о том, как я ему сказал во время одной из наших встреч, что я чувствовал своего рода ответственность за смерть матери, потому что он никогда не хотел иметь со мной ничего общего. Он был потрясен моим откровением, и я был также потрясен тем, что он, похоже, не понимал, как я себя чувствовал - как по-разному мы смотрели на вещи.

- Но я клянусь, что сейчас я в порядке, - сжимаю руки в кулаки сильнее, чем ближе мы подъезжаем к дому. *Глубокий вдох. Еще вдох. Я могу сделать это. Самое страшное уже позади, верно? Теперь я чист.* - Я поел перед отъездом, и мне комфортно, ни жарко, ни холодно. Все хорошо. Мне хорошо. - Убеждаю я, по большей части, самого себя.

Он кивает, довольный ответом, и концентрируется на дороге. - Ладно, дай мне знать, если тебе что-то понадобится.

- Хорошо. - Я переключаю свое внимание на окно и смотрю на размытый пейзаж, который постепенно переходит от деревьев к полям, и, в конечном счете, к домам, когда мы оказываемся на окраине города. Прежде чем я это осознаю, мы въезжаем в мой старый район, состоящий из тупиков и скромных домов. Это место, где все началось, где все изменилось, где я вырос, и где я решил, что буду медленно убивать себя наркотиками. Каждый дом, мимо которого я прошел тысячу раз, проехал на велосипеде, в машине, теперь так чужд мне, что я чувствую, как теряю равновесие. Это чувство только усиливается, когда мы проезжаем один из домов, в котором я покупал наркотики. Мне становится интересно, до сих пор ли они этим занимаются или что-то изменилось. *Что, если они их все еще продают?*

Что делать, если наркотики у меня прямо перед носом? Прямо там? Всего в нескольких кварталах от места, где я живу? Я могу справиться с этим? Я не уверен. Не уверен на данный момент, потому что не вижу и пяти минут своего будущего.

Адреналин начинает неустанно накачивать кровь, и как бы я ни старался заставить свое сердце успокоиться, я не могу. Оно бьется еще быстрее, когда мы сворачиваем к подъездной дороге двухэтажного дома с голубыми ставнями и белым сайдингом. Я бывал в этом доме чаще, чем где-либо в мире, но сейчас чувствую, словно никогда не был здесь раньше. Не уверен, что он действительно был моим домом когда-либо, скорее просто крыша над головой. Я больше ни в чем не уверен. *Где мой дом. Что я должен чувствовать. Кто я.*

Переродился.

Но в кого я переродился?

- Добро пожаловать домой, - говорит отец опять с этой грустной улыбкой. Он паркует машину перед закрытым гаражом и глушит двигатель.

- Спасибо, - я возвращаю ему вымученную улыбку, надеясь, что мы не будем притворяться, что все в порядке, друг с другом все время, потому что это сведет меня с ума.

Он вынимает ключи из замка зажигания, пока я забираю сумку с заднего сиденья, затем мы выходим из машины и идем по дорожке к входной двери, которую он открывает, и мы оказываемся в прихожей. Реальность поражает меня, словно упавший с неба мешок с кирпичами, ударив в грудь и выбивая из меня весь воздух. *Это плохо. Очень плохо.* Мне нужно было больше подготовки. Воспоминания роятся по кругу внутри моей головы. *Хорошие. Плохие.* Те, что связаны с детством. *Лекси.* Слишком много всего, и я хочу выбежать из двери и найти одного из моих старых друзей торчков, посмотреть, все еще ли он на наркотиках, и может ли он дать что-нибудь - что угодно, чтобы убрать эти эмоции, которые кружатся внутри меня

Мне нужно.

Хочу.

Мне нужно.

Прямо сейчас.

Резко выдыхаю и поворачиваюсь к лестнице, убеждая себя, быть сильнее этого. - Пойду распакую вещи, - говорю я, поднимаясь вверх.

- Ладно, - отец бросает ключи на столик у входной двери, под висящим на стене снимке его и мамы в день их свадьбы. Он выглядит счастливым на

нем, такие эмоции я редко видел на его лице. - Хочешь что-нибудь особенное на обед?

- Звучит заманчиво, - я помню, сколько дней я мог обходиться вообще без обеда, подпитывая свое тело кристаллами и героином. Здоровый образ жизни стал частью моего восстановления в последние два месяца.

Физические упражнения. Еда. Мысли о духовном. Я даже решился сделать несколько тестов, чтобы увидеть, насколько ухудшилось мое здоровье после повреждения тела уколами иглы. Проверить себя на ВИЧ и гепатит. Все тесты оказались отрицательными, и я рад этому сейчас, но в то время я почувствовал себя расстроенным, потому что болезнь казалась легким пропуском из адской дыры, в которой я оказался благодаря героину и мету. Я надеялся, что, может быть, у меня обнаружится что-то смертельное, и это убьет меня. Тогда мне не пришлось бы смотреть на мир и в свое будущее. Мою вину. Не возвращаться в мир, полный наркотиков и жизни.

Добравшись до конца лестницы, лавирую по коридору, идя до конца в мою комнату. Я подхожу постепенно, зная, что, когда окажусь внутри, многое из того, от чего я так бежал, снова появится. Я думал попросить отца вычистить все для меня: фотографии, рисунки, все, что связано с прошлым. Но мой терапевт сказал, что для меня будет лучше сделать это самому. Надеюсь, что он прав. Я надеюсь, что он прав насчет многих вещей, иначе я сломаюсь.

Я держусь за дверную ручку, наверное, около десяти минут, прежде чем набираюсь смелости повернуть ее и открыть дверь. Когда я вхожу, перешагнув за порог, хочу убежать. Я забыл, как много изображений Лекси у меня на стенах. Не только те, что я нарисовал. Здесь много фотографий, где она смеется, улыбается, обнимает меня. На тех фотографиях, где я с ней, я выгляжу таким счастливым, настолько непохожим, таким свободным. *Таким незнакомым. Без шрамов.* Я больше не знаю, кто этот человек, и стану ли я им когда-нибудь снова.

Есть еще несколько фотографий моей матери, те, что бабушка дала мне перед смертью. Некоторые из них сняты, когда родители поженились, и есть даже одна, когда мама была беременна мной, ее последние несколько месяцев жизни, прежде чем она ушла, впустив меня в этот мир. Единственная фотография ее и меня вместе. Она очень похожа на меня: темные волосы и такие же карие глаза. Я многое узнал по рассказам бабушки, например, что у нас одинаковая улыбка, но я давно не улыбался, поэтому не уверен, что она по-прежнему похожа на ее.

Мне все-таки удастся улыбнуться, смотря на ее фото, где она смеется на камеру. Это заставляет меня чувствовать себя счастливым, и мне грустно, что я должен их снять. Это то, чему меня учили в течение последних нескольких месяцев - отпустить прошлое. Но мне нужно еще несколько минут.

После того, как я осматриваю каждый снимок, дыхание с эмоциональной болью давит на меня, я бросаю свою сумку на пол и иду к стопке эскизов на комод. Я потерял последние рисунки, когда сгорела квартира, и это почти все, что осталось. Не знаю, хорошо это или плохо. Одно я знаю точно, я рад, что у меня нет автопортретов. На самом деле, я надеюсь, что мне никогда не придется увидеть себя таким, каким я был два месяца назад. Я помню, когда впервые посмотрел в зеркало, попав в реабилитационный центр. Скелет. *Ходячий мертвец*. Вот как я выглядел.

На стене есть зеркало, и я подхожу к нему. Теперь я выгляжу по-другому, моя кожа не такая бледная, карие глаза не налиты кровью и в них нет того испуга. Щеки уже не такие впалые, руки еще худые, но тело уже более оформлено. Волосы коротко острижены, а лицо выбрито. Я выгляжу живым, а не как призрак. Я похож на человека, которого я знал, и я боюсь снова им стать. Я выгляжу, как Куинтон.

Сглотнув, отворачиваюсь от своего отражения и возвращаюсь к рисункам. Мне нравятся несколько, на которых изображена Лекси. Я помню, как много рисовал ее, даже после ее смерти. Но за последние несколько месяцев, побывав на самом дне, на моих рисунках стал появляться совсем другой человек. Человек, с которым я не виделся и не общался два месяца. *Нова Рид*. Я не разговаривал с ней с тех пор, как сел на самолет, отправляясь на реабилитацию. Я писал ей несколько раз, но так и не отправил письма, слишком напуганный, чтобы сказать ей все, что должен, слишком напуганный, чтобы выразить эмоции, я был уверен, что не готов с этим справиться. Она звонила мне несколько раз в клинику, но я не мог заставить себя поговорить с ней. Месяц назад она прислала мне письмо, и оно лежит в блокноте, ожидая, чтобы его открыли. Не уверен, что когда-нибудь смогу сделать это. Прочитать его. Отпустить ее, если это то, чего она хочет. Я бы не стал винить ее, если бы она это сделала. После всего, через что она прошла - навещала меня в той дыре, которую я называл домом, терпела мои перепады настроения и торговцев наркотиками, угрожавших ей.

Тяжело вздохнув, я достаю свой блокнот и карандаш из сумки и

плюхаюсь на кровать. Листаю блокнот до чистого места и решаю, что я хочу больше: писать или рисовать. Оба метода помогают в терапевтических целях, хотя я намного лучше рисую. После недолгих размышлений, я беру карандаш, начиная рисовать. Я уже знаю, что будет изображено на бумаге. Я потерял все рисунки с Новой после пожара в квартире. Ни одного не осталось. Словно память о ней исчезла. Но я не хочу, чтобы это случилось, не хочу, чтобы она исчезла. Я хочу запомнить ее. Насколько она хороша. Как она заставила меня почувствовать себя живым, даже когда я боролся с этим. Как я был уверен, что люблю ее, но все еще пытаюсь понять это, точно так же, как я пытаюсь понять все остальное, свое место в этом мире и есть ли мне здесь место. Все вокруг говорят мне да. То, что произошло в аварии, не было моей виной. Да, я ехал слишком быстро, но другой автомобиль тоже, и повернул слишком резко. И что Лекси не должна была высовываться из окна. И я хочу верить, что это правда, что, возможно, это не полностью моя вина. В этом разница между мной сейчас и парой месяцев назад, но это трудно, чтобы отпустить то, за что я хватался последние два года - свою вину. Мне нужно найти причину, чтобы отпустить все и жить таким образом, чтобы не надо было принимать наркотики, чтобы прожить день.

Мне нужно что-то, ради чего стоит жить, но в данный момент я не знаю, что это, черт возьми, и существует ли вообще.

Глава 2

Нова

- Иногда я сижу во дворе, всматриваясь в прохожих. Скорее всего, это звучит жутковато, но в действительности все намного проще. Я просто наблюдаю. Человеческую природу. Их поступки. Действия. Это нечто большее. Если я посмотрю внимательнее, то смогу заметить, если кто-то переживает что-то болезненное. Возможно, расставание. Потерю своей работы. Или потерю любимого человека. Вероятно, они тихо страдают, затерявшись в море вопросов «что если». В море боли. Потерь. Раскаяния, - немного сдвигаюсь на скамье, расположенной в центре двора, когда моя спина начинает болеть. Я сижу здесь уже несколько часов, записывая видео и наблюдая, как ходят люди. Что мне действительно хочется, так это выбежать им навстречу и остановить каждого. Узнать их историю. Услышать их. И если им нужно утешение, то утешить. На самом деле это

то, чем я хотела бы заниматься. Иметь возможность помогать людям. И еще я бы хотела найти способ делать это при помощи видеосъемки.

- Смерть. Ее гораздо больше, чем люди думают. Потому что никто не хочет об этом говорить или слышать. Это слишком печально. Слишком больно. Слишком сложно. Список причин бесконечен. - Порывы ветра ударяют мне в спину, вынуждая листья кружиться вокруг головы и бросая пряди волос прямо в лицо. Осенью в Айдахо уже холодно в это время, а я забыла взять куртку.

Дрожа, поднимаюсь на ноги и забираю свою сумку. Положив в нее камеру, возвращаюсь в квартиру, ускоряя темп, когда понимаю, что уже поздно, и что я должна была давно быть дома. Сегодня действительно большой и важный день. Не потому, что у меня был тест по алгебре, или я показывала один из моих мини-видеоклипов своей группе. Нет. Сегодня важный день, потому что Куинтон выходит из реабилитационного центра. Эту информацию я узнала не от него. К сожалению, мы с ним не говорили с того дня, как он поднялся на борт самолета вместе с отцом и отправился обратно в Сиэтл, чтобы получить помощь. У меня есть другие источники информации. И если быть точнее, то это Тристан.

Тристан - кузен Куинтона, и так оказалось - мой сосед. Они иногда разговаривают по телефону, и я думаю, что еще он общается со своими родителями, но их разговоры проходят в основном на негативе, потому что родители Тристана по-прежнему обвиняют Куинтона в автомобильной аварии, в которой погибла их дочь Райдер. В общем ситуация запутанная, но я не думаю, что это когда-нибудь изменится. Тристан согласен со мной. Он однажды сказал, что не верит, что его родители когда-нибудь перестанут винить Куинтона, что они будут держаться за эту вину, чтобы жить каждый день, как бы паршиво это ни звучало. Но, к счастью, Тристан - хороший парень и пытается компенсировать это, будучи другом Куинтона и прощая его.

Прощать. Если бы только люди могли чаще это делать. Тогда, возможно, в мире было бы меньше боли.

Когда я вхожу в квартиру, в воздухе пахнет ванилью от горячей на кухонном столе свечи. У входной двери стопка журналов и почта. Тристан сидит на диване, уставившись в свой телефон, как будто на врага.

- Привет, - говорю я, опуская сумку на пол. - Ты уже звонил ему?

- Я чувствую себя наркоманом, - жалуется Тристан, когда я плюхаюсь на диван рядом с ним.

Дружески похлопываю его по ноге. - Уверяю тебя, это не так.

Он прищуривается, притворяясь, что сердится, но я знаю его достаточно,

чтобы его раскусить. Просто немного раздражен. - Но так в некотором роде получается, я звоню ему, чтобы заполнить для тебя информацию.

- Но ты тоже хочешь знать, - напоминаю ему, хватая горсть «Скитлс» из миски на журнальном столике. - Что он собирается делать, в порядке ли он. И нужно ли ему что-нибудь, теперь, когда он вышел.

- Да, но я даже не уверен, что он поговорит со мной, мы едва общались, пока он был в реабилитационном центре, - говорит он, пока я закидываю конфеты себе в рот.

Я перестаю жевать и, надув губы, складываю руки перед собой. - Ну, пожалуйста.

Он качает головой, а затем проводит пальцем по экрану. - Хорошо, но я делаю это только потому, что ты позволила мне жить здесь и потому, что твоему милому личику трудно отказать.

- Ты ничего не должен мне, живя здесь, - успокаиваю я его. - И ты отдаешь арендную плату, так что эта квартира так же твоя, как и моя.

- Но ты заботишься обо мне, - напоминает он, нажимая цифры на телефоне. - И держишь меня подальше от неприятностей.

- Ты такой хороший мальчик, - я глажу его по голове, словно щенка, хотя он намного симпатичнее щеночка. Его светлые волосы, голубые глаза и улыбка создают впечатление, что он принадлежит к той категории парней, у которых всегда все отлично и идеально. Но у него темное прошлое. Полно призраков. Полно ошибок и зависимостей, с которыми он борется каждый день.

- Я не собака, Нова, - он бросает обиженный взгляд, а затем встает с дивана с телефоном, прижатым к уху, и, огибая журнальный столик, направляется к прихожей.

- Эй, ты куда? - кричу ему вслед, опираясь на подлокотник кресла и глядя ему в спину.

- Поговорить наедине, - говорит он, исчезая в своей комнате. - Потому что твое назойливое внимание сводит меня с ума. - Спустя несколько секунд дверь в его спальню закрывается.

Сажусь обратно и достаю из кармана свой телефон. Я записываю видео уже полтора года, и теперь это вошло в привычку всякий раз, когда у меня в голове много беспорядка, как сейчас. Для меня это как писать в дневник, хотя я еще использую некоторые видео в процессе обучения. Изначально все начиналось совсем не так. Впервые я начала снимать видео в трудный период моей жизни, примерно через год после того, как мой парень Лэндон убил себя. Он сделал видеозапись до того, как уйти навсегда, и по какой-то причине, это помогало мне почувствовать себя ближе к нему. В конце

концов, я отпустила его, но все еще ощущаю при этом незримую связь.

Выпрямляю спину и нажимаю на кнопку, переворачивая камеру на себя, мое изображение появляется на экране. Длинные каштановые волосы спадают на плечи, зеленые глаза смотрят на меня. На коже здоровый румянец, и на носу видны веснушки. Я не самая красивая девушка в мире, но выгляжу вполне прилично, когда я трезва и моя система чиста, что продолжается уже больше года.

После того, как мне удастся найти правильный угол, прочищаю горло и начинаю запись. – Тристан иногда может быть таким занудным, особенно, когда делает то, что не хочет. Совсем не тот человек, которого я знала два месяца назад или даже два года назад. Он трезв уже более трех месяцев и живет со мной и Леа, моей лучшей подругой. Хорошо, что он стал более серьезным, потому что это избавит его от неприятностей. Он ходит на работу в кафе в миле от дома, посещает колледж и остается в стороне от вечеринок. Я могу сказать, что бывают времена, когда он мог бы предпочесть что-то получше, чем сидеть дома, есть пиццу с Леа и мной, но он всегда остается, что для меня означает, что на данный момент все в порядке, по крайней мере, я надеюсь на это. И я надеюсь, что с Куинтоном тоже все в порядке. Хотела бы я знать. Что-то... что-нибудь о нем, но он не разговаривает со мной и не ответил, когда я отправила ему письмо месяц назад. Не знаю, может он злится на меня, но Тристан заверяет, что это не так. Что он, вероятно, чувствует себя виноватым из-за того, что он сделал, и мне жаль это слышать. У него и без меня достаточно проблем, а у меня сейчас все в порядке. На самом деле. Я здорова. Счастлива. И двигаюсь вперед.

Выключаю камеру, встаю и начинаю мыть посуду, используя этот метод в качестве трудотерапии. Часть меня хочет вернуться к привычке все считать, потому что прямо сейчас я нервничаю, и это желание намного сильнее, чем было раньше. Фактически, последние несколько месяцев его не было. Думаю, это потому, что я была слишком занята в колледже, работой в фотостудии и, конечно же, моей группой.

Да, я состою в группе под названием Ashes&Dust [1]. Джексон, бывший бойфренд Леа, наш солист, имя басиста - Спалдинг, а гитариста - Никко. Я единственная девушка, и Леа всегда отпускает шутки о том, как мне повезло, но мне неловко, потому что отношения между ними с Джексоном закончились не очень хорошо. Каждый раз, когда упоминается имя Леа, Джексон меняется в лице. Тем не менее, это потрясающе, что я могу играть на барабанах, и мне жаль, что я не могу это делать все время. Жизнь была бы тогда не такой сложной.

Тристан все еще в своей комнате, когда я загружаю посудомоечную машину, и я слышу, как он разговаривает через дверь. Мне приходит в голову мысль о том, чтобы приложить ухо к двери и подслушать, но я тут же отметаю эту идею, поэтому иду в гостиную и включаю стерео, ставя Pura Roach. Начинаю двигаться в такт, танцуя вокруг. Я бы подыграла им на барабанах, но мне не разрешают больше это делать, с тех пор, как соседи пожаловались на шум. Так печально, что мне приходится, вместо игры на ударных, танцевать, ведь из меня вышел паршивый танцор.

Я самозабвенно трясую своими длинными каштановыми волосами и виляю задницей, при этом громко напевая слова, когда внезапно слышу кашель из-за спины. Немедленно прекращаю танцевать и пытаюсь проигнорировать прилив крови к щекам, когда подхожу выключить музыку.

Приглаживаю волосы и вытираю пот со лба, прежде чем обернуться и посмотреть на Тристана. - И что он сказал? - спрашиваю я, затаив дыхание.

Он скрещивает руки и приподнимает бровь, глядя на меня, пытаюсь не улыбаться. - Милый танец.

Делаю смущенный реверанс, и он немного расслабляется. - Спасибо, - выпрямляю спину. - Теперь рассказывай, что он ответил. Он в порядке? Ему хорошо? Или плохо? Что?

- Давай присядем, - он кивает на кожаный диван, я подхожу и сажусь. Он присаживается рядом со мной, слегка нервничая, поскольку теребит нижнюю пуговицу на своей рубашке. - У него все в порядке, - наконец говорит он.

- И? - я жестикулирую, требуя, чтобы он дал мне более подробную информацию. - Тебе не показалось, ну я не знаю, что ему нужна помощь?

Он вздыхает, пропуская пальцы через свои светлые волосы. - Кажется, у него был довольно бодрый голос. Он остался с отцом, и теперь они разговаривают обо всем, что никогда раньше не делали. На следующей неделе он должен пойти к терапевту и в группу поддержки, которая, на мой взгляд, довольно хороша. Группа поддержки очень помогла мне, когда я вышел из реабилитации. Он сказал мне, что, вероятно, останется в Сиэтле какое-то время и попытается найти работу там, - он делает паузу, следя за моей реакцией, словно думает, что я сейчас сломаюсь.

- О... - это должно было звучать более радостно из моих уст, чем вышло, я должна быть рада за него. Так и сеть, но по какой-то глупой причине я надеялась... не знаю... что увижу его снова. - Звучит здорово, я полагаю.

- Тогда, почему ты такая грустная? - он подвергает мои слова сомнению, ища в глазах правду.

Я пожимаю плечами. - Я счастлива за него. Просто грустно, что не увижу

его.

- Ты могла бы позвонить ему... на самом деле, я так и сказал ему.

Сглатываю комок нервов, который застрял в горле. - И что он ответил на это?

- Он сказал, что можешь, - он выглядит так, будто хочет отречься от своих слов, стоило ему их произнести. - Ну, я имею в виду, он нервничал из-за этого всего, но я думаю, что он чувствует себя виноватым в том, что случилось с тобой, когда ты была в Вегасе. - Он смотрит вниз на свои руки. - То дерьмо, которое произошло с наркоторговцами... это была моя ошибка.

Я молчу, не только из-за того, что Тристан сказал мне о Куинтоне, но и из-за того, что он чувствует свою вину. Даже при том, что это была его ошибка — что произошло с наркоторговцами, их угрозы в мою сторону и избиение Куинтона — это не означает, что он должен чувствовать себя виновным в этом. - Ты не должен корить себя, Тристан, - пускаюсь на диван и скрещиваю руки на груди. Каждый всегда обвиняет себя в каких-либо поступках, включая меня, и я сыта этим по горло. Я просто хочу, чтобы мы отпустили прошлое. Двигались дальше. - Я делаю скидку на то, что ты не мог здраво рассуждать, когда все это произошло.

Он смотрит на меня. - Иногда ты слишком многое прощаешь.

- А ты иногда слишком пессимистичен, - парирую я. Становится тихо, и я чувствую, как мы приближаемся к депрессивному состоянию. Прежде чем мы вконец там очутимся, я встаю и протягиваю ему руку. - Давай. Пойдем, сделаем что-нибудь забавное.

Он поднимает бровь. - Что, например?

Пожимаю плечами, все еще протягивая руку. - Я не знаю. Можем сходить в кино. Или возьмем фильм на прокат, закажем пиццу и посмотрим его дома.

- Никаких документальных фильмов, - быстро говорит он, беря меня за руку, и я помогаю ему встать. - Я знаю, что ты их любишь, но еще одного я не выдержу. - Он отпускает мою руку и сжимает голову с шуточной улыбкой. - От такой скуки у меня разболится голова.

- О, бедный ребенок, - закатываю глаза и иду к двери, забирая сумку со стола, но, когда Тристан не следует за мной, оборачиваюсь. - В чем дело?

Он колеблется, остановившись посреди гостиной, массируя заднюю часть шеи. - Разве ты не будешь звонить ему?

Перекидываю ремешок сумки через плечо, пытаюсь унять нервозность, возникающую от идеи прямо сейчас позвонить и услышать голос Куинтона. Боже, я так хочу услышать его, но в то же время мне страшно, потому что я не уверена, что он хочет того же. Думаю, он еще не готов к этому. - Я

подумала, что сделаю это завтра... после того, как решу, что ему сказать. - Я делаю паузу, осмысливая свои слова, какой линии мне придерживаться, особенно если он прочитал письмо. - Как ты думаешь, что мне ему сказать?

Уголки его губ приподнимаются, когда он останавливается передо мной. - Привет.

Мягко беру его за руку. - Ну же. Я серьезно. Я не знаю с чего начать.

Он задумывается над моим вопросом, хмуря брови в глубокой мысли, но потом резко расслабляется. - Просто будь собой, Нова. - Он обнимает меня за плечи и направляется к входной двери. - У тебя есть такое качество, что любому легко с тобой общаться, и я знаю, что Куинтон тоже это чувствует, поскольку, кроме меня, ты единственный человек, с которым он действительно разговаривал обо всем этом дерьме.

- Спасибо, - говорю я, испытывая дискомфорт от его прикосновения, как, впрочем, и всегда. У нас с Тристаном странная история полная неловких разговоров. Он всегда заигрывал со мной, и однажды, сразу после того, как мой парень покончил с собой, я напилась и целовалась с ним. Затем я убежала в слезах и пыталась перерезать себе вены.

Я точно не пыталась убить себя, когда делала это. Это был просто очень тяжелый период в моей жизни, пожалуй, самый тяжелый, чем когда-либо, и я была растеряна. Но теперь мне лучше – я стала сильнее. Я не напиваюсь и не целуюсь с незнакомыми парнями, и у меня даже есть татуировка чуть ниже шрама — *никогда не забуду* — чтобы я никогда не забыла все, что случилось. Хорошее или плохое. Это часть меня, и иногда я думаю, что именно это сделало меня сильнее.

Мы с Тристаном выходим из квартиры, заперев за собой дверь. Мы живем в крытом комплексе, где есть лифт, но он настолько древний и медленный, что зачастую мы пользуемся лестницей. Пока мы спускаемся, я стараюсь не считать ступени, но мне дается это с трудом. Мне надо отвлечься от мыслей о Куинтоне и возникшей неловкости между Тристаном и мной, так что я достаю телефон, чтобы позвонить Леа и узнать, готова ли она к вечеру с пиццей и просмотром фильма. Надеюсь, что да. Тогда мы с Тристаном не останемся наедине.

- Привет, это я, - говорю в трубку после того, как она отвечает, и потом глупо добавляю, - Нова.

- Ну да, - она смеется. - Ты такая дурочка.

- Благодарю, - саркастически отвечаю я. - Приятно слышать это от девушки, которая рисовала на своем лице перманентным маркером.

- Я пыталась поднять школьный дух, - поясняет она, защищаясь. -

Откуда, черт возьми, мне было знать, что проклятый «Вперед, Бронкос» не сотрется с моего лица после этого?

- Хм, может тот факт, что маркер был фирмы «Sharpie»? -

останавливаюсь внизу лестницы. - И надпись «перманентный» на нем?

- Ха-ха, - поясничает она, пока Тристан открывает дверь, и я выхожу на солнечный свет, льющийся с кристально-голубого неба. - Ты такая умная.

- Как и ты, - направляюсь по тротуару в сторону навеса с Тристаном, который позади меня возится со своей зажигалкой.

- Я знаю, и мне нравится, что ты поддаешься влиянию.

- Мне тоже, - роюсь в сумочке в поиске ключей от автомобиля. - Во всяком случае, мы с Тристаном идем за пиццей и фильмом, а затем со всем этим вернемся домой. Ты вернешься на вечер пиццы и кино?

- Не могу, - говорит она поспешно. - У меня есть планы.

- Планы с кем? - останавливаюсь у навеса над моей машиной. Тристан тоже останавливается, наблюдая за мной с любопытством. - Я знаю, что ты с кем-то тайно встречаешься, - говорю я Леа. - Так что просто признайся.

- Я ни с кем не встречаюсь, - отвечает она, изображая обиду.

- Неправда, - возражаю ей. - Вот почему ты зависишь на всех футбольных матчах.

- Эй, мне нравится футбол, - утверждает она. - Я даже смотрела ESPN [2] как-то.

- Случайно, - напоминаю ей. - Ты переключала каналы и остановилась на нем, потому что репортер был горячим.

- Эй, если я говорю, что люблю футбол, значит, мне нравится футбол.

- Неа. На самом деле, однажды ты сказала мне, что это самый бессмысленный вид спорта, который когда-либо существовал только потому, что парни пытаются доказать, что они сильнее друг друга.

- Эй, не все парни, - Тристан спрыгивает с бордюра под навес, который проходит вокруг всего парковочного комплекса. Затем он обходит машину к пассажирской стороне и открывает дверь. - На самом деле, я не возражаю побыть слабаком.

- Конечно, нет, - я дразню, подходя к двери с водительской стороны. - Вот почему ты пытался подраться с этим парнем во дворе кампуса на днях.

- Я сделал это, потому что он шлепнул тебя по заднице, - говорит он, ныряя в машину, и я, открыв свою дверь, тоже сажусь. Мы в унисон хлопаем дверьми, и я завожу двигатель. - Обычно я стараюсь избегать драк.

- Он задел меня случайно, - возражаю я, пристегивая ремень безопасности.

- Конечно, продолжай убеждать себя в этом, - говорит он, закатывая глаза

и протягивая свой ремень через плечо.

- Эм, привет, - говорит Леа в динамик. - Я все еще здесь.

- Извини, мы немного поспорили, - говорю я ей, надевая очки.

- Да, я слышала, - она говорит это тоном, который уже успел мне надоесть за последние несколько недель, тем, который означает, что она думает, что я нравлюсь Тристану. Обычно я ругаюсь с ней, но не сейчас, когда он рядом.

- Так ты с нами на кино-вечер? - меняю я тему.

- Я же сказала тебе, что занята.

- Хорошо. Тогда иди на свое свидание.

- Это не свидание, - она пытается говорить раздраженно, но я слышу улыбку в ее голосе.

- Ну, если ты так говоришь, - в машине слегка влажно, так что включаю теплый воздух. - Но чтоб ты знала, я собираюсь ждать всю ночь, чтобы увидеть, кто тебя подвезет.

- Хорошо, - соглашается она, но я знаю, что она мне не верит.

- Удачи на твоём свидании, - говорю я с сарказмом, готовясь повесить трубку.

- Тебе тоже, - отвечает она с хохотом. - На твоём.

Я качаю головой, смеюсь и, наконец, прощаюсь. После того, как мы кладем трубки, бросаю телефон в сумку. Интересно, что из всего этого слышал Тристан. Не похоже, что он заинтересован, он уставился в окно на Стэна, двадцатипятилетнего соседа, который тащит кегу с алкоголем ко входу в жилой комплекс.

- Похоже, Стэн устраивает вечеринку? - отмечает он, и я ненавижу интерес в его тоне.

- Как обычно? - включаю первую передачу и опускаю козырек. Солнце начинает садиться и так слепит глаза, что я едва могу видеть, даже в очках. Тем не менее, закаты в Айдахо великолепны. Из-за пологих холмов и отсутствия высотных зданий, которые могут блокировать свет, небо превращается в одно большое оранжево-розовое отражение в сумерках.

- Может, нам стоит сходить, - предлагает он, наблюдая за тем, как Стэн пытается открыть входную дверь, чтобы перетащить кегу внутрь. Тристан смотрит на меня с непонятным выражением. - Это может быть весело.

Я уже начала жать на газ, но быстро нажимаю на тормоз, останавливая машину. - Тристан, я не думаю, что это хорошая идея. Ты все еще очень уязвим. Я веду к тому, что помню, что случилось, когда я пробовала марихуану через четыре месяца после того, как перестала употреблять наркотики... а ты употреблял очень сильные вещи... я знаю, что твой врач

согласился бы со мной... - перестаю мямлить, потому что он выглядит так, словно собирается рассмеяться, его губы плотно сжаты, голубые глаза сверкают. - Почему ты так смотришь на меня?

Он больше не может сдерживать улыбку. - Я просто немного поиздевался, Нова, - смех вырывается с его губ, когда он тянется за сигаретами в карман. - Я бы не пошел на вечеринку. Я забочусь о своем выздоровлении, чтобы не обоссаться прямо сейчас.

Я прищуриваюсь. - Это не смешно.

Он продолжает улыбаться, беря сигарету в рот и прикуривая. - Было, черт возьми.

Я качаю головой, опуская окно, чтобы впустить воздух. - Это не смешно, заставляя меня так волноваться.

- Эй, - он наклоняется через сиденье, убрав руку с сигаретой в сторону, и дотрагивается до моего лица свободной рукой, напугав меня своим неожиданным, почти интимным, прикосновением. - Извини. Ты права. Это не смешно, заставляя тебя беспокоиться об этом, но всегда приятно знать, что ты заботишься обо мне.

Я вздыхаю. - Я забочусь обо всех, кто периодически делает мою жизнь невыносимой.

- Я знаю, - пальцем он гладит по моей скуле, и я с трудом стараюсь не вздрагивать. Я гадаю, что эти прикосновения могут значить, и переживаю, что в один прекрасный день все это выйдет из-под контроля и конфликт будет неизбежен. Я ненавижу конфликты. Это действительно так. - Это и делает тебя хорошим человеком.

Я натягиваю улыбку, потому что должна. Он в хрупком состоянии, и я об этом знаю. И он полагается на меня. Если бы мы не были друзьями, я понятия не имею, что бы с ним случилось. Смог бы он позаботиться о себе или вернулся бы к старым привычкам, и я не хочу это выяснять.

Поворачиваю голову в сторону лобового стекла, притворяясь, что единственная причина заключается в том, что мне нужно вести машину. - Ты такой странный иногда... я кручу руль влево и даю задний ход, вырвав из-под навеса. - Всегда меня хвалишь.

- Я странный, - он удивленно смотрит на меня, указывая на себя. - Ты единственная, кто всегда говорит глупости.

- Нет, - протестую я, хотя отчасти это правда. Я иногда говорю глупости, когда нервничаю.

- Говоришь, - настаивает он, пока я выезжаю со стоянки. - Как-то раз ты рассказала какой-то случайный факт про енота.

- Я делаю так, когда нервничаю.

- Тем не менее, это глупость.

- Дело не в этом. Это просто означает, что у меня яркая индивидуальность.

- Яркая глупенькая личность, - он затягивается сигаретой, а затем начинает кашлять. Он спешно опускает стекло, сморкаясь и сплевывая.

- Это мерзко, - комментирую я с отвращением на лице. – Серьезно.

- Эй, у меня насморк. - говорит он, защищаясь, откидываясь назад на сиденье, опираясь рукой на подлокотник, поэтому большая часть дыма уходит в окно. - Ничего не могу поделать.

- Ты болеешь уже две недели. Может быть, пришло время провериться. - Я оказываюсь на главной дороге, которая проходит прямо через центр города. Она граничит с рядом деревьев, и, так как уже осень, на дороге и тротуарах повсюду листья. Это прекрасное зрелище и осень - одно из моих любимых времен года.

- Хорошо, мамочка, - он закатывает глаза, делаю еще одну затяжку.

- А может стоит бросить курить, - говорю я. - Ты же знаешь, что эти вещи могут убить тебя?

- Знаешь, это звучит слишком нравоучительно, - он стряхивает пепел с сигареты в окно, довольно ухмыляясь. - Но это нормально. Я знаю, ты делаешь это только потому, что тайно влюблена в меня.

Смотрю на него уничтожающим взглядом, с трудом сдерживая смех, потому что большая глупая улыбка на его лице выглядит очень смешно. - Ты такой придурок.

- Хорошо. Я, может быть, и придурок, а ты глупая, и мы прекрасно дополняем друг друга.

Я ничего не могу поделать. Я смеюсь. - Ладно, полегче, Джерри Магуайер.

Его лицо искажается в недоумении. - Кто такой, черт возьми, Джерри Магуайер?

Мой смех переходит в шок. - Ты шутишь?

Он качает головой. - Нет, кто этот парень?

- Это не парень... ну, это так, но то, что ты сказал... это из фильма Джерри Магуайер... я вижу, что его замешательство становится сильнее. - Не обращай внимания. Но я хотела бы отметить тот факт, что ты не цитируешь фильм, и от этого сказанное становится в десять раз смешнее.

Усмехаясь, он поднимает сжатую в кулак руку в воздух, как будто он празднует. - Да, теперь я придурок и посредственный комик. Что делает нас еще более совместимыми.

Я улыбаюсь, несмотря на то, что он может дать мне оплеуху, но это

слишком смешно. И мне это необходимо прямо сейчас. Нужно быть счастливой, иначе я начну фокусироваться на своем беспокойстве.

Фокусироваться на Куинтоне, и что с ним происходит.

Мы продолжаем разговор о глупостях и занудстве оставшуюся до пиццерии часть дороги. В конечном итоге тема переходит к колледжу, как много занятий он собирается взять в следующем семестре. К концу поездки он снова говорит мне, что я веду себя как его мама. Ну, не совсем его мама, потому что он редко разговаривает с ней, что я не понимаю, потому что он предпочитает не говорить об этом. Но к моменту возвращения в квартиру мы перестаем спорить, и болтаем о фильме «Телеведущий», который взяли в прокат, на котором он настоял, уверяя, что он веселый, и не веря, что я его еще не смотрела.

- Для того, кто сам снимает, ты слишком мало знаешь о фильмах, - говорит он, положив коробку с пиццей на журнальный столик.

Оставляю DVD у телевизора и иду на кухню, чтобы захватить содовой. - Я видела много фильмов. Просто не этот.

- Точно. Я слышал, как ты перечисляла кучу фильмов, которые не видела, когда все нормальные люди их давным-давно посмотрели. - Он падает на диван, скидывает обувь и поднимает ноги.

Открываю дверь холодильника. - Ну, думаю, мы уже выяснили, что я не нормальный человек, - хватаю банку Доктор Пеппер для себя и Маунтин Дью для него, придерживая дверь бедром. Затем я бросаю ему Маунтин Дью. - Кроме того, я видела много фильмов, которые ты не видел.

Он ловит содовую, с недоумением спрашивая, - Какие это?

Я открываю свою банку и делаю глоток, направляясь к дивану. - Не знаю, - сажусь рядом с ним, думая, что ответить. - Что на счет «Бойцовского клуба». Я знаю, что ты его не видел.

Он тоже вскрывает свою банку. - Да, потому что он старый.

- И совсем он не старый, - утверждаю я, когда он наклоняется и открывает коробку с пиццей. - Его сняли в девяностые, и мы родились в девяностые.

Он делает глоток, ставит банку на журнальный столик и берет кусок пиццы. - Так, может, мы старые.

- Может быть, и мы, - соглашаюсь я. - Иногда я чувствую себя старше своего возраста.

- Я тоже, - признается он, доставая перец из пиццы и отбрасывая его в коробку. - Я думаю, это связано с жизненным опытом.

Он прав. Я думаю, мы оба прошли через столько, что иногда чувствуем себя старше. И вероятно Куинтон тоже себя так чувствует, и мне бы

хотелось, чтобы он был здесь со мной, чтобы я могла прижаться к нему, зная, что он в порядке.

Становится тихо, когда я погружаюсь в свои мысли и, наконец, убираю содовую и ставлю DVD. Когда начинается заставка, я возвращаюсь на диван и начинаю есть. Мы с Тристаном еще немного болтаем о старости, пока фильм не начинается, и мы замолкаем.

Чем дольше идет фильм, тем ближе он придвигается ко мне, и в какой-то момент я ловлю себя на мысли, что нахожусь на свидании. Я задаюсь вопросом, стоит ли мне отодвинуться. Но я не хочу ранить его чувства, особенно когда он в таком уязвимом состоянии. Точно так же, как Куинтон, который, я бы хотела, чтобы был здесь со мной. Куинтон, который так далеко, но я хочу, чтобы он был здесь. Я хочу прикоснуться к нему. Увидеть, что с ним все в порядке. Быть с ним больше, чем может, мне следует.

Чем длиннее ночь, тем больше мои мысли возвращаются к Куинтону. Что он делает. О чем думает. Как он чувствовал себя последние два месяца. Я хочу поговорить с ним, но боюсь той недосказанности, что есть между нами. Просто надеюсь, что мы сможем все обсудить, иначе все будет так, как раньше, когда он не хотел разговаривать со мной. Так было и с Лэндоном. Когда мы встречались, я думала, что знаю его. Думала, у нас хорошие отношения. Думала, что проведу остаток своей жизни с ним. Но между нами было так много недосказанности и, в конце концов, он так ничего и не сказал.

- Ну и что ты думаешь? - Тристан прерывает мои мысли, приближаясь ко мне на столько, что его нога касается моей.

Я выдавливаю улыбку, напрягаясь, когда его дыхание касается моей щеки. - Хороший фильм. Действительно смешной. - Но я едва его смотрела.

Он скользит рукой по спинке дивана за мной. Я улавливаю слабый аромат мыла, смешанный с сигаретным дымом. - Видишь, я же говорил, что тебе понравится.

Растягиваю губы в еще большей улыбке, и он либо не замечает, что я притворяюсь, чтобы казаться счастливой, либо ничего не говорит. Он переключает свое внимание на фильм, уставившись в экран, и берет еще один кусок пиццы. Я начинаю ощущать гиперчувствительность к нему и его движениями, насколько усталым он выглядит, мешки под глазами. Я думаю, что он устал, и рассуждаю о том, стоит ли ему сказать, что я хочу спать как предлог, чтобы избавиться от растущего дискомфорта в этой ситуации. Это было бы так просто вернуться в мою комнату, но в то же время я знаю, что мое присутствие помогает Тристану держаться подальше

от неприятностей. Так что я остаюсь на месте и пытаюсь сконцентрироваться на фильме, насколько смогу.

* * *

- Что мы здесь делаем? - спрашиваю я Куинтона, стоя на краю обрыва и глядя на землю под нами. Холмы тянутся на мили и мили, пока не соединяются с горизонтом.

- Мы обретаем мир и покой, - говорит он, и я, чувствуя взгляд его медово-карих глаз, поворачиваюсь и смотрю на него.

Он выглядит лучше, чем в прошлый раз, когда я его видела, более мускулистый, глаза ярче, волосы коротко острижены, как будто я впервые встретила его. Он не надел рубашку, видно шрам на его груди и татуировки на руке: Лекси, Райдер и Никто. Хоть я и знаю, что шрам и татуировки имеют отношение к аварии, я знаю это только из новостных материалов, которые нашла в интернете. Куинтон никогда не говорил мне ничего о том, что произошло в ту ночь, и я удивлюсь, если когда-нибудь расскажет.

- Что? - спрашивает он, поднимая бровь, и я понимаю, что молча уставилась на него.

Я качаю головой, все еще не в состоянии отвести от него взгляд. - Ничего, - говорю я. - Мне просто интересно... - я запинаюсь. - Не обращай внимания.

Он протягивает руку и прикасается ладонью к моей щеке. - Это не ничего, Нова. Пожалуйста, просто скажи мне... я хочу знать... я хочу знать все, о чем ты думаешь.

Это такой честный вопрос, что мне требуется всего секунда, чтобы ответить. - Я думала о твоих татуировках и шраме, и что они значат. - Как только слова слетают с моих губ, я понимаю, что сказала не то.

Я вижу, как его мускулы напрягаются, пальцы сжимаются в кулаки, губы превратились в тонкую полоску. Я хочу забрать свои слова обратно, но слишком поздно, и вдруг он уходит от меня.

- Не уходи, - взываю я, потянувшись к нему, но мои ноги не двигаются. - Пожалуйста, я не хотела.

Он качает головой, его кожа бледнеет, мышцы сдуваются, пока он не выглядит как скелет. В его глазах становится пусто, и скулы приобретают более резкие очертания. Когда его тела изменяется, он выглядит так же, как Куинтон, которого я видела в последний раз, того, кто потерял свое тело из-за героина. Того, кто отказался от жизни. Того, кто хотел умереть, потому что ненавидел себя.

- Извини, - говорит он совсем не то, что я ожидала.

- За что? - задаю вопрос, опустив руки.

- За это, - он бежит в сторону обрыва, будто собирается прыгнуть.

- Нет! - кричу я, когда он оказывается у самого края.

Наконец, мне удается сдвинуться и побежать за ним, но уже слишком поздно. Он летит по воздуху, и падает со скалы на каменистое дно...

Мои глаза распахиваются, и я хватаю воздух. Мне хватает секунды, чтобы сориентироваться, и я, наконец, осознаю, что это был сон, и я не на обрыве, наблюдаю, как Куинтон падает, а лежу на диване в обнимку с Тристаном, наши ноги переплетены. Мои глаза расширяются, когда я понимаю это, и я спешу выпутаться из его объятий. В итоге я соскальзываю с дивана и падаю лицом на пол. Быстро сажусь, беспокоясь, что он может проснуться и спросить, что происходит. Мне плохо его видно, потому что уже ночь и в гостиной темно, за исключением света, льющегося через окно и с телевизионного экрана, на котором одна рябь, так как фильм давно закончился. Но я слышу легкий звук дыхания, который, я надеюсь, означает, что он спит.

Я поднимаюсь на ноги, стряхивая остатки ужасного сна, и на цыпочках иду в свою комнату. Закрываю за собой дверь и достаю телефон из кармана. Я хочу позвонить Куинтону, но сама мысль об этом с телефоном в руке приводит меня в ужас. Кроме того, что если он спит или занят?

Сейчас десять часов, а в Сиэтле девять, так что это кажется вполне вероятным. Дрожащими руками около десяти минут перебираю свою коллекцию дисков, не выпуская телефон из рук, мои привычки ОКР [3] дают о себе знать. Наконец, осознав, что мне просто придется это сделать, я плюхаюсь на кровать и набираю домашний номер телефона Куинтона, который мне дал Тристан.

Я кладу голову на подушку и смотрю в потолок, слушая телефонные гудки, и пытаюсь понять, что сказать. Мне нужно быть осторожной со словами - убедиться, что я не говорю ничего, что может расстроить его или оказать на него давление. Но как это правильно сказать? Я не уверена, тем более, у меня много вопросов, сидящих на языке, например, что происходит? В порядке ли он? Скучает по мне? Хочет ли увидеть меня снова?

- Алло, - слышу я уставший мужской голос после четырех гудков.

- Эм... могу я услышать Куинтона? - спрашиваю я, волнуясь, что разбудила его отца.

- Кто это? - задает он вопрос ребром.

Я в замешательстве. Он вообще знает, кто я? - Эм... Нова Рид.

Он делает паузу. - Нова Рид, дочь Керри Рид, верно? - я почти забыла, что

он знает мою маму, потому что именно она уговорила его искать сына, когда Тристан и я потеряли Куинтона, и он жил на улице в Лас-Вегасе.

Я немного расслабляюсь. - Да, она самая, - говорю я, стараясь сохранить непринужденный тон. - Знаю, что уже поздно, но я хотела бы поговорить с ним.

Он молчит, и я переживаю, что, возможно, Куинтон сказал ему, что не хочет со мной разговаривать. Возможно, он сказал Тристану, что я могу позвонить только потому, что почувствовал давление, а затем передумал.

Но затем его отец говорит, - Дай-ка я посмотрю, проснулся ли он.

- Хорошо, спасибо, - я кусаю ногти, пока жду. Слышу звук шагов и открывающуюся дверь. На фоне играет музыка. «Cover Me» от Candlebox. Я рассеянно встаю с постели и включаю свой iPod на док-станции на эту же песню, достаточно тихо, чтобы он не услышал ее, но достаточно громко, чтобы мне было слышно. Это помогает мне почувствовать связь с ним, но опять же, мои эмоции очень сильно связаны с музыкой.

Музыка на другом конце становится тише, пока я иду обратно к кровати. Его отец что-то говорит, ему отвечают, и тогда я слышу, - Нова Рид.

Наступает тишина, слышится только песня Candlebox. Задерживаю дыхание, лежа на кровати, опасаясь, что его отец вернется к телефону и скажет, что Куинтон не хочет со мной говорить. Вместо этого раздается стук, сопровождаемый шорохом. Дверь закрывается, а затем я слышу тихое дыхание на другом конце.

- Привет, - произносит тихо Куинтон, как будто боится говорить.

Я теряю дар речи, пытаюсь сообразить, что сказать, Тристан и наш предыдущий разговор всплывает в моей голове, и я лопочу, - Привет. - Закатываю глаза и качаю головой наедине с собой.

Повисает пауза, и я зажимаю нос, в ожидании его ответа, желая надавать себе по голове за то, что не подумала о чем-то более эпичном, чтобы сказать ему после того, как не разговаривала с ним пару месяцев.

- Привет, - он, наконец, отвечает, и я слышу нотки юмора в его тоне. - Это... это здорово, услышать твой голос.

Не та реакция, которую я ожидала, но я принимаю ее. - Я тоже рада услышать твой голос.

- Прости, что не удалось поговорить с тобой раньше, - говорит он смущенно. - Я просто... ну, я чувствовал себя задницей из-за дерьма, в которое втянул тебя.

- Ты не задница, - накручиваю прядь волос на палец. - И ты не втягивал меня в это. Все, что произошло, был мой собственный выбор, потому что я решила остаться и попытаться помочь тебе. Ты меня не заставлял. На

самом деле, ты пытался сказать мне, что я не должна быть там, наверное, тысячу раз.

- Я обращался с тобой как мудака, - говорит он. - А если честно, то я даже не могу вспомнить все, потому что был все время под кайфом.

- Возможно, это и хорошо, - отвечаю я. - Можно начать все с чистого листа.

- Чистых листов не бывает, - бормочет он. Затем повисает долгая пауза, и, учитывая, его смены настроения в прошлом, я ожидаю, что он разозлится на меня, но, к счастью, он кажется спокойным, когда снова говорит. - Но мы можем попытаться создать новый.

Я оживаю. - Более счастливый?

- Да, возможно... и мы все нарисуем ярко-цветными мелками, - я слышу игривость в его тоне, чего никогда не замечала прежде, и это заставляет меня засмеяться, чувствуя легкое головокружение и бабочки в животе.

- Мы все еще говорим метафорически, верно? - спрашиваю я. - Или мы действительно планируем взять бумагу и написать все, что захотим?

- Мы не будем писать. Я могу все нарисовать, - шутит он, но в его легком юморном тоне скрыта нервозность.

- Да, можем сделать это, - неуверенно ему подыгрываю, стараясь не отставать в разговоре, потому что этот яркий и светлый Куинтон - это новая территория для меня. С самого первого дня, как я встретила его, он был печален. На самом деле это то, что привлекло меня в нем с самого начала. Печаль в его медово-карих глазах сильно напомнила мне Лэндона. - И когда же мы начнем расписывать новый лист вместе... или я думаю, что лучше сказать, когда я увижу тебя снова?

На линии становится тихо, и я думаю, что он мог повесить трубку. Но прислушиваясь очень внимательно, я все еще слышу музыку на заднем фоне и звук его дыхания.

- Я пока никуда не могу уехать, - в конце концов говорит он. - Не потому, что я не хочу, а потому, что мне нужно, наладить жизнь здесь, прежде чем я начну заниматься другими делами.

- Значит, ты собираешься остаться в Сиэтле? - спрашиваю я, пытаюсь скрыть свое разочарование, но у меня не получается.

- Я должен, - говорит он с некоторым раскаянием. - У меня есть терапевт и реабилитационные встречи... и мой папа... ну, он пытается работать над нашими отношениями, и я думаю... я надеюсь, что это поможет мне справиться с некоторыми вещами.

Под некоторыми вещами, я думаю, он имеет в виду свою вину, что стала топливом, управляющим его желанием употреблять наркотики, судя по

обрывкам информации, которые я узнала во время моего пребывания этим летом в Лас-Вегасе.

- И как ты справляешься со всем? - спрашиваю я осторожно.

- Честно говоря, у меня есть и хорошие, и плохие моменты... я не был трезв около двух лет, и даже странно, иметь ясную голову. Я действительно не знаю, что с собой делать.

- Я уверена, что ты разберешься. На самом деле, я знаю, что так и будет.

- Может быть, но мне кажется, что это чертовски тяжело, когда думаю об этом, - говорит он честно. - А я здесь только первый день.

- Да, но потом будет легче, - сажусь и кладу голову на изголовье, вытягивая и скрещивая ноги. - Ты думаешь намного больше теперь, да? Я имею в виду, твоя голова не такая туманная.

- Да, порой я действительно ненавижу свои мысли, - признается он. - И иногда у меня появляется желание... - он замолкает, но я знаю, что он собирался сказать. *Вернуться к наркотикам.*

- Я думаю, у тебя все получится, - говорю я, стараясь его мотивировать. - Думаю, что ты сильный и будешь держать голову ясной.

- Ты всегда так оптимистична и заботлива, - говорит он, стесняясь своих слов. - Я скучал по этому... скучал по тебе.

Небольшая улыбка трогает мои губы, и голова немного кружится, но это приятное какого-черта-происходит-со-мной чувство. - Я хочу тебя увидеть.

- Дерьмо, как я могла оступиться дважды за один разговор? - Я не это хотела сказать. Подожди, я хочу увидеть тебя, но я просто не хочу давить на тебя. - Прикусываю губу, чтобы заткнуться. - Боже, мне так жаль. Я начала этот телефонный разговор, не желая давить на тебя, а сама это делаю. - Вонзаю зубы сильнее в губы, пока не чувствую кровь, потому что это единственный способ заставить себя прекратить говорить ерунду.

- Нова, расслабься, - говорит он. - Я не какой-то хрупкий предмет, который может сломаться в любой момент. Тебе не нужно быть настолько осторожной из-за меня.

- Я знаю, но в то же время, по крайней мере, из того, что сказал мне Тристан, когда ты впервые выходишь из клиники, это действительно тяжело, и ты очень хрупкий.

Он усмехается себе под нос. - Он на самом деле использовал слово «хрупкий»? Потому что оно звучит совсем по-девчачьи.

- Так и сказал, - подтверждаю я, чувствуя себя немного спокойнее. - Но это не его вина. Последние два месяца он живет с двумя девушками, и я думаю, что это сказывается на нем. На самом деле, моя подруга Леа убедила его позволить ей накрасить его ногти. Конечно, это был черный

цвет, но все же. Кажется, что он в одном шаге от того, чтобы мы сделали ему макияж.

Куинтон смеется еще сильнее, и я очень горжусь собой. Я ужасно боялась этого разговора, и все идет хорошо до сих пор — ну, за исключением двух моих промахов о желании увидеть его. У меня есть ощущение, что он еще не прочитал мое письмо, потому что, если бы он его видел, между нами могла возникнуть огромная неловкость.

- Спасибо. Я действительно нуждался в этом, - говорит Куинтон, когда его смех затихает. - Я давно так не смеялся.

- Я рада, - говорю я, и моя гордость возрастает. - Я могу продолжить, если ты хочешь. Рассказать тебе о всех маленьких секретах Тристана, которые произошли в стенах нашей квартиры. - Он снова затихает, и я начинаю волноваться, что сказала что-то не так. - Ты в порядке?

- Да, все хорошо. Просто это странно... что вы двое живете вместе.

- Мы живем втроем, - напоминаю я ему, уловив намек на ревность в его голосе.

- Да, я знаю, но все же... - он замолкает. - Не обращай внимания. Это не имеет значения. В любом случае, это не мое дело.

Что не его дело? Тристан и я, живущие вместе? Я не на сто процентов уверена, что он пытается этим сказать, но отпускаю ситуацию, решив, что было бы глупо давить на него. - Какая у вас погода?

Ему требуется секунда, чтобы ответить. - Облачно и ветрено. Как погода в Айдахо?

- Сухо и солнечно, - откидываюсь обратно на кровать и смотрю на замерзшее окно. - Хотя и немного холодно.

- Да, здесь также, - скушаяще отвечает он. - Нова, мы не обязаны вести светскую беседу, разговаривая о погоде. Как я уже сказал, я не хрупкий.

Не знаю, как реагировать на его слова. Мы столько пережили вместе, но в то же время я его совсем не знаю, его трезвую версию, по крайней мере. - Так о чем же ты хочешь поговорить?

- Как насчет тебя и меня, - говорит он, его голос немного хрипит. - И есть ли это «мы».

Его напор заставляет меня заикаться. - Я... я не знаю, что на это ответить. Я действительно не знаю ответа.

- Я тоже, и не знаю, как мы можем это выяснить... и должны ли. - Он делает паузу. - Боже, я просто прокручивал в голове то, что должен сказать, и не думал, что выйдет так. Я имел в виду, что прямо сейчас я все еще пытаюсь все исправить, и не хочу, чтобы ты чувствовала себя обязанной ждать, когда мне станет лучше.

Мое сердце мучительно бьется в груди. - Ты прочитал мое письмо?

- Нет... а что? О чем-то подобном ты говорила в своем письме?

- Нет, - быстро произношу я. - И тебе не нужно читать его, если ты не хочешь. Или, может, ты его уже выбросил.

- Оно до сих пор у меня, - отвечает он нехотя. - Я просто слишком боялся читать то, что ты там написала. Боялся, что это может означать слишком много.

- Тебе лучше сжечь его. Иногда я несу чепуху, когда пишу или болтаю, и потом не знаю, как забрать свои слова обратно.

- Я не хочу его сжигать. И кроме того, мне всегда нравилась твоя чепуха. Она иногда может быть довольно глубокой.

- Ты сейчас это так говоришь, - дразню я. - Попробуй жить с этим.

Он молчит, и я понятия не имею, о чем он думает. Может он думает, что я сумасшедшая? Или забавная? Я помню, что, когда я была моложе, мне хотелось уметь читать мысли, и сейчас это желание сильно, как никогда.

- Нова, я прочитаю письмо, - говорит он. - Я просто хочу убедиться, что смогу справиться с тем, что в нем.

- Я хотела бы тебе помочь, - говорю я. - Но не знаю, что ты ожидаешь. На самом деле, это всего лишь мои чувства. Касающиеся тебя и меня. - Чувства, в которых я все еще едва могу признаться себе. Я была действительно удивлена тем, что вышло из меня. Насколько он мне дорог, и как я его вижу рядом с собой, когда смотрю в будущее.

- Тогда я не уверен, что уже готов, - в его голосе слышится боль. - Если это отказ, то боюсь, что это сломает меня, а если все наоборот... если ты видишь меня больше, чем другом, то я не уверен, что готов на это сейчас. Потому что, честно говоря, я очень слаб сейчас и даже заботиться о себе едва могу.

Я понимаю, что то, что он говорит уже хорошо. Мне потребовалось больше года, чтобы посмотреть видео Лэндона после того, как он совершил самоубийство, потому что я переживала, что бы там ни было, это разорвет меня на куски. Однако, когда я наконец посмотрела его, я не разбилась. На самом деле, я начала склеивать осколки своей жизни, но только потому, что была к этому готова.

- Тогда жди и не читай его, пока не будешь готов, - говорю я ему. - А пока я согласна просто быть твоим другом. - Похоже на такую огромную ложь, когда я говорю это, ведь на самом деле мое сердце сильно сжимается от боли в этот момент.

- Мне это нравится, - говорит он с облегчением. - Так расскажи мне что-нибудь дружеское.

Я фыркаю от смеха. - И что это значит?

- Я не знаю, - он звучит забавно. - Скажи мне, что бы ты рассказала Леа или Тристану.

- Хм, ну, я посмотрела фильм «Телеведущий» в первый раз сегодня вечером. - Боже, что за чушь.

- И что ты думаешь об этом?

- Я уснула, - признаюсь я. - Но только потому, что была уставшей с самого начала.

- Да, но оно не для всех, - объясняет он. - Хотя я знаю, что Тристан любит его.

- Да, он тот, кто заставил меня его смотреть, - раскрываю я тайну. - Он смотрел на меня, как на сумасшедшую, когда узнал, что я никогда не видела его.

Он опять замолкает. - Я завидую ему, - признается он. - И я говорю это только потому, что мой врач давит на меня, чтобы я говорил вслух о вещах, которые беспокоят меня... и это меня беспокоит... что ты и Тристан проводите столько времени вместе.

- Это не так, - я обещаю. - Мы просто друзья и соседи по квартире.

- Я знаю, я просто хотел, чтобы ты знала, что это заставляет меня чувствовать... ревность, - говорит он нерешительно. - Хотя, если что-то произойдет между вами двумя, я пойму.

- Мы не собираемся встречаться. Поверь мне, - говорю я, думая о том, что произошло на диване, и насколько я хотела бы, чтобы это был Куинтон, а не Тристан. - И, кроме того, мы постоянно ссоримся.

- На самом деле? Вы никогда этого не делали раньше.

- Это было. И он может быть немного раздражителен... я думаю, что ему бывает очень трудно пребывать в скуке.

- Я понимаю его, - констатирует он. - Я уже устал пялиться на стены, хотя я только день здесь, но разговор с тобой помогает.

- Ну, я могу немного пошептать тебе на ушко.

Он смеется. - Сделай это.

Я улыбаюсь красоте его смеха. - О чем будем говорить?

- О тебе.

- Что ты хочешь, чтобы я рассказала о себе?

- Все... я хочу знать все о тебе, Нова, девушка с именем, как марка автомобиля. - Его шуточный тон, произносящий те же слова, что он сказал в первый день нашего знакомства.

Мои губы расплываются в широкой улыбке. Не из-за его комментария, а потому что это первый настоящий момент, когда Куинтон и я без

наркотиков и моей тревоги просто беседуем. И поэтому я делаю единственное, что я могу сделать. Я начинаю говорить. На самом деле, на часах уже начало следующего дня. И на мгновение все кажется идеальным, но я с трудом верю, что все так и продолжится, потому что все меняется. Что-то всегда происходит. Жизнь всегда вносит коррективы. И независимо от того, что я делаю, я никогда не смогу полностью избавиться от всего плохого, несмотря на то, насколько сильно я этого хочу.

Глава 3

17 ноября, девятнадцатый день в реальном мире

Куинтон

Боже, как же медленно движется время. Очень, очень медленно. Особенно, когда все, о чем я могу думать – воспоминания о произошедшем. Я знал, что у меня впереди трудный путь, но это доходит до абсурда. Сегодня меня все бесит. Дождь. Тучи на небе. Мой терапевт. Это наша шестая встреча, и я начинаю понимать, что он упертый ублюдок. Нисколько не похож на Чарльза из реабилитационного центра, который считался с моим мнением. Грег, мой новый врач, похоже, придерживается другого подхода, настаивая, что если я не начну говорить как можно скорее, то никогда не поправлюсь и «не научусь справляться со своими чувствами», как он выразился. Плюс, после предложения, которое он сделал моему отцу, я начал помогать всему нашему обществу. Занимаясь волонтерской работой в приюте для бездомных и помогая пожилым людям, будучи все время занят, словно это ключ от двери, которая удержит меня взаперти подальше от неприятностей. Это не значит, что мне не нравится этим заниматься. На самом деле, порой это приятно, потому что я чувствую, что пытаюсь создать что-то хорошее, чтобы загладить все плохое, что принес в этот мир. Я просто странно себя чувствую среди людей, которые, я клянусь, могут увидеть, что прячется под моей кожей. Невидимые шрамы, которые составляют мое прошлое и все, что я сделал.

Добавьте к этому тот факт, что я живу в своей старой спальне в старом доме со своим отцом, и я чувствую себя немного неуравновешенным, словно иду по натянутому канату и в любую минуту могу упасть. Тогда с одной стороны я окажусь на самом дне, которое мне

так хорошо знакомо, а с другой - это падение, которое просто закончит все это. Оба варианта кажутся легким выбором, но я продолжаю балансировать и идти вперед, несмотря на то, что жизнь бросает мне вызовы. Как в тот день, когда я был в продуктовом магазине и наткнулся на маму Лекси. Она не видела меня, слава Богу, иначе это могло бы повлиять на мою трезвость. Она осталась в прошлом со своими чувствами, и она имеет на это полное право. Хотя когда-нибудь мне бы хотелось просто сказать ей, что мне жаль, и что я надеюсь, она сможет простить меня. То же самое с родителями Райдер. Я хочу, чтобы они знали, что я думаю о них все время. Что ненавижу себя за то, что я единственный, кто выжил. Что я пытаюсь компенсировать это, как могу.

Несмотря на то, что жизнь сложна, писать, кажется, на самом деле очень помогает. Так что я пишу, а всего через несколько минут отправлюсь на собеседование по работе, связанной с живописью. Это не работа художника, а работа по строительной живописи, которая не идеальна, но график гибкий, и с учетом, что у меня только среднее образование, мои варианты работы ограничены. Нова считает, что я должен вернуться к учебе, но я не уверен, что смогу справиться с этим прямо сейчас. Тем не менее, мне нравится слушать ее болтовню о плюсах получения образования в колледже. Эта девушка действительно могла бы работать в качестве мотивационного оратора, если бы захотела, со всем ее позитивом, который она несет. Мне нравится ее настрой, как если бы она была моей девушкой. Мне все в ней нравится, и я бы хотел сказать ей это. Как много она значит для меня. Но я знаю, что еще не готов открыть эту дверь, поэтому не читал ее письмо, хотя умираю от желания. На самом деле, я смотрю на него каждый день.

Несмотря на то, что в моей жизни сейчас много хорошего, мне до сих пор часто снятся кошмары об аварии. Я продолжаю видеть, как Лекси умирает снова и снова. И я вместе с ней. Когда я просыпаюсь, мне кажется, что я снова на месте происшествия. Вот собственно еще одна вещь, о которой Грег заставляет меня говорить. Моя смерть. Он думает по какой-то гребаной причине, что некоторые из моих эмоциональных проблем и заиканность на смерти связаны с тем, что я уже умирал. Он даже спросил меня, что я чувствовал, когда умер, что видел, как себя чувствовал, когда очнулся. Я послал его подальше, поэтому он бросил эту затею.

Меня разозлило, что он открыл эту дверь, и я был еще больше зол на себя за то, что все еще не могу говорить о таких вещах. Меня впереди ждет очень длинный путь восстановления, все говорят мне об этом, как

будто я сам этого не понимаю. Я все знаю. Я все время думаю об этом, как много мне может потребоваться времени, чтобы найти хоть какой-то баланс в моей жизни. Но тот факт, что я осознаю, как долго это может продолжаться, должно что-то означать, верно? Означает ли это, что есть надежда для меня избежать рецидив - слово, которое мне хорошо знакомо по реабилитационному центру. Многие люди были там после рецидива, и я не мог им помочь, но думал об этом. Как легко было бы просто сделать это снова. Заблудиться. Перестать думать о работе. И терапии. Забыть сны о Лекси и смерти. Но это трудно, потому что в моем окружении есть несколько людей, которые толкают меня в противоположное направление.

Тем не менее, я не могу не быть в курсе всех мест, где, я знаю, могу достать наркотики. Например, у Маркуса, что живет вниз по улице, я слышал, он до сих пор этим занимается. Или у моего старого друга Дэна, именно с ним я впервые накурился. Я столкнулся с ним на днях в магазине, пока выбирал молоко по просьбе отца. Он выглядел обдолбанным, и я ему позавидовал. Он даже спросил меня, принимаю ли я еще, и я был готов сказать «да», потому что знал, куда меня это приведет. Но вместо этого я нашел в себе силы ответить «нет» и несколько минут спустя стоял в очереди в кассу, такое обыденное и скучное занятие, которое позволяет многим мыслям проскользнуть в голову. Например, насколько близко к магазину место, где произошла авария. Там, где я умер и вернулся к жизни. Там, где потерял двух людей.

- Ты уже готов? - спрашивает отец, постучав в дверь, прежде чем зайти в мою спальню, прерывая мое занятие.

Я перестаю двигать ручкой по бумаге и отрываю взгляд от блокнота. Он одет в футболку поло и брюки, вместо обычной рубашки с галстуком, но это потому, что он взял сегодня выходной на работе.

- Сколько времени? - спрашиваю я, отложив блокнот и ручку в сторону на кровать.

Он поглядывает на часы. - Без пятнадцати два. Немного рано, но я подумал, что мы могли бы остановиться перекусить и поговорить. - Он чешет затылок, выглядя смущенным.

- Конечно, - встаю с кровати, хватая куртку со спинки компьютерного кресла, и мы выходим из комнаты.

Как обычно, никто из нас не говорит, пока мы садимся в машину и едем вниз по дороге. Вся поездку между нами нет ничего, кроме молчания, но мне это знакомо. По сути, это стало очень удобно. Но кое-что меняется в сторону незнакомой мне территории, когда отец подъезжает к ресторану,

проезжая мимо придорожного авто-фаст-фуда. Посещение кафе никогда им не практиковалось. На самом деле, я даже не могу вспомнить, чтобы он когда-нибудь водил меня в ресторан.

- Мы будем есть здесь? - спрашиваю у него, пока он паркует машину на свободное место возле забора.

Он глушит машину и смотрит на кафе, которое оформлено декором ко Дню Благодарения: оранжевые фонарики и нарисованные индейки на окнах. - Я подумал, что мы могли бы поесть что-нибудь получше для разнообразия. Я знаю, что был ужасным поваром последние несколько недель. Просто я слишком привык готовить для одного.

- Поверь мне, за эти несколько недель я ел лучше, чем за все лето. - Как только я это говорю, мне хочется взять свои слова обратно. Я никогда не знаю, насколько могу быть честным со своим отцом. Как много он хочет знать о том, что я делал, как много я хочу, чтобы он знал. Не похоже, чтобы у нас когда-либо были такие прекрасные отношения и честно, я думал, что он ненавидит меня из-за аварии. И может, так и сеть. Может, он просто чувствует себя обязанным помочь мне, потому что я его плоть и кровь. Я не совсем уверен. Я спросил Чарльза об этом еще в период своей реабилитации, и он сказал, что я должен поговорить с отцом о своих чувствах, но не думаю, что готов это сделать, не зная, смогу ли я справиться с этим или он.

- Но все-таки было бы хорошо поесть нормальную еду, - он больше ничего не говорит, вылезая из машины и захлопывая дверь.

Я тоже выхожу, и мы идем через парковку и входим в кафе. Нас встречает администратор, блондинка с винтажными очками, и я сразу улыбаюсь при виде их. Мне кажется, она думает, что я с ней заигрываю, потому что на ее лице появляется широкая улыбка, и она начинает накручивать прядь волос вокруг пальца, пока болтает о еде и ведет нас к столику.

Я улыбаюсь, только потому, что вчера Нова спросила меня, стоит ли ей носить очки. Она сказала, что врач рекомендовал их при чтении и работе за компьютером. Ей не очень нравится эта идея, и она думает, что будет выглядеть еще глупее, чем есть. Когда я не согласился с ней и сказал ей, что она будет выглядеть круто, она засмеялась и сказала, что она может просто купить винтажные очки с цепочкой, как женщины носили в 1950-х годах.

- Что ты улыбаешься? - удивляется отец, когда мы занимаем место за угловым столиком.

- Ничего, - я смотрю на хостес, которая по-прежнему улыбается мне, когда кладет меню на стол перед нами.

- Я что-нибудь еще могу сделать для вас? - спрашивает она, косясь на

моего отца, а затем ее выжидающий взгляд перемещается на меня.

Мой папа начинает качать головой, когда я говорю, - Да, могу я сфотографировать ваши очки?

Отец бросает на меня ошеломленный взгляд из-за стола, как будто я потерял рассудок, но девушка кажется польщенной.

- Конечно, - говорит она, и широко улыбается, когда я поднимаю мобильник, который купил через три дня после того, как мой отец опаздывал на час, забирая меня с терапии, и не мог позвонить мне, чтобы сказать, что задержится.

Я делаю фото очков и благодарю ее, прежде чем она уходит, выглядя очень довольной собой.

- Что это было? - спрашивает отец, пока я стараюсь обрезать изображение и увеличить очки как можно больше. - Тебе понравилась эта девушка?

Я качаю головой, прикрепляя фото к текстовому сообщению, адресованному Нове.

- Нет, мы с Новой просто разговаривали об очках прошлой ночью, и она упомянула о таких же, что были на этой девушке. - Я печатаю: ***Эти хорошо бы смотрелись на тебе. Они подошли бы к твоим глазам.*** Я передвигаю палец, чтобы нажать «отправить», но потом останавливаю себя, подумав, что может быть, я слишком кокетничаю с ней. Мы должны оставаться просто друзьями. Это тоже хорошо. Все говорят, что мне нужно успокоиться. Ни стрессовых ситуаций, ни стрессовых отношений, особенно когда мои чувства к Нове настолько интенсивны.

Но это всего лишь сообщение.

Черт, я так запутался в этом жизненном выборе, с каких пор, черт возьми, я должен мучиться, чтобы отправить простой текст сообщения. Раньше все было намного проще. Или, может, я просто не обращал внимания.

Наконец я нажимаю «отправить» и будь, что будет, говорю себе, чтобы прекратить все анализировать. Но даже сейчас, когда я убираю телефон, тысячи мыслей проносятся в моей голове таких, как то, что я могу сидеть здесь, выбирая очки для Новы, в десяти милях от Лекси, закопанной в землю на кладбище на холме. Или если я проеду около пятнадцати миль к востоку, то попаду в то место, где ее жизнь оборвалась. *Но тебе нужно просто отпустить это. Исцелиться. Принять то, что есть. Все, что случилось с тобой. Все плохое. И это не означает, что ты не заслуживаешь жить.* Это то, о чем говорил мне Чарльз в клинике, и я стараюсь напоминать себе об этом снова и снова. Но я впадаю в уныние, и когда мой телефон вибрирует в кармане, я не хочу на него смотреть,

поэтому не обращаю внимания и заказываю еду, когда подходит официантка, чтобы принять наши заказы. Она приносит нам воды, и когда она уходит, отец начинает болтать о своей работе. Я отключаюсь, не переставая думать, правильно ли поступил, прикрепив к сообщению такое фото.

- Так что ты думаешь? - спрашивает отец, расправляя свою сервировочную салфетку.

Я отвлекаюсь от своих мыслей и фокусируюсь на нем. - О чем?

На его лбу появляются складки, когда он кладет салфетку на колени. - О переезде в Вирджинию.

- Зачем нам переезжать в Вирджинию? - спрашиваю я, делая глоток воды.

- Потому что моя компания хочет перевести меня, - его озадаченность усиливается. - Я сказал тебе об этом минуту назад. Что мой босс хочет повысить меня.

Отлично. Видимо я отключился и пропустил что-то действительно важное. Мне очень тяжело дышать, я не могу окунуться в крутые перемены, которые жизнь подсовывает мне. Переехать. Я не могу переехать. Не тогда, когда я только что вернулся сюда. Не тогда, когда я только начинаю возвращаться к жизни.

- Что ты будешь делать? - спрашиваю я, сражаясь, чтобы держать свои эмоции под контролем, иначе я знаю, что могу сорваться. - Продашь дом или оставишь его до того, как мы вернемся?

- Я бы его продал, - говорит он, помешивая соломинкой в своем стакане воды. - Это постоянное место. Зарплата отличная. И Вирджиния кажется интересной, близко к океану и есть несколько художественных учебных заведений.

- Как и в Сиэтле, - я хмурюсь, чувствуя, как знакомое ощущение сжимает грудь. Не уверен, могу ли я двигаться вообще, куда угодно, когда все так неустойчиво, как сейчас. Мне нужно остаться здесь. Нужно продолжать делать то, что я делаю. Мне нужно сделать больше. Возможно, все не так замечательно, но это нормально. И у меня такого не было в течение длительного времени. - И я думаю, что ты не должен продавать дом.

- Почему нет? - спрашивает он. - Ты почти не жил здесь последние два года.

- Потому что это мамин дом, - я даже не знаю, откуда, черт возьми, мне пришла эта мысль. Не похоже, что у меня была привязанность к нему раньше. Ну, может быть, и была до... несчастного случая. Но последнюю пару лет я чувствовал себя оторванным от всего. Может быть, из-за этого возникает такое чувство, теперь, когда я трезвый, может быть, я

возвращаюсь к старому Куинтону, которому было семнадцать лет, еще до аварии, еще до того, как он умер. Но значит ли это, что я отпустил свою боль и вину, чтобы прийти к этому? Дерьмо. Нет, я не могу.

Жалость наполняет глаза моего отца. - Куинтон, я знаю это, но все же... я не совсем понимаю твою привязанность. - Он запускает пальцы в волосы, в недоумении что делать и говорить дальше. - Не похоже, чтобы у тебя были воспоминания о маме в этом доме, и ты даже не жил там полтора года.

В этом весь мой отец. Он ведет себя как придурок, и я не уверен, что он осознает это. Я не могу его понять пока. И вот почему я говорю себе успокоиться, но это слишком важные, главные, изменяющие жизнь вопросы, и это заставляет мои мысли перейти в овердрайв. Я не готов к этому.

- Можешь просто подумать об этом? - спрашивает он. - Мне кажется, что перемены - это очень хорошо для тебя.

- Я думаю, у меня было достаточно перемен, чтобы хватило на всю жизнь, - говорю я, пока двигаюсь к краю дивана и поднимаюсь на ноги. Не могу больше это терпеть. Просто сидеть и слушать. Мне нужно убраться отсюда. Уйти куда-нибудь и остыть, прежде чем я взорвусь.

Я бросаюсь к двери, когда мой отец вскакивает со своего места и кричит. - Куда ты идешь?

- Мне нужен воздух, - отвечаю ему через плечо, лавируя между столами. Я продолжаю идти, не смотря по сторонам, а уставившись в пол, пока не выхожу на улицу. Тогда я сразу закуриваю сигарету, чувствуя, как никотин впитывается в мое тело и насыщает легкие, но это несколько не уменьшает тревожность, раздирающую глотку. Я задыхаюсь после очередной затяжки, останавливаясь у машины отца. Набрасываю капюшон на голову, когда начинается дождь, но не захожу внутрь. Я просто хожу, как будто эти маленькие шаги помогут мне убежать от тяги и потребности. Все говорят, что со временем будет легче. Что если я просто переживу такие моменты, все успокоится. Но на данный момент, кажется, все лгут мне, и это заставляет меня хотеть лгать им в ответ.

Это заставляет меня хотеть нарушить мое обещание самому себе - попытаться остаться чистым.

Но я не могу.

Нет. Мне нужно быть сильнее.

Но я не сильный.

Я слабый.

Сдайся.

Будь сильным.

К тому времени, когда мой отец выходит на улицу с двумя контейнерами на вынос в руках, мой мозг готов разорваться от того, что я должен делать. Дождь уже прекратился, земля покрыта лужами, и моя куртка промокла. Я замерз, но я этого почти не замечаю, потому что мои мысли все еще сосредоточены на одном, что могло бы сделать весь этот переезд проще. Всего одна доза, и мне не придется бороться с беспорядочными мыслями в голове.

Отец не помогает в данной ситуации, когда садится в машину, не сказав ни слова, я забираюсь внутрь вслед за ним. Тем не менее, озноб отвлекает меня, и я рад этому так же, как рад тому факту, что мы направляемся к моему терапевту, поэтому, надеюсь, я смогу справиться с этим безумием, вращающимся в моей голове.

Я пристегиваю ремень безопасности и жду, пока он тронется, но вместо этого он смотрит в лобовое стекло, усеянное каплями дождя.

- Этого не должно было случиться, - говорит он, качая головой. - Я никогда это не планировал.

Делаю глубокий выдох - это лучшее, что я могу. - Слушай, мне жаль, что я ушел с обеда... просто так много вещей происходит в моей голове.

- Я говорю не про обед, - он смотрит на меня и на мгновение, я думаю, что он сейчас заплачет. - Я говорю о твоей жизни, - он откидывается на сиденье, глядя вперед, положив руки на руль. - Знаешь, мы с твоей мамой как-то говорили о том, что мы будем делать, если что-то случится с кем-то из нас. Она была беременна тобой, и я помню, она сказала мне, что, если ее не станет, я должен позаботиться о том, чтобы ты был всегда счастлив, - его руки сжимаются в плотные кулаки. - Она просила только об одном, и я даже не смог сделать это для нее.

Я хочу сказать ему, что он ошибается, но мы оба знаем, что это будет ложью. Он знает, что я не счастлив, и уже довольно долгое время. - Папа, я в порядке, - удастся выдавить мне, несмотря на то, что толстая ложь застревает в горле. - Я знаю, все было супер хреново, но я пытаюсь сделать жизнь лучше, и ты здесь, так что... - пожимаю плечами, не зная, как закончить фразу.

- Я вышвырнул тебя, - бормочет он, обращаясь скорее к самому себе, чем ко мне. - Выгнал тебя, потому что знал, что ты принимаешь наркотики, и не хотел с этим связываться.

Мне хочется спросить его, единственная ли это причина, почему он выгнал меня, потому что иногда мне кажется, он сделал это, потому что не мог смотреть на меня. Может я слишком напоминал ему мою мать или, может быть, это было связано с тем, что я нес ответственность за смерть

двух людей, покинувших этот мир слишком рано. Я бы хотел спросить его об этом, но честно говоря, я не хочу слышать ответ. Какой бы ни была причина, это больше не важно.

- Мне жаль, что тебе пришлось пройти через это, - говорю я откровенно впервые с тех пор, как вернулся в Сиэтл. - Я знаю, что это должно быть сложно.

Он смотрит на меня, нахмутив брови. Я думаю, что он скажет мне что-то важное, судя по выражению его лица, но все, что он говорит, - Я рад, что ты дома. - Затем он трогается, выезжая с парковочного места.

- Я рад быть дома, - отвечаю я, не совсем уверенный, что это правда. Я все еще чувствую, будто живу во сне, не будучи его частью.

Небольшая улыбка трогает его губы, и мы едем в офис моего врача. - Подбросить тебя к миссис Беллингтон после терапии? - спрашивает он.

- Да, я сказал ей, что заеду на полчаса. - Миссис Беллингтон – пожилая дама, которую я посещаю. Хоть ей уже семьдесят, мы не так уж и плохо проводим время. У нее всегда есть свежее печенье и рассказы о том времени, когда она была моложе и работала художником. Еще она любит смотреть мыльные оперы, когда я нахожусь у нее, и хоть я и не поклонник, ей нравится пересказывать мне реплики на разные голоса, и это довольно забавно.

Примерно через пять минут, я ощущаю себя более расслаблено, достаточно для того, чтобы взять телефон и прочитать сообщение Новы.

Нова: Кто это???

Я: Администратор в кафе, куда мы с отцом заходили поесть

Собираюсь убрать телефон обратно в карман, когда приходит сообщение.

Нова: Мне нравятся очки. Я думаю, что куплю себе. На самом деле, я думаю, что пойду дальше и куплю юбку-пудель [4], чтобы дополнить образ

Я: И двухцветные кожаные туфли

Нова: И сделаю пышную прическу

Я: Звучит сексуально

Дерьмо. Почему я всегда перехожу черту «просто друзья»? И почему меня это заботит все меньше и меньше с каждым разом? Так не должно быть. Я должен страдать. Платить за то, что сделал, не заигрывать с девушкой, в которую влюбился летом, несмотря на неменяемость от наркотиков, хотя я не говорил ей об этом.

Нова: Ладно, ты меня уговорил, но ты должен надеть кожаную куртку, зачесать волосы назад, и закатать края своих узких джинс, чтобы мы могли соответствовать

Я: Звучит так, словно ты пытаешься сделать меня похожим на персонажа из «Бриолина», который, кстати, был создан в 70-х годах, а не в 50-х

Нова: Ха, я думаю, что мне просто не повезло, что ты знаешь, когда вышел «Бриолин»

Я: Эй, нет ничего плохого в том, чтобы не знать, в каком году вышел старый фильм

Нова: Старый фильм, в котором много поют и танцуют. Скажи, ты также хорошо знаешь тексты и танцевальные движения?

Я: Ты чертовски саркастична сегодня. Ты это знаешь?

Нова: Знаю. На самом деле, я думаю пойти на конкурс стенд-апа, который проходит в местном пабе вечером. Шутки про тебя и обтягивающие брюки станут изюминкой моего выступления ;)

Я начинаю печатать ответ, когда понимаю, что машина остановилась. Оглядываясь, я вижу, что мы припарковались напротив офиса терапевта, расположенному в кирпичном здании по центру между книжным магазином и закусочной в неприглядной части города. Это не значит, что здесь плохо. Просто дома старые.

Я: Надо идти. Я добрался до моего терапевта

Нова: Ты позвонишь мне вечером?

Я: Конечно

Я печатаю ответ, даже не думая, и, положив телефон в карман, начинаю анализировать этот факт. Насколько мы сблизились за последние несколько недель. Мне нужно прекратить то, что происходит между нами, но как мне закончить то, что я не хочу прекращать, черт возьми? Но, возможно, это мое наказание. Может быть, я должен хотеть ее так, чтобы это причиняло мне страдание, не имея возможности быть рядом.

- Ты переписываешься с Новой? - спрашивает отец, когда я уже берусь за ручку двери.

Я киваю. - Да, а что?

- Ничего, - он пожимает плечами. - Я просто заметил, что ты много улыбаешься, когда пишешь.

Мое лицо вытягивается в недоумении, когда я прокручиваю в голове последние несколько минут, но, честно говоря, я был в какой-то «зоне Новы» и ничего не помню. Я ощущаю, насколько легче мне стало в данный момент. Но это чувство рассеивается, стоит только мне выйти из машины в надежде, что сегодня неплохой день для терапии, и я смогу забыть о своем желании. Оказывается, мир хочет играть противоположно тому, что хочет Куинтон, потому что терапия не только засасывает, но и вытаскивает

наружу чертовски много эмоционального дерьма, с которым мне не хотелось иметь дело сегодня.

Все начинается, когда я говорю о том, как не хочу переезжать в Вирджинию, но пребывание в Сиэтле по моему собственному опыту в конечном итоге приведет к огромным проблемам. Когда Грег спрашивает меня, почему я думаю, что могу попасть в неприятности, и не хочу, чтобы все изменилось, когда я только начал возвращаться к нормальной жизни.

- Все изменится, что бы ты ни делал, Куинтон. Такова жизнь, - говорит он монотонно, как всегда, когда он вынуждает меня говорить о чем-то эмоциональном.

- Но что, если я не смогу справиться с этими переменами? - спрашиваю я. - Потому что даже сама идея переезда заставляет меня чувствовать, что моя голова сейчас взорвется.

- Ты справишься, - успокаивает он меня. - Просто это займет время.

- А если я не хочу туда ехать? - говорю, глядя, как стрелки на настенных часах движутся по кругу. Время всегда движется неважно, что я делаю. - Мысли о будущем - это так тяжело.

- Ты сделаешь это, но с твоей стороны потребуется некоторое время и усилия, - говорит он, пододвигая свое кресло ближе к столу. - Скажи мне, ты работал над тем, чтобы снять фото и рисунки со стены, как мы договаривались?

- Нет, я не готов, - говорю я холодно, вцепившись в ручки кресла. - Перестань давить на меня.

- Почему ты думаешь, что не готов? - спрашивает он, скрестив руки на аккуратно организованном столе. Он всегда спокоен, и носит твидовый костюм без галстука. Он выглядит, как обычный скучный человек, и я поневоле задаюсь вопросом, как, черт возьми, он поможет мне с моей колеблющейся нестабильностью, если сам, вероятно, этого не понимает.

- Я так не думаю. Я знаю, - падаю в кресло, скрестив на груди руки, борясь с непреодолимым желанием достать сигареты и закурить прямо здесь в офисе. - Каждый раз, когда я собираюсь сделать это, я чувствую, что схожу с ума и теряюсь... я чувствую, что отпускаю то, что не должен отпускать. - Лекси. Моя мама. Мои мучения и самоистязание.

- Я знаю, что это тяжело, - он тянется к ручке и папке в картотеке за своим столом. - И я не говорю, что ты должен их все убрать. Но я беспокоюсь, что причина, по которой ты оставляешь их там, твое напоминание о прошлом, которое мешает тебе работать над движением вперед по исцелению себя.

Я хочу разозлиться на него, но он говорит правду. - Знаешь, ты прав, -

говорю я прямо. - Вот почему я держусь за них, но даже мысль о том, чтобы снять фото и эскизы – отпустить все – вызывает у меня желание принимать наркотики снова. Если бы во мне были наркотики, то я легко смог бы их снять или хотя бы почувствовать себя лучше.

- Почему же? - спрашивает он внимательно. - Как наркотики могут помочь тебе чувствовать себя лучше, убирая фото со стены?

- Потому что у меня не будет чувств, которые я знаю, появятся, когда я буду тянуть фотографии вниз.

- Каких именно чувств?

- Чувства вины.

- За что?

Я прищуриваю глаза на него, потому что я говорил с ним достаточно об этом, и он знает, что я чувствую себя виноватым. - Ты знаешь.

- Ты прав. Я знаю, - он делает пометки, записывая их на бумаге. - Но я хотел бы, чтобы ты сказал это вслух. Словесно выразил то, что происходит внутри твоей головы.

Моя челюсть напрягается. - Я чувствую вину за этот гребанный несчастный случай и за то, что я убил людей, - говорю сквозь зубы. - Теперь ты доволен? Я сказал это.

Он качает головой. - Что я хотел бы знать, почему именно ты чувствуешь себя виноватым в этой аварии?

Я качаю головой, боясь эмоций, которые колыхаются на поверхности. - Ты знаешь на это ответ. - Я вонзаю пальцы в ладони, сжимая их изо всех сил, пытаюсь перекрыть душевную боль физической. - Поэтому не спрашивай.

Он откладывает ручку и скрещивает пальцы на столе. - Нет, не знаю, Куинтон. Потому что каждый раз, когда мы доходим до аварии, ты никогда полностью не говоришь, что ты чувствуешь. Ты всегда ходишь вокруг да около и уходишь от ответа. Наркотики помогают тебе с этим справляться, поэтому ты хочешь вернуться к ним каждый раз, когда тебе приходится сталкиваться с трудностями.

- С трудностями, - я бросаю на него холодный, тяжелый взгляд, потирая руку, где нанесена татуировка: Лекси, Райдер, Никто. Все люди, которые умерли в ту ночь, *Никто* - это я. Я помню, как делал ее, татуировщик посмотрел на меня, как на психа, но мне было все равно. Я не заботился ни о чем, кроме того, что причинял себе боль больше и больше, потому что это был единственный способ отвлечься от душевной боли и вины. - Ты знаешь, насколько тяжело даются мне эти разговоры, и что каждый раз я чувствую себя дерьмом? Как трудно дышать, когда я должен говорить о

тяжелых вещах... о несчастном случае... о смерти... об умерших. - Мой голос резкий, потому что он ворошит воспоминания, которых я не хочу касаться. - Иисус, не похоже, что кто-то другой поступил бы иначе. Причины смерти людей ... Я уверен, что никто не захочет об этом говорить.

Он считает, что я высказался, а потом снова тянется к ручке. Затем он записывает что-то на углу бумажки и отрывает ее. - Я хочу, чтобы ты поприсутствовал на встрече группы, - говорит он, протягивая руку через стол, чтобы передать мне листок бумаги.

- Я и так это делаю каждый вторник и четверг, - мой тон груб, когда я вырываю листок из его пальцев.

- Да, но это другого рода группа. Это не группа трезвости, которую ты посещаешь. Эта поможет тебе справиться с чувством вины за несчастный случай, - объясняет он. - Многие люди прошли через подобные переживания. И с несчастным случаем, и с наркотиками после этого.

Я смотрю на клочок бумаги, на котором написан номер телефона и адрес. - Там собираются люди, которые виновны в дорожно-транспортном происшествии и по их вине кто-то... умер?

Он размышляет перед ответом. - Ну, не все случаи связаны с дорожно-транспортными происшествиями, но я думаю, было бы полезно поговорить с людьми, которые пережили нечто похожее и испытали такое же чувство вины.

Мои пальцы сминают листок бумаги в руке. - И через что же они тогда прошли?

- Ну, основатель группы, Уилсон Феррисон, проехал на красный свет, разговаривая по телефону, - говорит он с грустью. - Он сбил пожилую пару. И подсел на наркотики на много лет... он мой друг, поэтому я своими глазами видел, как плохо ему было. Но сейчас он проводит большую общественную работу и тратит свое время на разговоры с людьми о том, что произошло, пытаюсь не только предотвратить такие вещи, но и помочь тем, кто пережил подобное и пытается справиться с чувством вины.

Я убираю бумажку в карман, пытаюсь переварить то, что он только что сказал, но мне дается это с трудом. - Я должен сначала позвонить или можно просто прийти? - спрашиваю его, поднимаясь на ноги.

- Сначала позвони и скажи им, кто ты. Я поговорю с Уилсоном о тебе, - говорит он, положив исписанные на протяжении сегодняшней сессии листы в папку. - Только, пожалуйста, позвони им. Я действительно думаю, что для тебя важно знать, что ты не один.

Не один. Такое чуждое понятие для меня, и я даже не знаю, как реагировать. Когда я умер и вернулся, я чувствовал себя призраком, с

которым никто не хотел говорить, потому что я был ужасным напоминанием о том, что случилось. Так что я сделал миру одолжение и сделал все, чтобы прекратить свое существование. За последние несколько лет мир вокруг меня был огромным и пустым, но теперь он говорит, что это не так и что есть люди, которые понимают, через что я прохожу, понимают на что это походит, жить с пустотой и болью в сердце.

- Ладно, я позвоню, - наконец, говорю я, и крошечный кусочек веса с моих плеч падает на землю.

- Хорошо, - говорит он, пожимая мне руку, он так делает после каждой нашей встречи. - И поработай над этими фотографиями. Как я уже сказал, не обязательно убирать все. Достаточно оставить столько, чтобы прошлое не тяготело над тобой.

Я не реагирую на это замечание и покидаю его офис с путаницей в голове. На какой-то миг мне становится интересно поговорить с кем-то, кто понимает, что я переживаю. Что, если мне возможно помочь? Я не знаю, как к этому относиться. Не уверен, как я себя буду чувствовать, но, возможно, я на правильном пути, чтобы найти выход.

Глава 4

29 ноября, тридцать первый день в реальном мире

Нова

- Жизнь - странная штука. Жизнь сложна. Жизнь беспорядочна. Смотря новости. Читая заголовки. Помогая на горячей линии для склонных к суициду. Вы услышите рассказы. Душераздирающие истории. Я слышала достаточно и прожила некоторые из них. - Я сижу в гостиной на диване со скрещенными ногами, убивая время съемкой видео и пытаюсь придумать, чем занять остаток вечера. - Сегодня мой преподаватель по кинематографии, профессор МакГелл, говорил о том, как его затронуло видео-интервью с женщиной, которая потеряла своего мужа из-за самоубийства... это видео напомнило мне о Лэндоне и Куинтоне... - я замолкаю, вспомнив, как женщина плакала в видео, и как мне хотелось сказать ей, что все в конечном итоге наладится.

Уставившись в пустое пространство на некоторое время, я снова концентрируюсь на камере. - Профессор сказал, что хочет сделать что-то, чтобы показать, через что люди проходят, не только когда теряют кого-то из-за самоубийства, но и других случаев: смертей, наркотиков, насилия. Он сказал, что начал программу, которая будет посвящена подготовке документального фильма о последствиях выживания. Больше информации

об этом проекте будет в начале следующего года. Это потребует от участников дальних поездок. Часть меня хочет присоединиться. Снимать и делать то, что я всегда хотела. Фильм, имеющий значение. Но это четырехмесячная программа, где я буду в разъездах по разным странам. Мне придется оставить все позади... я не уверена, что могу уехать и просто оставить всех, когда они нуждаются во мне, - распрямляю ноги и опускаю их на пол. - Как я могу взять и уехать, когда Тристан и Куинтон все еще на исцелении? Оставить Леа? Мою маму? Уйти из колледжа на целый семестр? Это кажется слишком... я не знаю... импульсивным, эгоистичным, рискованным поступком. - Сжимаю губы, не желая произносить слова, готовые сорваться с кончика моего языка, но, в конце концов, позволяю им ускользнуть. - Но я действительно хочу сделать это. Очень.

Заканчиваю на этом свою запись и оставляю камеру на журнальном столике, задумавшись, что делать дальше. Учебный семестр подходит к концу, и у меня немного домашней работы. Большую часть свободного времени я трачу на переписку и разговоры с Куинтоном и Тристаном. Я рада этому, хотя бы потому, что смогла узнать Куинтона лучше. И Тристана, и раз уж он все время у меня на виду, то я точно знаю, что он не ходит на вечеринки и не попадет в беду.

Подумав о том, что я действительно хочу сделать, я в конечном итоге беру мобильный телефон и набираю сообщение Куинтону.

Я: Сегодня я видела кое-что действительно интересное

Куинтон: Дай угадаю. Фиолетовую собаку

Я: И это весь твой ответ???

Куинтон: Зная тебя, это кажется, вполне разумным ответом

Я: Бля, это тааак смешно

Куинтон: Похоже, это первый раз, когда я слышу от тебя матерное слово. Кажется... неестественным

Я: Бля. Бля. Бля. Теперь более естественно?

Куинтон: Нет. Теперь я просто вижу, какая ты плохая девочка

Я делаю паузу, уставившись на экран, задаваясь вопросом, что он имел в виду, и так ли это грязно, как это читается. Обычно он очень осторожен со своими комментариями, убедившись, что не слишком кокетлив. Это совершенно отвлекает меня от рассказа о кинопроекте. Но, может, лучше ничего не говорить ему об этом, чтобы не переживать за его реакцию и не беспокоиться о том, что я собираюсь уехать. Хотя я не настолько уверена в наших отношениях... дружбе... что бы это ни было, я думаю, он не был бы против моего участия.

Куинтон: Извини. Я не хотел, чтобы так вышло. Это звучало

ужасно грязно, не так ли?

Я: Нет, все нормально. Я так и подумала, что ты не это имел в виду. Мне понравилось, что ты это сказал. Вот что я действительно хотела бы напечатать. Но я этого не делаю, потому что недостаточно смелая и не думаю, что Куинтон готов для чего-то подобного.

Я: Не по теме, но как все прошло с Уилсоном на встрече?

Куинтон: Хорошо, я думаю. Приятно слышать, как кто-то говорит о похожих ситуациях, которые я тоже пережил. Я не разговаривал с ним лично, но думаю, что это случится

Я: Ты должен. Разговор с Леа очень помог мне смириться со смертью Лэндона, поскольку она пережила что-то подобное с ее отцом

Куинтон: Я могу задать тебе очень странный вопрос?

Я: Ты всегда можешь спросить меня о чем угодно

Куинтон: Я просто не хочу смущать тебя... это про Лэндона...

Я: Все в порядке. На самом деле, я иногда люблю говорить о нем, потому что тогда я знаю, что не забыла его

Куинтон: Ты думаешь, важно не забывать, даже если вспоминать тяжело?

Я: Думаю, что помнить очень важно, но ты должен нащупать эту грань, чтобы было не так тяжело и имело положительный эффект

Куинтон: Да, я думаю, что в этом есть смысл... я собираюсь задать тебе странный вопрос... пожалуйста, не ненавидь меня, я просто хочу кое-что понять

Я: Я никогда не смогу ненавидеть тебя, так что спрашивай

Куинтон: Ну ладно, посмотрим... ты... даже не знаю... когда-нибудь чувствовала себя виновной в смерти Лэндона?

Делаю паузу. Я однажды сказала ему, что чувствовала, но он был под действием наркотиков, чтобы это запомнить. Еще я помню, что он не хотел это воспринимать, что заставляет меня задуматься, насколько он меняется, если хочет услышать это сейчас.

Я: Да, я привыкла. Больше нет. Хотя бывают дни, когда я слишком заикливаюсь и чувствую себя хреново, переживая все заново, но это уже не так тяжело, как когда это только случилось. Тогда я чуть не сошла с ума, думая обо всех вещах, которые я могла бы сделать, чтобы спасти его... мне было так плохо, что то лето я провела под кайфом. И если честно, я снова почувствовала эту вину этим летом... это одна из причин, почему я так хотела помочь тебе... чтобы компенсировать то, что не смогла помочь Лэндону

Нажимаю отправить, но, когда он не отвечает сразу, я думаю, что может

перегнула палку, поделившись с ним. Но потом мой телефон издает звуковой сигнал.

Куинтон: *И как ты чувствуешь себя сейчас? Я имею в виду, ты все еще чувствуешь необходимость спасти людей?*

Я не могу всем помочь, но думаю снова о проекте. Хотя это не обязательно спасло бы кого-либо, это могло бы помочь людям понять, что они не одиноки в этом мире, что я считаю важным. Я помню, когда Лэндон умер, и никто, казалось, об этом не хотел говорить, я чувствовала себя очень одиноко, в замешательстве и просто потерянной. Но, возможно, если бы у меня была Леа, я бы не упала так быстро и так сильно.

Я: *Да, но теперь я не такая беспомощная. Я по-прежнему волонтер на горячей линии, и это помогает. Плюс, ты в порядке, и меня это радует*

Куинтон: *Я хочу быть в порядке, но иногда это трудно, ты это знаешь. Особенно, когда я действительно начинаю думать о прошлом*

Я: *Понимаю, что это бывает действительно сложно, но я знаю, что ты можешь с этим справиться*

Куинтон: *Но почему? Почему ты всегда так верила в меня, даже когда едва меня знала?*

Я: *Мне кажется, я знаю тебя больше, чем ты думаешь. И я думаю, что у тебя все будет хорошо, потому что ты работаешь над этим. Если бы ты все еще бежал от проблем, я бы чувствовала себя иначе*

Куинтон: *Надеюсь, ты права*

Я: *Я всегда права и чем скорее ты поймешь это, тем проще тебе будет. П/ш ;) [5]*

Куинтон: *Ты иногда такая глупышка*

Я: *Спасибо ;)*

Куинтон: *Это на самом деле одна из моих любимых черт в тебе*

Я улыбаюсь про себя, пока набираю сообщение.

Я: *Хочешь знать одну из моих любимых черт в тебе?*

Ему требуется секунда, чтобы ответить.

Куинтон: *Конечно.*

Я: *Ты хороший, сильный человек*

Куинтон: *Ты уверена, что знаешь, с кем ты разговариваешь?*

Я: *Да, с человеком, который был добр ко мне, когда я была в таком уязвимом состоянии. С человеком, который сумел отказаться от пагубной привычки. Это требует силы, мой друг*

Куинтон: *Все началось с того, что я дал слабину. Убежал от действительности. Бросил все, вместо того, чтобы быть сильным и*

просто решить свои проблемы. Мне жаль, что я не смог быть тверже и посмотреть им в глаза. И мне жаль, что я не отказался от всего

Я: Ты обязательно к этому придешь. Просто это займет время. Столкнись лицом к лицу со своими страхами... это сложно. А что касается того, чтобы все отдать, ты все равно можешь вернуть это обратно. Ты просто должен понять, что ты хочешь и стремиться к этому

Куинтон: Но я знаю, что я хочу. Мне нравится помогать людям. Я все время занят, чувствую, что делаю что-то полезное. Но кроме этого, я не знаю, что я хочу делать. Рисовать, да, но это не так значимо

Я: Это не так. Ты просто должен сделать это

Куинтон: Я даже не знаю, что мне рисовать. Все мои зарисовки и картины за последние несколько лет были сделаны под кайфом. Я хочу рисовать картины, которые что-то значат. Картины, которые смогут вдохнуть страсть. Жизнь. Счастье. Печаль. Боль. Я хочу рисовать то, что важно для меня... хочу рисовать тебя. И не так, как я вижу тебя в своей голове. Я хочу рисовать тебя, когда ты передо мной. Каждую линию. Каждый дюйм тебя

Прежде чем я успеваю отреагировать на сообщение, приходит еще одно.

Я: Извини, если последнее сообщение ставит тебя в неудобное положение. Виной всему Грег, который слишком много вытащил сегодня из меня и что-то сломал

Делаю глубокий вдох, думая о том, что было бы, если бы он нарисовал меня, как описывал. Я помню, как Лэндон делал мой первый набросок: на полпути он впервые поцеловал меня. Это было волшебно, в то время, и сейчас об этом больно вспоминать, но я не хочу это забывать.

Я: Я хочу, чтобы ты так меня нарисовал. Я собираюсь запомнить эту мысль и сделать это в следующий раз, когда увижу тебя

Иисус Христос. Я серьезно это написала? Вот это да. Я не могу даже дышать.

Куинтон: Я бы хотел сделать это прямо сейчас... увидеть тебя прямо сейчас... прикоснуться к тебе

Мое сердце учащенно бьется, и я делаю резкий выдох, когда понимаю, что задержала дыхание. Моей первоначальной реакцией, было уйти от ответа. Но потом я понимаю, что ограничивала себя слишком долго, так что я просто иду на это.

Я: Я бы тоже хотела увидеть тебя и прикоснуться к тебе... хотела бы, чтобы ты прикасался ко мне. На самом деле, я думаю об этом постоянно

Мои руки трясутся, когда я нажимаю «отправить».

Куинтон: Нова, ты убиваешь меня. Клянусь Богом. Теперь у меня из головы не выходит картина, где мы прикасаемся друг к другу

Я закрываю глаза и прикусываю губу, когда в моей голове также появляются картинки. Вспоминаю ощущение, когда он проводит руками по моему телу. Пробует на вкус мои губы. Мой язык. Как его пальцы проникают в меня. Боже, это было так давно.

Я: Хорошо, потому что у меня тоже... помнишь тот поцелуй на американских горках прошлым летом? Это был наш последний поцелуй

Ему требуется время, чтобы ответить, и я беспокоюсь, что, возможно, это был неправильный вопрос.

Куинтон: Да. Мне не следовало целовать тебя, когда я был в таком состоянии

Я: И я не должна была целовать тебя, зная это, но в то же время, я рада, что так случилось. Это заставило меня понять многое... как я к тебе отношусь. И как я хочу целовать тебя снова и снова

Еще одна пауза, и я начинаю чувствовать себя глупо за то, что забегаю вперед. Но потом приходит сообщение.

Куинтон: Нова, я не хочу показаться придурком, но я не могу больше говорить с тобой об этом. Я начинаю хотеть делать то, на что я еще не готов. Я всерьез в одном шаге, чтобы бежать на самолет и лететь к тебе, чтобы снова поцеловать тебя – какого черта... намного больше, чем поцеловать. Но я думаю, что пока не готов к этому

Я сдерживаю улыбку. Он сказал пока. Значит, он думает о нас в будущем. Что должно быть хорошо, не так ли? Часть меня считает так, а другая часть задумывается, как долго это будет продолжаться. Что если ожидание затянется на года?

Я вытряхиваю эту мысль из головы, не готовая что-то решать прямо сейчас. Не готовая расстаться с надеждой.

Я: Ладно, мы можем поговорить о чем-то другом. О чем угодно

Куинтон: Как насчет чего-то, чтобы охладить мой пыл и спустить с небес. Ты меня взбудоражила

Я: Мороженое. Снежинки. Сосульки. Это поможет?

Куинтон: Лол, ты такая сумасшедшая, и мне это нравится

Я: Хорошо. Я рада, потому что немногие понимают меня

Куинтон: Я сомневаюсь в этом. Все очень любят тебя. Я уверен

Я хочу спросить его, любит ли он меня, но я даже не уверена, что готова к ответу, не говоря о том, готов ли он дать его мне. Хотя я уже отпустила Лэндона, по большей части, мне все еще кажется странным думать о любви

к кому-то еще, но тревожно захватывающим.

Куинтон: *У меня есть проблема, которую я пытаюсь решить. И так как ты ас в этом деле, я думал, ты могла бы мне помочь*

Я: *Конечно. Что случилось?*

Куинтон: *Ну, мой папа переезжает в Вирджинию*

Я: *Что? Почему?*

Куинтон: *Это по работе. И он хочет, чтобы я ехал с ним, но я не хочу этого*

Я: *Думаю, что если ты не хочешь ехать с ним, то не надо. Ты уже достаточно настрадался, и я думаю, ты должен сосредоточиться на выздоровлении*

Куинтон: *Но я беспокоюсь о том, чтобы жить самостоятельно. Слишком много свободы*

Я: *Тебе нужен сосед. Трудно попасть в неприятности, когда за тобой все время присматривают. Как Леа. Она надрала бы мне задницу, если бы я что-то сделала*

Куинтон: *Да, но как мне узнать, что я выбрал хорошего? Такого, кто поможет мне держаться подальше от неприятностей, вместо того, чтобы втянуть в них, потому что иногда по человеку трудно сразу судить*

Я: *Я могла бы помочь тебе. Разоблачить и заставить выдать все свои секреты*

Куинтон: *Я не думаю, что тебе придется их разоблачать. Зная тебя, тебе достаточно просто начать говорить с ними, и они сами откроются тебе. В этом вся ты*

Я: *Все об этом твердят, но я не понимаю, почему*

Куинтон: *Тебе нужно больше верить в себя. Я рассказал тебе об аварии больше, чем рассказал большинству людей*

Я: *Ты не так уж и много рассказал мне. На самом деле, ты был в ярости, когда я сказала, что знаю о несчастном случае и прочитала об этом в Интернете*

Куинтон: *Я знаю*

Наступает длинная пауза, и чем дольше она длится, тем больше мне кажется, что обидела его

Я: *Ты еще здесь?*

Куинтон: *Да... я просто пытаюсь вспомнить, что я сказал тебе... некоторые события, что происходили в Вегасе, очень туманны*

Я: *Я могу рассказать тебе, если хочешь, но, честно говоря, я считаю то, что было в прошлом, осталось в прошлом*

Куинтон: *Если бы все было так легко. Если бы то, что произошло в прошлом, могло бы просто исчезнуть, но это не так. Я понимаю, что все, что произошло... это останется со мной навсегда*

Я: *Хотя воспоминания никогда не исчезнут полностью, они, в конце концов, притупятся. Я обещаю. И в один прекрасный день ты сможешь говорить о том, что произошло*

Куинтон: *Надеюсь на это. Я хотел бы иметь возможность поговорить об этом. Объяснить все так, что, возможно, ты поймешь, как я оказалась в том месте. Я не хочу, чтобы ты вспоминала обо мне таким, каким я был в Лас-Вегасе. Или даже в течение того лета в Мейпл-Гров. Я хочу, чтобы ты знала человека, которого ты видела, когда мы танцевали на заправке*

Я: *Ты помнишь это???*

Куинтон: *Да, это на самом деле одно из самых четких воспоминаний*

Я: *Хорошо. Это хорошее воспоминание*

Куинтон: *Да, но я был под кайфом. Я чувствую, что мы должны это повторить*

Я: *Все в твоих руках*

Куинтон: *Может быть, однажды*

Я: *Ура :)*

Я: *И чтоб ты знал, я всегда думала о тебе, как о человеке, у которого случилось что-то действительно дерьмовое, и избежать это было совершенно не в твоих силах, и ты просто пытался найти способ это пережить. Ты не плохой человек. Ты просто сделал несколько ошибок, но только потому, что тебе было больно*

Куинтон: *Не совсем согласен с тобой. Некоторые вещи я сделал, потому что был эгоистом. Я не хотел оставаться в этом мире и жить с последствиями того, что я сделал*

Я: *Я бы хотела обнять тебя прямо сейчас*

Куинтон: *Боже, я бы тоже этого хотел*

Мой телефон молчит, пока я пытаюсь придумать, что ему написать. Что я хочу написать, так это большими буквами Я ДОЛЖНА УВИДЕТЬ ТЕБЯ, но он пишет мне, прежде чем я что-то предприму.

Куинтон: *Могу я сказать еще одну вещь прежде, чем мы сменим тему, потому что я всерьез в одном шаге от развала*

Я: *Конечно*

Но я немного расстроена, потому что все и так шло хорошо.

Куинтон: *Я думаю, если бы у каждого человека была своя Нова Рид в этом мире, тогда жизнь стала бы немного солнечнее. Теперь быстро*

сменим тему, иначе я не справлюсь с этим

Не зная, что еще написать, я отправляю панический текст.

Я: *Я думаю, что у Леа может быть роман с профессором*

Куинтон: *Хорошая смена темы... почему с профессором?*

Я: *Она слишком скрытная, и это наталкивает меня на мысль, что она делает что-то запретное*

Куинтон: *Тебе нужно проследить за ней один день и увидеть, куда она пойдет ;)*

Я: *Похоже на хорошую идею. Я могла бы надеть детективный плащ и винтажные очки и тенью следовать за каждым ее шагом «скрестив пальцы»*

Куинтон: *Ты гений. Она никогда ничего не заподозрит*

Я улыбаюсь, когда входная дверь в дом открывается. Поднимаю голову от телефона и вижу Тристана, появляющегося на пороге с пакетами с продуктами в руках. Они такие большие и тяжелые, что, я клянусь, еще чуть-чуть, и он высунет язык изо рта.

- Помоги мне, пожалуйста, - он кашляет, роняя сумки на пол, пытаюсь отдышаться.

Я: *Надо идти. Тристану нужно помочь занести продукты*

Куинтон: *Скажи ему, что это мужское дело*

Я: *Согласна, но он болен*

Куинтон: *Ладно, позвонить тебе вечером?*

Я: *Разве ты не устал от меня?*

Куинтон: *Ни в коем случае. Никогда*

Я: *Ладно, поговорим с тобой позже :)*

Откладываю телефон и встаю с дивана, чтобы пойти в прихожую и помочь Тристану подобрать рассыпавшиеся продукты. - Я по-прежнему думаю, что ты должен проверить этот кашель, - говорю ему, наклоняясь, чтобы подобрать банку, которая выкатилась из пакета.

Он прислоняется к стене, прикрывая рот рукой, и откашливаясь. - Это просто кашель, - говорит он, выглядя бледным.

- Да, но он продолжается уже больше месяца, - я ставлю банку на столик, а затем начинаю носить пакеты на кухню. - Кашель обычно проходит быстрее.

- Я в порядке, - настаивает он, когда кашель затихает. Он закатывает рукава своей толстовки и наклоняется, чтобы забрать оставшиеся сумки, но потом быстро кладет руку на стену, чтобы прислониться, как будто у него кружится голова, и он вот-вот упадет.

- Иисус, ты в порядке? - обеспокоенно спрашиваю, подбегая к нему.

Он кивает, вытирая лоб тыльной стороной ладони, и я замечаю, что его кожа покрыта испариной. - Да, я думаю, мне просто нужно немного отдохнуть. Кроме учебы и работы без перерыва в течение последних нескольких недель у меня ни на что не было времени, и я чувствую себя истощенным.

- Иди ложись, я приготовлю тебе суп, - в приказном тоне говорю я ему, и он с радостью исполняет, отпустив стену и направляясь к своей комнате.

Иду на кухню, захватив оставшиеся пакеты с продуктами. Проход слишком узкий, места едва хватает для одного человека, по обеим сторонам стоят шкафы, и я в конечном итоге еле-еле протискиваюсь в проем. Один пакет цепляется за ручку открытого ящика и рвется. Содержимое выпадает и разлетается по всему полу. Двухлитровая банка содовой падая, открывается. Чертыхаясь, я поднимаю бутылку и кладу ее в раковину, а затем, захватив бумажные полотенца, начинаю убирать все с пола. Вытерев жидкость и пройдя для верности шваброй, я приступаю к распаковке продуктов, когда звонит мой телефон. Спешно подхожу к журнальному столику и забираю его, смущенная неизвестным номером на экране. Я нехотя отвечаю, возвращаясь обратно на кухню.

- Привет, - говорю в трубку, вынимая банки с супом из пакета.

- Эм... - с другого конца раздается женский голос, который звучит знакомо, но я не могу вспомнить его. - Это Нова... хм... Рид?

- Да, - убираю банки в шкаф и, развернувшись, прислоняюсь к кухонной тумбе. - Кто это?

- Это Нишель Пирс, мама Делайлы, - она замолкает, будто ждет, когда я что-нибудь скажу ей.

Я не знаю, что сказать. Она первая мне позвонила, и я видела эту женщину, может быть, три или четыре раза, когда мы заходили к Делайле домой, мы тогда еще учились в старшей школе и жили дома. По большей части, Делайла не любила находиться у себя дома, она говорила, что ее мать заставляет ее чувствовать себя ничтожной.

- Не знаю, как объяснить, - наконец, она произносит крайне раздраженно. - Так что просто скажу, как есть... Делайла пропала.

Я вовсе не удивлена, учитывая, что произошло с Куинтоном, который был соседом по квартире с Делайлой, и как мы не могли найти его в течение нескольких месяцев. - Вы искали в Vegasе?

- Да, но я не нашла никаких ее следов... - она прочищает горло. - Послушай, я очень беспокоюсь за нее, и я не знала, кому еще позвонить, так как не знакома с ее друзьями. Ты слышала от нее что-нибудь, или знаешь, где она может быть?

- Нет, - говорю я ей, задаваясь вопросом, стоит ли ей рассказать о последнем разе, когда я видела Делайлу в Лас-Вегасе. В каком ужасе она была. Как сходил с ума ее бойфренд Дилан. Как ее жизнь была полна наркотиков, и дела шли плохо. - Ничего с июня.

- Она что-нибудь говорила о том, куда собирается, когда ты видела ее? - спрашивает она. - Последний раз, когда мы разговаривали был около года назад, она тогда собиралась в Лас-Вегас, чтобы жить своей жизнью.

- Честно говоря, я немного разговаривала с ней, когда ее видела, - говорю я и потом осторожно добавляю, - она была немного... не в себе, и ее парень выглядел довольно... странно.

- Насколько странно?

- Я не знаю... - надеюсь, что она не воспримет то, что я скажу дальше, сильно плохо. Иногда у родителей возникают проблемы со слухом, когда они слышат, что их ребенок стал употреблять наркотики. - Они оба были на наркотиках, и я думаю, что Дилан был немного жесток с ней.

- Меня это не удивляет, - говорит она с нулевым изменением в ее голосе. - Он всегда занимался глупостями.

Я качаю головой, раздраженная тем, что она, кажется, совсем не заботится о собственной дочери. Делайла и я закончили нашу дружбу не на хорошей ноте, но был момент, когда мы были близки, и она помогла мне пережить трудные времена своим сумасшедшим способом.

- Это все, что мне известно, - говорю я Нишель. - И еще то, что квартира, в которой они жили с Тристаном и Куинтоном, сгорела, но, на сколько я знаю, никто не пострадал.

- Я этого не знала, - она, кажется, слегка шокирована. - Ты случайно не знаешь адрес места, где она останавливалась... того, где сгорела квартира?

- Я не помню его, но, если вы дадите мне минуту, я могу узнать, - выхожу из кухни и направляюсь к комнате Тристана.

- Да, хорошо. Спасибо.

- Нет проблем, - убираю телефон от уха и прикрываю его рукой, подталкивая приоткрытую дверь комнаты Тристана локтем и шагая внутрь.

Он свернулся калачиком в своей постели, укрывшись одеялом и уткнувшись головой в подушку. Я слышу, как он тихо дышит, когда подхожу к его постели, и я уверена, что он спит. Мне не хочется его будить, но он единственный человек, кроме Куинтона, у кого я могу получить адрес.

- Тристан, - говорю я тихонько. Он не шевелится, так что я касаюсь его плеча рукой. - Эй, у меня к тебе вопрос.

Он переворачивается на спину, его веки дрожа открываются, и он

моргает удивленно. - Что ты здесь делаешь? - спрашивает он хриплым голосом.

- Мне нужен адрес вашей старой квартиры в Вегасе.

Он зевает, вытянув руки над головой, его глаза покраснели от усталости.
- Зачем?

Я поднимаю руку с телефоном в ней. - Мама Делайлы ищет ее и хочет узнать адрес.

Он заметно напрягается. - Ну, она же сгорела, так что... - он пожимает плечами, потирая глаза. - Действительно ли это имеет значение, когда квартиры больше не существует?

Я киваю, внимательно наблюдая за ним. - Да, так и есть, так какой адрес?

Он закатывает покрасневшие глаза, словно я шучу. - Три пятерки Мейплтонвилл-драйв, - бормочет он и поворачивается, оказываясь лицом к стене и спиной ко мне. - Я собираюсь спать. Чувствую себя дерьмово.

Я помню, когда он впервые рассказал мне, что квартира сгорела, мне показалось, что он опустил некоторые подробности произошедшего. Теперь я действительно начинаю сомневаться, нет ли там чего-то еще. Когда он почувствует себя лучше, мне придется надавить на него, чтобы он рассказал, но сейчас я позволяю ему отдохнуть, потому что он выглядит ужасно.

Выхожу из его комнаты, закрыв за собой дверь. У меня ощущение, что что-то плохое могло случиться с Делайлой, когда квартира сгорела. Возможно, Дилан что-то с ней сделал. Но что это говорит обо мне? Ведь я оставила ее в таком месте, зная, как он к ней относился?

Я не могу перестать думать об этом, когда иду обратно на кухню, диктуя маме Делайлы адрес, который дал мне Тристан.

- Спасибо, - благодарит она, когда я заканчиваю.

- Пожалуйста, - отвечаю я, возвращаясь к сумкам с продуктами. - Можете ли вы дать мне знать, что случилось? Когда найдете ее?

- Конечно, - однако, по ее голосу я понимаю, что она этого не сделает, и я вешаю трубку, чувствуя раздражение.

Раздражение только усиливается, пока я делаю Тристану суп, мои мысли застряли на Делайле, где она, что она делает, все ли с ней в порядке. Я должна была повлиять на нее, когда была рядом. Должна была рассказать кому-то о том, как Дилан относится к ней.

Черт возьми, настанет ли когда-нибудь время в моей жизни, когда я не буду жалеть о принятых решениях в прошлом? Я начинаю думать, что нет и что сожаление - это просто часть жизни, и я не могу заикливаться на этом. Тем не менее, когда суп для Тристана готов, моя старая привычка все

считать от стресса вновь появляется, и все, что я хочу сделать, это сосчитать все лапшу в супе и все пятнышки коричневого цвета на ковре.

Когда я вхожу в его комнату, Тристан лежит на кровати, глядя в потолок, руки подложив под голову. - Съешь это, - говорю ему, направляясь к кровати, балансируя, чтобы не обжечься паром от тарелки.

Он поворачивает голову ко мне и хмурится, глядя на тарелку. - Я слишком устал, чтобы есть, - вздыхает он. - И я не голоден.

- Боже, ты как маленький ребенок, - я ставлю суп на тумбочку рядом с кроватью. Он бросает на меня злой взгляд, и я отвечаю ему взаимностью. - И если суп не исчезнет к тому времени, когда я вернусь, у тебя будут большие неприятности. - Я сурово грожу ему пальцем.

Это заставляет его немного рассмеяться. - Прекрасно, - он садится, тянется к тарелке и смотрит на суп в ней. - Выглядит неплохо.

Он берет ложку и начинает рассеянно помешивать суп. - Так почему мама Делайлы вдруг ищет ее?

- Кто знает? я пожимаю плечами. - Как по-моему, она всегда была хреновой матерью для Делайлы.

- Да, я тоже это понял, но опять же, таких мам очень много, - он смотрит в свою тарелку, как будто на врага и тычет ложкой в лапшу.

- Мне нравится моя мама, - возражаю я, садясь на край матраса и скрещивая ноги. - Она всегда была добра ко мне.

- Тогда ты одна из тех, кому повезло, - он всматривается в суп, его голубые глаза кажутся серыми в слабом освещении комнаты. - Неужели мне придется это съесть?

Я сурово киваю. - Да. Все это.

Он показывает мне язык, но все равно пробует. Я оставляю его и трачу следующие несколько часов на уборку, потому что это держит мои мысли сосредоточенными на устранении плесени в душе и крошек на ковре, и я даже успеваю сделать несколько стирок. Складываю одежду в спальне, укладывая ее на кровать, когда мой телефон снова начинает звонить. После звонка от мамы Делайлы, я не решаюсь ответить, поскольку я не уверена, что хочу иметь дело еще с одной драмой на ночь.

Но это Куинтон, и это определенно звонок, который я не хочу пропустить. - Привет, - говорю я в трубку, зажимая телефон между щекой и плечом и продолжая складывать одежду в упорядоченные стопки на моей кровати. - Я рада, что ты позвонил.

- Я же обещал, - звук его голоса вызывает у меня странное ощущение покоя внутри. - Я бы никогда не пропустил наше телефонное свидание.

- Да, но мы так долго переписывались по телефону, что я подумала, ты

уже устал от меня.

- Не думаю, что когда-либо устану от тебя, - говорит он. - На самом деле, я думаю, мы уже выяснили, что я об этом думаю. Как я хочу прикоснуться к тебе-так-сильно-что-не-могу-удержаться, - повисает длительная пауза. - Иисус, это звучит довольно жалко, правда? - говорит он разочарованно.

- Немного, - я улыбаюсь, но это вымученно, поскольку я все еще думаю о Делайле, и где она находится. - Но мне понравилось. Это заставляет меня чувствовать, что я узнаю настоящего тебя.

Он хихикает. - Знаешь что? В какой-то момент своей жизни я могу позволить себе быть жалким.

Его хорошее настроение заставляет мою грусть исчезнуть. - Я так рада, что ты позвонил сегодня, - складываю пижамные шорты в стопку на кровати.

- Почему? Что-то случилось? - спрашивает он обеспокоенно. - Ты, кажется, была в порядке, когда мы переписывались, а сейчас у тебя грустный голос

Я делаю паузу, сожалея о том, что вообще об этом заговорила. Последнее, что он должен услышать - это мои проблемы, когда у него столько своих. - Нет, я в порядке. Ничего особенного не происходит. Просто учеба.

- Хочешь поговорить об этом?

- Не очень, - не хочу врать ему, но в то же время я знаю, что это единственный выход. - Давай поговорим о чем-нибудь счастливом.

- Я - не самая лучшая кандидатура для этого, - говорит он честно, его настроение меняется. - Тебе, возможно, лучше обратиться к Тристану или Леа.

- Тристан болен, поэтому он тоже не чувствует себя счастливым, - я кладу сложенную рубашку на вершину стопки. - Кроме того, услышав твой смех, я уже чувствую себя лучше.

- Да, но ты единственная, кто сделал меня настолько счастливым, чтобы смеяться. Я был немного не в себе, прежде чем позвонил.

- Почему? - беру два носка и соединяю их, добавляя их к куче носков.

- Я не хочу трепаться о своих проблемах, когда у тебя был плохой день, - говорит он.

- Пожалуйста, расскажи мне, - я прошу, подойдя к шкафу и доставая несколько вешалок. - Может, это заставит меня чувствовать себя лучше.

- Тебе слишком легко угодить, но если ты так хочешь, то... - он тяжело вздыхает. - Ничего серьезного, но помнишь, мы говорили о переезде? Ну, я-то надеялся, что отец еще передумает, но когда он сегодня пришел домой,

то сказал, что уже договорился с риелтором, и принес коробки, чтобы упаковать наши вещи. И я вижу, как он взволнован этим.

- Ты ему говорил, что не хочешь ехать с ним? - я беру стопку джинсов в руки и отношу к шкафу.

- В некотором роде... я имею в виду, я сказал, что подумаю об этом, но я знаю, что не буду переезжать, - говорит он мрачно. - И я не хочу, чтобы он продавал дом... это единственное, что у меня осталось от моей матери.

Я останавливаюсь перед комодом, сдерживая слезы. Мне было очень больно потерять отца, но, по крайней мере, я провела двенадцать лет с ним. Мать Куинтона умерла, родив его, и он никогда не знал ее.

- Я так понимаю тебя, - говорю я, открывая ящик шкафа. - Даже несмотря на то, что я не буду вечно водить машину, я не могу представить, чтобы избавиться от машины отца.

- Ты... - он подбирает слова. - Ты исправила ту вмятину, что Донни... наркодилер оставил на крыле?

Я на самом деле удивлена, что он это помнит, судя по состоянию, в котором он пребывал, когда это случилось. - Ты сказал, что это больше не повторится, - помещаю стопку с одеждой на полку и иду обратно к кровати.

- Да, это так. И это моя вина... прости, Нова, - похоже, он задыхается. - За все... все это дерьмо, которое произошло в Вегасе.

Беру вешалку и рубашку. - Тебе не нужно за это извиняться. Я тебе уже об этом говорила. То, что произошло в прошлом, осталось в прошлом. Мы движемся вперед. Помнишь, чистый лист.

- Ты говоришь прямо как мой терапевт, - заявляет он, пока я надеваю рубашку на вешалку. - Он продолжает подталкивать меня отпустить прошлое и снять фотографии, висящие в моей комнате... но я не хочу все забывать. На самом деле, я должен помнить, иначе мне будет проще вернуться... если я забуду все плохое, что произошло.

Я понимаю, о чем он говорит, но все равно хочу, чтобы он не чувствовал себя так плохо в отношении некоторых из этих вещей. Кроме того, не все было так плохо. Например, пара поцелуев во время танца. Те немногие разговоры, что мы вели полтора года назад летом, которое провели вместе, когда мы впервые встретились, закурили и пошли на концерт. И пара моментов у нас была прошлым летом в Лас-Вегасе. Эти моменты были настоящими. - Я думаю, что это нормально держаться за прошлое, совсем немного, но в то же время я знаю, что ты почувствуешь себя лучше, двигаясь вперед и отпуская. Что касается фотографий Лэндона, я хранила их все в коробке в течение длительного времени. А потом, наконец, взяла их и поместила в альбом, который я просматриваю время от времени.

- И тебе не больно смотреть на них? - спрашивает он.

Я иду к шкафу, чтобы повесить рубашку. - На самом деле, нет. Даже приятно вспоминать некоторые вещи, потому что это были действительно хорошие моменты.

Он молчит некоторое время. - Тем не менее, у меня такое чувство, что все развалится, как только я сниму их со стены. Даже в Лас-Вегасе, у меня были эскизы. Я просто не могу себе представить, что их не будет вокруг меня, чтобы напоминать мне... обо всем.

- Ты придешь к этому, - обещаю я, возвращаясь к постели. - Я знаю.

- Я надеюсь, иначе мне придется посещать назойливого психотерапевта каждый день, - его напряженный тон немного смягчается. - Хотя все могло быть гораздо хуже. Я мог бы жить снова в этой сраной квартире в Лас-Вегасе.

- Значит, ты сожалеешь об этом? - я так рада услышать, что он сказал это. - О том, что жил там?

- Знаешь, в начале, когда только уехал, то нет, - говорит он честно. - Но сейчас, да. Я не хотел бы вернуться в это место. Думаю, хорошо, что оно сгорело... конечно, я бы не стал так говорить, если бы кто-то пострадал, но то, что там было - пиздец как плохо, это факт.

Его комментарий вдруг напоминает мне о Делайле. - Раз уж мы заговорили об этом, могу я задать тебе вопрос? - мой голос звучит с осторожностью, и я, сдвинув оставшуюся одежду в сторону, присаживаюсь на кровать. - Предупреждаю, это довольно тяжелый вопрос.

- Мне все равно, - говорит он. - Я хочу помочь тебе, что бы это ни было.

Надеюсь, что я не переступаю черту, спрашивая об этом. - Ты был рядом, когда сгорела квартира?

Он не сразу отвечает. - Да, а что? - он, наконец, спрашивает настороженно.

- Ну, мама Делайлы звонила мне сегодня, спросив, не знаю ли я, где она, что было странно, поскольку ее никогда не заботило, где Делайла в течение нескольких лет, - я плюхаюсь на кровать животом. - Она сказала, что та пропала, и я просто хочу узнать, в порядке ли она. И я подумала, что, может быть, ты знаешь.

- В порядке ли Делайла?

- Да, или где она может быть.

Повисает молчание, и мое сердце со страхом сжимается в груди, боясь, что, может, он что-то знает, и это действительно что-то плохое.

- Я мало что помню, - в конце концов, говорит он нерешительно. - Кроме того, что огонь был начат умышленно и... - он тяжело сглатывает. - Был

слышен выстрел прямо перед тем, как это произошло.

- Выстрел? - мои глаза округляются, и я прикрываю рот рукой, когда начинаю громко дышать.

- Да, и он был... Боже, об этом так трудно говорить, - он постепенно выдыхает. - Он был из нашей старой квартиры.

Я в шоке. Потрясена. Испугана. Меня начинает мутить. Много разных чувств, которые настолько ошеломляют, что у меня начинает болеть живот.

- Ты думаешь, Дилан застрелил ее? - я даже не знаю, почему говорю это, только я не могу забыть, как странно и жутко он себя вел, и как у Делайлы были признаки насилия над ней.

- Я не уверен, так как жил на первом этаже с... кое-кем в то время, но у этого может быть много причин. От сделки с наркотиками до простого факта, что, возможно, пистолет Дилана сработал. Но никто не был найден в развалах после огня, так что никто не пострадал, - говорит он, его голос ломается в конце. - И хотя мне неприятно это говорить, я, честно говоря, не удивлюсь, если Делайла живет где-нибудь на улице или... даже работает проституткой.

Я сдерживаю слезы, готовые пролиться, прислонившись щекой к кровати. - У Дилана был пистолет? - шепчу я еле слышно.

- Да, по крайней мере, был, прежде чем я ушел за пару недель до пожара, - говорит он. - Но я не думаю, что он им пользовался. Думаю, он был у него, чтобы казаться жестче, чем есть. - Его голос звучит неубедительно, и я даже не уверена, что он сам в это верит.

Я понимаю, как много мы говорили о смерти за последние несколько минут и как это, вероятно, не лучшая тема для него. Независимо от того, насколько сильно я хочу получить ответы, не хочу причинить ему боль.

- Этот разговор становится слишком мрачным, - воспринимаю его молчание как согласие. - Давай поговорим о чем-нибудь другом.

- Например? - он звучит подавленно, что в значительной степени соответствует и моим чувствам.

Но я могу справиться с грустью. Я беспокоюсь о нем. Поэтому я пытаюсь придумать что-нибудь веселое, чтобы сказать, но у меня возникают трудности. - Как насчет работы? Как дела?

- Хорошо, я думаю, - отвечает он, и я могу сказать по его унылому тону голоса, что я провалилась в выборе лучшей темы. - Я имею в виду, что покраска домов - это не слишком сложно, и график гибкий, так что все хорошо.

- Но тебе не нравится это делать?

- Не очень, - признается он. - Это действительно не мое.

- А что тогда твое? - спрашиваю я, действительно желая знать, что он думает о будущем, потому что он редко говорит об этом. - Раньше ты говорил, что хочешь рисовать. Это то, что ты хочешь делать? Стать художником?

- Может быть. Хотя, если я это сделаю, мне придется признать, что я, скорее всего, буду беден до конца своей жизни и что мне, вероятно, придется искать подработку.

- Разве это важно? Если ты делаешь то, что ты любишь?

- Думаю, нет, но быть бедным это отстой, по крайней мере, так всегда говорила Лекси.

Длинная пауза повисает между нами при упоминании Лекси. Он никогда не говорит о ней. Я могу сказать, что это было совершенно случайно, и что он, вероятно, хотел бы забрать свои слова назад. Черт, этот разговор действительно превращается в праздник депрессии. Мне нужно найти способ, чтобы как-то спасти его.

- Как ты думаешь, ты когда-нибудь вернешься к учебе? - спрашиваю его, пытаюсь невзначай сменить тему.

- Я уже говорил тебе, что, возможно, когда-нибудь, - его голос звучит неровно, и мне кажется, что он на грани слез. - Я много думал об этом, но не знаю... насколько это действительно реально.

- Иногда встреча с реальностью - это хорошо, - делаю паузу, когда слышу, как стучит входная дверь. Через несколько мгновений моя дверь открывается, и Леа просовывает голову. Неделю назад она остригла волосы до подбородка, и теперь всегда носит их распущенными. Ей идет, но сейчас они выглядят мокрыми, как будто она плавала в крытом бассейне нашего жилого комплекса. Но она одета в джинсы и рубашку с длинными рукавами, не совсем купальный костюм.

- Привет, - говорит она, выглядя покрасневшей и входя в мою комнату - Я принесла немного еды из итальянского ресторана, если хочешь. Оставила на кухне. - Леа часто тусуется в этом ресторане на углу Бралфорд и Мэйн и всегда приносит с собой еду домой. Интересно, имеет ли это отношение к тому, с кем она встречается?

- Эй, можешь подождать секунду? - прошу я Куинтона.

- Да, конечно, - его голос звучит почти с облегчением от перерыва в разговоре.

- Спасибо, - я перемещаю телефон подальше от моего рта, переворачиваюсь на спину и говорю Леа. - Конечно, но могу я задать тебе вопрос?

Выражение ее лица становится настороженным. - Да, если ты меня не

будешь обвинять в тайном свидании с каким-то парнем.

- Этого не будет, - сажусь на кровати и опускаю ноги на пол. - Я просто хочу знать, почему у тебя волосы мокрые.

Она беспечно пожимает плечами, расчесывая пальцами свои волосы. - Я не знаю. Может быть из-за дождя.

Я смотрю в окно, замечая, что стекло сухое и трава внизу тоже. - Не похоже, что идет дождь, - возвращаю свое внимание к ней. - И как ты можешь не знать, был ли дождь, если ты только что вошла с улицы?

- Не знаю, чему ты так удивляешься. Я довольно забывчивый человек, - она смотрит на телефон в руке. - С кем ты разговариваешь?

- С Куинтоном.

- Ну, тогда я оставлю тебя в покое, - ее губы изгибаются в улыбке, она рада, что ей удалось легко избежать моих любопытных вопросов.

- Не думай, что этот разговор окончен, - кричу я ей в спину, когда она выходит из комнаты. - Я выясню, что ты от меня скрываешь.

Она закрывает дверь, прерывая меня, и я, ошеломленная, подношу трубку к уху. - Извини, - говорю я. - Но она определенно ведет себя странно.

- Да, я думаю, пришло время поиграть в детектива, - говорит он, его настроение, кажется, слегка улучшилось. - Возьми карандаш и блокнот и следуй за ней.

- Жаль, я не последовала за ней раньше, - досаую я. - Она только что пришла домой с мокрыми волосами и говорит, что понятия не имеет, почему.

- Может, она плавала? - предполагает он. - Это вполне логично, не правда ли?

- Да, возможно, - ложусь на спину и опираюсь ногами в стену. - Но на ней не было купальника. И, кроме того, если бы она пошла плавать, разве она не сказала бы об этом?

- Может, она не хочет, чтобы ты знала, - он делает паузу, обдумывая варианты. - Потому что встречается с инструктором по плаванию, и она не думает, что ты его одобришь. Или может быть, ты права. Возможно, у нее роман с профессором, и единственное место, где они могут встретиться после занятий - это бассейн, где они могут заняться сексом в воде.

Передо мной возникает картинка того времени, когда Куинтон и я почти занимались сексом в воде. Я растерялась в тот момент и была рада, что он пошел на попятную, но теперь... мысли о сексе с ним вызывают у меня жжение по коже и сальто в желудке.

Но я стараюсь изо всех сил притворяться, что слово «секс», исходящее из

его рта, не оказывает на меня никакого влияния. - Это звучит весьма скандально. Разве та пожилая женщина, которой ты помогаешь, снова заставляет тебя смотреть сериалы?

- Да, иногда. А что? Это заметно?

- Похоже на то, - отвечаю я. - Как поживает миссис Беллингтон?

- Хорошо. Хотя ее семья на днях поместила ее в дом престарелых на другом конце города, так что мне затруднительно посещать ее, - говорит он после паузы. - Знаешь, она напоминает мне о тебе.

- Семидесятилетняя женщина напоминает тебе обо мне, - я хмурюсь немного озадаченно. - Вау, я чувствую себя глупо сейчас.

- Не надо, - говорит он. - Это комплимент. И, кроме того, она напоминает мне тебя из-за некоторых историй, которые она рассказала мне о своей молодости.

Я немного расслабляюсь. - Например?

- Например, как она провела время в Корпусе Мира. [6]

- Но я никогда не была в Корпусе Мира.

- Да, но я легко вижу тебя волонтером, который пытается помочь миру, - говорит он с приподнятым настроением. - Распространяя мир Новы на планете.

- Так вот как ты меня видишь? - удивляюсь, чувствуя себя немного неловко от того, насколько он на самом деле может увидеть, больше, чем Лэндон, может быть. - Благодетелем?

- В лучшем виде, - его тон гораздо более оптимистичен, чем был несколько минут назад. - Ты хороший человек, Нова Рид. Слишком хороший, чтобы со мной разговаривать, но я не хочу тебя останавливать.

- Ни за что, - защищаюсь я. - Ты идеален для меня. - Я качаю головой за свою пошлость. Я в одном шаге от Джерри Магуайра, как и Тристан на днях. - Извини, я не хотела, чтобы это так прозвучало.

- Все нормально. Ты можешь считать это расплатой за то, что я высказал раньше, думаю, это просто из-за эмоциональной перегрузки между этим телефонным разговором и нашей перепиской ранее. Ты вызываешь во мне большую бурю эмоций, и я начинаю очень нервничать по поводу того, что я чувствую сейчас. Это чертовски бесит меня. - Он перестает говорить, и если прислушаться внимательно, то я услышу царапанье карандаша по бумаге. Интересно, рисует ли он в данный момент, и, если да, то что. - Ты не возражаешь, если мы перейдем к нашей традиции и послушаем песню?

Мы начали ее неделю назад, когда Куинтон спросил меня, что бы ему такое хорошее послушать. Вместо того, чтобы сказать ему, я включила музыку. Каждую ночь с тех пор, я выбираю песню, и мы слушаем ее

вместе, прежде чем я повешу трубку.

Если честно, я не готова прекращать наш разговор, но если это то, что ему нужно, то я согласна. Так что я встаю с кровати и подхожу к шкафу, чтобы включить iPod. - Хорошая идея, какую музыку ты хочешь послушать сегодня? Счастливую? Грустную? Яростную?

- Как насчет мягкой и расслабляющей? - предлагает он. - Я думаю, мне нужно немного расслабиться.

- Хм... - я обдумываю варианты, а затем выбираю один, который, я надеюсь, его успокоит. - Ладно, ты готов? - спрашиваю я, удерживая палец над кнопкой воспроизведения.

- Да, порази меня своим лучшим выстрелом, - он смеется над собственной шуткой, как-то на днях я включала одноименную песню Пэта Бенатара.

- Эй, это была песня предыдущей ночи, - нажимаю на кнопку. Спустя несколько мгновений звучит Pink Floyd «Wish You Were Here» [7]. Я увеличиваю громкость и остаюсь рядом с динамиками, чтобы он слышал это.

Он затихает, впитывая в себя гитарное соло, пока не доходит до текста, тогда он, наконец, говорит, - отличный выбор, хотя я это уже слышал.

- Да, я поняла, но разве это плохо?

- Неа. На самом деле, она мне нравится. Обычно ты превосходишь меня по музыке, но теперь я чувствую, что мы равны.

- Это потому, что я хорошо тебя учила, молодой кузнечик, - шучу я, увеличивая громкость еще немного.

- Ты серьезно только что процитировала Кунг-Фу? - он ошеломлен.

- Да, ну и что? Я довольно крутая, - плюхаюсь на спину на кровать, которая слегка пружинит подо мной, и закидываю ноги к стене, стуча ими в такт музыке.

- Знаешь, что? Ты серьезно можешь претендовать на самого крутого человека, которого я когда-либо встречал, Нова Рид.

- Взаимно, Куинтон Картер, - я наклоняюсь и подбираю барабанные палочки с тумбочки. Затем я начинаю барабанить ими по моим ногам, пока мы вместе слушаем песню.

Когда дело доходит до припева, он говорит мне, - эта песня заставляет меня думать о тебе.

Я перестаю стучать барабанными палочками и откладываю их в сторону.

- Как так?

- Я не знаю... слушая текст песни, я хочу тебя увидеть.

Я поворачиваюсь на бок, стараясь не улыбаться. - В этом секрет, почему я

выбрала ее. Чтобы ты захотел приехать и увидеть меня.

- Не думаю, что я готов к этому, - он, кажется, раздражен. - Прости, Нова. Я бы хотел, но я боюсь. Не только того, как я буду чувствовать себя и смогу ли справиться с этим, но и того, что это будет значить для нас. То, что есть между нами на данный момент, это здорово. Я просто не хочу разрушить это.

Это немного больно, но я отпускаю это чувство, потому что он честен со мной. - Это нормально. Когда-нибудь мы увидимся, верно?

- Да, однажды, - но его голос не звучит уверенно, что кажется странным. Мы тратим все это время на телефонные разговоры, и мне казалось, что мы куда-то направляемся, но, возможно, у него совсем другие планы. Возможно, он может говорить со мной только тогда, когда между нами барьер в несколько сотен миль.

После этого мы мало что говорим, а когда песня заканчивается, мы прощаемся и кладем трубки. Сейчас около одиннадцати часов, не очень поздно, но в то же время, все, что я хочу сделать - это лечь в постель.

Надев пижаму, я решаю, что перед сном сделаю запись. Я делаю это, лежа на спине, подняв камеру над собой, ту, которую подарила мне моя мама, потому что разрешение у нее лучше. К тому же, она лежит прямо на моей прикроватной тумбочке.

После того, как я нажимаю на запись, оставив iPod включенным, чтобы на заднем плане была музыка, я просто лежу некоторое время. Интересно, если кто-нибудь действительно посмотрит это, то они подумают, что я спятила. *Наверное*. Но, возможно, они меня поймут. Возможно, однажды я соберу каждое видео, которое я когда-либо делала вместе и назову его «Дневник беспорядочной, чрезмерно мыслящей, безумно сумасшедшей женщины». Определенно не видео, которое меняет жизнь.

Делаю глубокий вдох и собираюсь перед тем, как начать говорить на камеру. - Знаете, некоторое время назад мне приснился сон о том, что Куинтон прыгает с обрыва. Я думаю, что это было мое подсознание, мой страх, что он снова возвращается к наркотикам. Сон, к счастью, больше не повторяется, после того, как я начала регулярно разговаривать с ним, и я слышу ясность в его голосе - трезвость. Но сейчас у меня начались другие странные сны, где он стоит на одной стороне длинной дороги, а я на другой, и мы просто машем друг другу. Когда я впервые увидела его, я подумала, что это - представление о нашем скором воссоединении, но теперь я начинаю догадываться, что, возможно, это просто означает, что мы навсегда останемся друзьями на расстоянии. Или, возможно, что мы никогда не продвинемся вперед в наших отношениях. - Я крепко сжимаю

губы, собираясь с мыслями. - Знаете, когда мы впервые встретились с Куинтоном, я была в странном состоянии. Наполнена растерянностью и воспоминаниями о Лэндоне. Застрявшая в прошлом и не знающая, чего я хочу для моего будущего. Потом этим летом, все мои мысли были поглощены стремлением спасти Куинтона... я ничего особенного не сделала, но ему стало лучше, и в этом был весь смысл поездки в Вегас. Теперь мне действительно не о чем думать, кроме как о том, что у Куинтона все хорошо, так что я вижу свое будущее, вспыхивающее передо мной, как дурацкая неоновая вывеска, напоминающая мне, что мне придется что-то делать со своей жизнью. И я не говорю о выборе карьеры. У меня уже есть своего рода планы после колледжа и моя подработка в фотомастерской. И хотя это никоим образом не то, что я хочу делать с остальной частью моей жизни, я знаю, что хочу сделать одну из двух вещей. Одна из них, сделать карьеру, помогая людям, как я надеюсь, уже делаю, когда помогаю на горячей линии, или вторая, снять фильм, подобный тому, что мы видели на занятиях... хотя я и не решаюсь вступить в команду профессора...

Я на мгновение замолкаю, размышляя о том, сколько людей я знаю, кому есть что рассказать. Затем я возвращаюсь к камере. - Но в любом случае, не в этом суть этой записи. Дело в том, что я куда-то направляюсь в своей карьере, но, когда дело доходит до отношений, я никуда не направляюсь. Я не ходила на свидания с конца второго курса. Мне двадцать, скоро уже двадцать один, а я до сих пор девственница, что просто странно. Однажды я уже почти решилась сделать это с Лэндоном, но я слишком долго тянула, а потом его не стало. А потом я собиралась позволить Куинтону лишиться меня девственности, когда была под кайфом, но он был слишком хорошим парнем, чтобы воспользоваться мной. - Я вспоминаю тот момент на озере, когда он уже почти был внутри меня, но отступил и оставил меня там. Это был момент, когда воспоминания, которые я подавляла, наконец-то прорвались. Момент, в который я вспомнила Лэндона свисающего с потолка в петле.

- Но я думаю, что очень странно, что я даже не думаю о свиданиях. Меня приглашали в этом году пару раз, но я отказалась. Раньше я делала это потому что все еще цеплялась за свою любовь к Лэндону, но теперь... ну, я думаю, это потому, что мои мысли заняты кем-то другим... и иногда я задумываюсь, влюблена ли я в Куинтона, но я не знаю, куда это меня приведет, так как уверена, что он не любит меня. Да, я знаю, что он заботится обо мне, но любит ли... я не уверена. И что действительно пугает

меня, что, если это никогда не произойдет?

Глава 5

Куинтон

9 декабря, день сорок первый в реальном мире

Моя группа поддержки вполне нормальная. По большей части я просто сижу позади и слушаю все разговоры. Хотя Уилсон, парень, который отвечает за встречи, несколько раз пытался загнать меня в угол и просил поделиться своей историей. Я сказал ему, что не готов. Что я только месяц, как с реабилитации... хорошо, сорок один день, если быть точным... но я не готов делиться тем, что происходит внутри меня, пока даже с самим собой, не говоря уже о целой толпе народа. Он сказал, что понимает меня, и я действительно ему верю, учитывая то, через что он прошел. Что меня удивляет, так это то, как он совсем обычно выглядит, несмотря на то, что случилось. Как и сейчас. Я слушаю, как он говорит об аварии и его вине в этом, и это самое странное для меня, потому что, для начала, он может говорить об этом трезво. А также потому, что он не выглядит, как будто сейчас сломается.

- Знаете, я помню, как сидел в больнице, зашивая порезы, которых было довольно много, единственные отметины, что у меня остались после аварии, - он кажется спокойным, но я вижу в его глазах раскаяние, хоть оно и не пожирает его, как это происходит со мной. - И я все думал, почему я? Почему я выжил? - Он поправляет галстук, это вошло в его привычку, когда он выступает перед аудиторией. Я думаю, что, возможно, он надевает галстук с единственной целью, чтобы поправлять его. - Почему я не мог один погибнуть в этой автокатастрофе? - Он останавливается на этом, ослабив галстук и оглядывая десять-двенадцать человек, сидящих на раскладных стульях, уставившись на него. Все разного возраста, высоты, веса. Мужчины. Женщины. Такие разные, но мы все разделяем одно и то же чувство. Вину.

Он начинает ходить по комнате, делая короткие, медленные шаги, несмотря на то, что у него длинные ноги, ощущение, что он специально тянет время. Ему тридцать пять лет, и на днях он сказал мне, что авария случилась почти десять лет назад. Десять лет будет семнадцатого марта, если быть точным, в день его рождения. Когда он сказал мне это, я подумал, что это полный отстой, если что-то подобное происходит на день рождения, и он ответил, что это и так полный отстой, и неважно, в какой

день это произошло.

Он внезапно останавливается и встает перед группой. Его спокойное поведение меняется, и он выглядит злым. - Долгое время я спрашивал себя, почему я? И было много людей, которые спрашивали то же самое, особенно дети и внуки людей, которых я убил, проехав на красный свет. Они обвиняли меня... и до сих пор это делают. И я не осуждаю их. Это моя вина. Я знаю это, и долгое время я думал, что должен страдать за это. Заплатить за то, что сделал. - Он скрещивает руки на груди, злость переходит в страсть. - И знаете, я должен был... заплатить за это, не имея жалости к себе, - он качает головой. - Но позвольте мне сказать вам, я жалел себя. Огромная жалость к себе помогала мне накачивать свое тело наркотиками, и знаете что? Это помогало мне чувствовать себя лучше, и я думаю, что это был самый ужас во всем этом - что я чувствовал себя хорошо. Был под кайфом, в то время как людям было больно из-за потери близкого человека, все потому что я не мог отложить этот чертов телефон, пока ехал. - Он замолкает, опустив голову, и я думаю, что, возможно, он плачет.

Несколько человек в группе кивают, словно понимают, о чем он говорит. Понимают. Как и я. Это история похожа на мою, хотя я отвлекся не на телефон, а на Лекси, высунувшую голову из окна. Отвлекающий маневр, который привел меня к небрежному вождению. Тем не менее, я должен был просто остановиться

Я его не понимаю, правда. Пока нет, но я чувствую, как что-то меняется внутри меня. В моей темной душе становится светлее. И я не знаю, что это.

Он поднимает голову вверх, и я удивлен, что в его глазах нет слез. - Мне потребовались годы, чтобы кое-что понять. Годы на наркотиках, чтобы, наконец, осознать одну простую вещь. Что дело не в том, чтобы заглушить боль, а в том, чтобы принять ее и что-то с ней сделать. Сделать что-то хорошее, чтобы компенсировать плохое.

Он снова начинает ходить взад-вперед. - Делать то, что помогает людям, вместо того, чтобы чахнуть, жалея себя. Потому что я принял дерьмовое решение в самый неподходящий момент, и все изменилось. - Он смотрит на присутствующих в комнате, как будто обращается к каждому. - Меняйте мир. Делайте добро. Вы будете удивлены, насколько легче вам удастся справиться со своей виной.

Он останавливается, и люди начинают задавать ему вопросы. Я молчу, переваривая застрявшее в моей голове откровение. *Это то, что я делаю? Жалею себя?* Перебирая все свои дерьмовые решения за последние два года, прихожу к горькому выводу, что так и есть. Я о том, что не сделал

ничего хорошего взамен жизням, которые забрал. Я просто медленно шел к смерти сам, решив умереть, потому что это казалось намного проще, чем справляться со всей этой болью внутри.

Чем больше я анализирую, тем больше волнуюсь. Я не уверен, что хуже, позволить себе утонуть в своей вине или увидеть более светлую сторону. Не уверен, что я готов с этим бороться, и когда встреча заканчивается, я уже готов бежать к чертям из этой церкви и искать, где найти спасение, чтобы накачать свое тело метом и сосредоточиться на выбросе адреналина, вместо той бури чувств, что клокочет сейчас у меня внутри.

Но Уилсон тормозит меня в дверях, вставая передо мной, появившись практически из ниоткуда. - Эй, у нас тут пожар?

Я останавливаюсь перед ним, бросая на него удивленный взгляд. - Что?

Он хихикает, наклоняясь и беря пластиковый стаканчик со столика у двери. - Ты так быстро убегаешь, я подумал, что, может быть, ты увидел огонь. - Он замолкает, словно действительно ждет, что я отвечу на вопрос. - Но судя по твоему растерянному взгляду, я думаю, дело не в огне, так? - Опять же, он ждет от меня ответ.

Я медленно качаю головой. - Нет... не в огне.

- Так, что случилось, раз ты так спешишь? - спрашивает он, протягивая стакан к кофейному аппарату. - Моя речь тебя напугала?

Я собираюсь сказать ему нет, но он похож на человека, который распознает мою ложь, поэтому я настороженно киваю. - Есть немного.

Он наливает кофе в чашку. - Да, я увлекаюсь иногда, когда становлюсь очень вдохновленным, - он тянется за пакетиком сахара. - Кажется, чем больше речей я произношу, тем более страстными я становлюсь, думаю, что это потому, что я полон решимости попытаться помочь таким людям, как ты и я, увидеть вещи в ином свете.

Я оглядываюсь на несколько человек в комнате, ощущая себя не в своей тарелке. - Да, я почувствовал.

- Кажется, тебе непросто, - он изучает меня, разрывая пакетик с сахаром зубами. - Если я правильно помню, Грег заставил тебя прийти на эти встречи?

- Да, он.

Он улыбается, высыпая сахар в кофе, затем бросает пакетик в мусор, прежде чем взять ложечку. - Он упертый сукин сын, не так ли?

Я почти улыбаюсь. - Да, похоже на то, но он не так уж плохо.

- Нет, в общем, он не плох, - он выходит за дверь и идет к лестнице, ведущей наверх. Зал встреч находится в подвале церкви. Я не любитель ходить в церковь. В самом деле, я чувствую, что меня осуждают в тот

момент, когда шагаю за порог, будь то служители церкви или Бог, хотя я не уверен, что верю в Бога.

- На самом деле, он действительно мне очень помог, подтолкнув меня в правильном направлении, - продолжает Уилсон, поднимаясь по лестнице.

- Правда? - спрашиваю я с сомнением, ухватившись за перила, пока поднимаюсь.

Он останавливается посреди лестницы, оглядываясь через плечо на меня с любопытным выражением на лице. - Как давно ты его посещаешь?

- Несколько недель.

Он кивает, как будто что-то понимает. - Значит, ты новичок, - он начинает снова подниматься. - Дай ему время. Будет лучше.

Я не уверен, что полностью купился на его «будет лучше» речь. - Сколько времени это обычно занимает? - спрашиваю, когда мы выходим, повернув к двери слева, на которой висят елочные венки. Рождество повсюду приветствует меня, но я этому совсем не рад.

- Что ты имеешь в виду? - спрашивает он, помешивая свой кофе, который, я знаю, довольно противный, потому что попробовал его в первый раз, когда пришел на одну из таких встреч и меня чуть не стошнило от неприятного привкуса.

- Не знаю, - я чешу затылок, прислонившись к дверному проходу, через который члены группы поддержки покидают церковь. - Чтобы избавиться от тяжести на моих плечах ... вины. - Я даже не уверен, почему я спрашиваю, потому что это должно означать, что я верю в эту возможность. А это не так. Во всяком случае, не совсем. Но с Уилсоном так легко разговаривать, может потому, что я знаю, что когда-то он чувствовал то же самое, что и я.

Он бросает на меня короткий взгляд, прежде чем делает глоток кофе, а потом смотрит вверх в ту часть церкви, где есть трибуна, ряды стульев и витражные окна, через которые проникают лучи солнечного света. - Если честно, она никогда не исчезнет, - он возвращает свое внимание ко мне. - Как я уже сегодня говорил, она всегда будет, но ты должен научиться справляться с этим и делать свою жизнь достаточно хорошей, чтобы добро скрывало твою темную сторону.

- Темную сторону? - я притворяюсь, что понятия не имею, о чем он говорит, хотя прекрасно его понимаю.

Он хитро улыбается, словно прочитал меня. - Ты только вышел из лечебницы, верно?

- Да.

- И как много времени прошло?

- С каких пор? Когда я начал употреблять наркотики?

Он качает головой и гладит меня по плечу, где под рукавом куртки скрыты татуировки. - С момента аварии.

Клянусь, чернила начинают гореть, нещадно жечь, воспаляя все тело.

- Два с половиной года.

Он сжимает мое плечо. - Это займет время. Я обещаю, что станет легче.

- Сколько времени? - спрашиваю я, отступив в сторону, когда женщина с седыми волосами проходит между нами к выходу.

Он размышляет над моим вопросом, и я думаю, что он скажет мне примерные временные рамки, но он говорит, - Ты когда-нибудь был волонтером в «Среде обитания для человечества» [8]? Или любой другой похожей организации?

- А? - я сбив с толку внезапной сменой темы. - Нет, хотя я помогаю в приюте для бездомных и провожу время с пожилыми людьми... а что?

Он снова хлопает меня по плечу, и это начинает меня раздражать, но я не могу понять, почему. Думаю, это потому, что я на самом деле не привык к тому, что люди прикасаются ко мне, и потому что его поглаживания кажутся попыткой проявить сострадание. - Ты можешь встретиться со мной завтра в шесть? - спрашивает он.

- Могу... да, но зачем?

- Я хочу показать тебе кое-что.

- Если речь идет о строительстве домов, то вы должны знать, что я сейчас работаю на подрядчика по покраске, поэтому я уже вроде как это делаю.

- «Среда обитания для человечества» - это немного другое, - говорит он со страстью, убирая ладонь с моей руки и сжимая ее в кулак перед собой. - Представь себе, строить дома для тех, кто действительно в этом нуждается.

- Он тянется к двери и открывает ее, впуская прохладный ветерок. - Там целый мир, Куинтон. Где много людей, которые нуждаются в помощи, и много людей, которые не хотят тратить время на то, чтобы предложить свою помощь. Но ты и я - мы видим время по-другому. Мы понимаем, насколько это важно и как все, что мы делаем в этой жизни, имеет значение. Хорошее и плохое. Поэтому очень важно, что мы тратим много времени, делая добро.

- Да, я думаю, - я до сих пор не знаю, полностью ли я согласен с его речью, и думаю, что он это прекрасно видит, но отказывается сдаваться.

- Встретимся завтра в шесть в доме, над которым я работаю, - говорит он, выходя за дверь. - И я покажу тебе.

- Шесть утра? - переспрашиваю я, и он кивает. - Ладно, но я должен быть на терапии к полудню.

- Этого достаточно, - его губы подрагивают в улыбке, и я следую за ним, позволяя двери захлопнуться за мной. Сегодня свежий и ясный день, трава покрыта инеем и опавшими листьями.

- Для чего? - спрашиваю я, накинув капюшон куртки на голову.

Он идет по траве, в тени деревьев. - Для меня, чтобы показать тебе, как прекрасна может быть жизнь.

Я, честно говоря, не удивлюсь, если он сидит на крэке или еще чем-то с его позитивом. Не похоже, что у него крыша поехала.

После того, как я соглашаюсь на встречу с ним, он дает мне адрес и свой номер телефона, а затем обещает меняющее жизнь утро. Я ему не верю, хотя часть меня хочет. Хочет верить, что однажды я смогу ходить вокруг таким же счастливым, как он, жить свободной от наркотиков жизнью, не чувствуя себя так, будто борюсь, чтобы не проваливаться под землю.

* * *

Позже в тот же день, после нашей терапии с Греггом, который считает, что это отличная идея, чтобы пойти с завтра Уилсон, и провести несколько часов на работе, я иду домой в полуразобранном состоянии. Отец оставил мне голосовое сообщение, сказав, что у него сегодня вечером встреча, поэтому я должен поужинать без него. Когда я разогреваю вчерашние замороженные остатки лазаньи, тишина дома и вид коробок повсюду начинают накрывать меня. Не могу поверить, что это происходит. Он действительно собирается переезжать, а я не готов к этому. Я не хочу перемен. Я хочу, блядь, стабильности. Я хочу быть в состоянии ходить и чувствовать себя хорошо, как Уилсон. Иисус, я действительно этого хочу. Теперь, когда я действительно верю, что это возможно. И я хотел бы выяснить, как этого достичь.

Микроволновка пищит, и я, взяв лазанью, иду наверх в свою комнату, чтобы поесть. Когда я сижу на кровати в окружении рисунков и фотографий Лекси, мои мысли возвращаются к ней. Не могу не думать о том времени, которое мы провели здесь. Мы целовались и касались друг друга, смеялись, а иногда Лекси даже плакала, если у нее был плохой день. Я выслушивал ее и пытался утешить ее, насколько это возможно. Иногда я тоже изливал свои чувства, но нечасто.

Достаю свой блокнот, чувствуя потребность писать, чтобы вытащить свои эмоции наружу, вытащить воспоминания о Лекси, аварии, потому что именно это Грег говорил мне сделать.

Честно говоря, я никогда особо не был болтлив. Вспоминаю, что я всегда

был своего рода слушателем. Когда Лекси хотела поговорить, я давал ей советы, но никогда сам не обращался за советом, даже когда чувствовал себя неуверенным в школе, в жизни, в своем будущем. Конечно, я планировал поступить в колледж и жениться на Лекси, но в глубине души я всегда задавался вопросом, чувствует ли она то же, что и я: хочет ли за меня замуж, потому что всякий раз, когда я поднимал эту тему, она только улыбалась и избегала говорить об этом, целуя меня или обнимая. И я никогда не настаивал, просто держал все внутри... держал, пока не стало слишком поздно, и больше не осталось возможности получить ответы. Не осталось способа все выяснить.

Я понимаю, что много держу в себе. Избегаю разговоров, как сразу после аварии, никогда не думал о последствиях, никогда не извинялся за то, что произошло, было ли это по моей вине или нет. Даже с Новой, я закрываюсь, когда ситуация становится эмоциональной и трогательной, хотя иногда вещи меняются в этом направлении, и я даже не осознаю этого. С Новой легко разговаривать. Это точно, и хотя мне неприятно это признавать, за последний месяц я разговаривал с ней более открыто, чем с кем-либо за всю мою жизнь. Но я все еще борюсь с действительно сложными вещами. Как мои чувства к Лекси. Или в то время, когда я чувствую, как мое сердце открывается Нове. Но Уилсон, он просто, блядь, ходит по комнате, изливая душу. Интересно, сколько времени ему потребовалось, чтобы прийти к этому. Смогу ли я также... жить нормальной жизнью? Получил ли он прощение? Отпустил прошлое? Есть ли у него жена? Дети? Семья? Разве это возможно? Нет, этого не может быть... не так ли?

Как только я пишу это, я хочу забрать свои слова обратно. Как я могу достичь этого? Думать о будущем? Нет, я беру свои слова обратно. Но это написано чернилами и не может быть стерто, как и нельзя стереть ту короткую секунду, когда у меня появилась эта мысль.

- Дерьмо, - я зол, потому что мои мысли внезапно разгоняются со скоростью около миллиона миль в минуту. Мне нужно как-то их отключить. Я знаю один способ... но нет... я не могу туда пойти. На самом деле, я не хочу. Мне было так трудно выйти из этого темного места, и я не думаю, что у меня достаточно сил, чтобы вырваться из него снова.

Бросаю ручку через всю комнату и сжимаю руки в кулаки. Вдох. Выдох. Это то, что Чарльз заставлял меня делать, когда я впервые был в реабилитационном центре и принимал лекарства, которые отучали меня от

зависимости к героину и метамфетамину. *Дышать. Дышать. Дышать.* Пусть это пройдет. Но это не проходит. Мне нужно что-то еще. Дозу. Да, это самое простое решение, но более сложное имеет меньше долгосрочных последствий.

Мне нужно с кем-то поговорить. Греггом. Уилсоном. Но уже больше восьми, и я не хочу их беспокоить. Я тут же достаю свой телефон и звоню человеку, с которым я могу поговорить, и единственному человеку, с которым я действительно хочу поговорить. Человеку, который может отвлечь меня достаточно, чтобы успокоить меня.

Барабаню пальцами по колену, набирая номер Новы и слушая гудки. Когда дело доходит до четвертого, я думаю, что она не собирается отвечать, и я почти готов повесить трубку и пойти к дому Маркуса и купить у него все, что смогу. Получить дозу. Почувствовать прилив. Затем онемение. К счастью, Нова берет трубку, как только ее голосовая почта срабатывает, и я выдыхаю с облегчением, понимая, насколько я все еще слаб - сколько помощи мне все еще нужно.

- Привет, - говорю я после того, как она отвечает, мгновенно успокаиваясь, мой пульс успокаивается.

- Привет, - на выдохе говорит она. - Я надеялась, что это ты звонишь.

Ее ответ заставляет меня улыбнуться, но это также смущает меня, что она так рада меня слышать. - Да, я просто хотел поговорить с тобой... но если ты не можешь говорить, ничего страшного.

- Почему я не могу говорить?

- Потому что... ну не знаю. Ты говоришь, будто запыхалась.

Она смеется, и я закрываю глаза, наслаждаясь этим спокойным звуком. - Это потому, что я играла в твистер с Леа и Тристаном, и мне пришлось бежать к телефону.

Прислоняюсь к стене, открывая глаза. - Твистер? Это была идея Тристана? - Я ненавижу, что мой голос звучит ревностно, но никак не могу справиться со своими чувствами. Я хотел бы быть тем, кто живет с ней, играет в игры, в которых нам приходится соприкасаться телами в неудобных позах.

- Нет, на самом деле это была Леа, - говорит она, и я отчетливо слышу, как закрывается дверь. - Она сказала, что ей скучно и что ей нужно заняться чем-то другим, кроме как сидеть на диване и смотреть повторы «Дневников вампира»

- И твистер оказался именно такой штукой?

- Да, это была единственная игра, которая была у нас в шкафу, и, если тебе интересно, она принадлежит Тристану.

- Я знал, что он за этим стоит. - Я помню все разы, когда он хотел, чтобы мы подцепили девчонок. Тристан всегда хотел замутить с любой девушкой, на которую он наткнулся. Боже, такое ощущение, что это было тысячу лет назад, когда прошло всего несколько месяцев. Совершенно другой мир, полный расколов, соблазнов и неверных шагов. Вот на что похожа жизнь, когда ты годами употребляешь наркотики, а потом вдруг трезвеешь.

- Похоже, он какой-то извращенец, да?

- Иногда, - говорю я, а затем решаю, что мне нужно сменить тему, потому что разговоры о извращенности Тристана не помогают мне успокоиться. - Я подумал, что ты сначала могла бы поставить песню сегодня, а потом мы можем поговорить.

- Да, можно и так, - она звучит растерянно. - Но могу я спросить, почему?

- У меня просто был тяжелый день, - говорю я ей, будучи более честным, чем обычно. - И ожидание услышать, какую песню ты собираешься выбрать для меня, всегда поднимает мне настроение.

- Хорошо, какую песню ты хочешь сегодня? - в ее голосе звучит бодрость, и я чувствую, как у меня успокаивается сердцебиение.

- Как насчет обнадеживающей? - спрашиваю, не уверенный, поймет ли она, что я имею в виду.

Но я быстро понимаю, что никогда не должен подвергать сомнению способности Новы, когда дело касается музыки, потому что спустя несколько минут звучит «Rise» Эдди Веддера. Вероятно, это не то, что большинство людей выбрали бы в качестве обнадеживающей песни, но предоставьте это Нове и поймете, что выбор попал в самую точку. Она нашла мне песню, в которой не говорится о радуге и солнечном свете, но она вселяет надежду, и мне становится лучше.

- Так что ты думаешь? - интересуется она, возвращаясь к телефону, музыка играет на заднем фоне.

- Думаю, она хороша, - я расслабляюсь в своей кровати и закрываю глаза. Дышится немного легче, мне кажется. На самом деле все кажется проще в данный момент.

- Это вселяет в тебя надежду? - спрашивает она, и я слышу ожидание в ее голосе.

Я лежу с закрытыми глазами, но мимолетная улыбка украшает мои губы.

- Знаешь, что? Это так. Это действительно так. - Делаю паузу, зная, что то, что я скажу дальше, будет для меня огромным шагом, но по какой-то причине я хочу это сделать, хочу поговорить с ней, потому что мне кажется, это сделает мою жизнь чуточку проще. - Я могу поговорить с тобой о том, почему я был расстроен сегодня?

- Конечно, - говорит она, хотя, похоже, нервничает. - Я говорила тебе, что ты можешь поговорить со мной о чем угодно.

Я делаю глубокий вдох, потом еще, готовясь открыть дверь. - Речь идет о моем будущем и о том, насколько оно меня пугает.

- Я понимаю, - говорит она, и мои веки приоткрываются. - Но я обещаю, что станет лучше - движение вперед тебе поможет.

- Я знаю, - смотрю на фото Лекси на стене. Она смеется над чем-то... я, честно говоря, даже не могу вспомнить, что это было. Видимо я что-то сказал ей. Она выглядит такой счастливой. Такой живой. Глаза светятся. Сердце бьется. Она счастлива. - Но трудно думать о будущем, когда мне кажется, что каждый раз, когда я это делаю, я оставляю кого-то позади.

Слышу, как у нее перехватывает дыхание, но Нова, будучи Новой, звучит спокойно, когда говорит, - Я на самом деле очень хорошо тебя понимаю. Я также себя чувствовала с Лэндоном.

Я с трудом сглатываю. - Ты любила его?

- Да, - произносит она негромко. - Он был моим другом в течение нескольких лет, прежде чем мы стали встречаться, и это помогло мне узнать его лучше, - она всасывает воздух и выпускает его постепенно, как будто она на грани слез. - Я думала, что выйду за него замуж.

Я чувствую, как слезы покалывают мои глаза, когда понимаю, что я собираюсь сказать. - Я тоже думал, что женюсь на Лекси... хотя не был уверен, что она была на той же ступени, что и я. Она была такой загадочной. И беспокойной. И ей не нравилась идея остепениться. - И когда она умерла, я увидел, как наше совместное будущее ускользает, но я не расстроился, потому что тоже умирал, но потом я вернулся без нее, и будущее ушло навсегда.

- Лэндон не любил говорить о будущем вообще, - говорит Нова печально. - Иногда я думаю, это потому, что он знал, что он... ну, ты знаешь... и либо он не позволял себе говорить на эту тему, не хотел давать пустых обещаний мне, либо просто никогда не задумывался об этом.

Я был близок к тому моменту, когда уйти из жизни, казалось лучшим вариантом. Будучи там, я действительно не думал о своем будущем, но я не

хочу говорить ей об этом, потому что она заслуживает лучшего ответа. - Я уверен, что он думал об этом, - говорю я. - Хотя он, возможно, никогда ничего не говорил, он должен был думать об этом хоть немного. Чтобы быть с тобой навсегда.

- Ты так думаешь? - спрашивает она с надеждой.

- Я знаю это. - Это ложь, но ради благого дела. Она этого заслуживает - заслуживает мира и многого другого.

- Куинтон?

- Да, - меня душит, и даже одно слово передает всю скорбь, муки сожаления и печали, всплывающие во мне.

- Я знаю, что действительно трудно думать о будущем и обо всем, - говорит она. - Но у меня есть чувство, что у тебя все получится намного лучше, чем ты думаешь.

- Надеюсь, ты права, - отвечаю я, массируя рукой больную грудь и шрам на ней - постоянное напоминание о том, что случилось той трагической ночью. - Но я даже не знаю, что буду делать в будущем. Я продолжаю думать о том, где я мог бы быть через несколько лет...

- И что ты видишь?

- Я не знаю... ничего, правда, на данный момент.

- Ну, а что ты надеешься увидеть однажды?

Я переворачиваюсь на спину и смотрю на другую фотографию Лекси, где я обнимаю ее в крепких объятиях. Она в красном выпускном платье, а на мне черный смокинг. Она была сделана за несколько недель до аварии. - Я ненавижу все, что вижу, потому что это заставляет меня чувствовать себя виноватым в том, что у меня... нет будущего... с ней... - я очень нервничаю, когда тема переходит к Лекси. В некотором смысле это заставляет меня чувствовать, что я почти изменяю Лекси, разговаривая с Новой о ней, но в то же время я чувствую себя виноватым, разговаривая с Новой о моей бывшей девушке, потому что уверен, что она не хочет слышать о ней. Это очень запутанно.

- Как ты думаешь, она хотела бы, чтобы у тебя было будущее? - спрашивает она нерешительным голосом.

Это не то, что я ожидал. - Я не уверен... - мои мысли возвращаются в ту ночь, когда она умерла и просила меня не забывать ее. - На самом деле кое-что произошло... в ночь аварии, что заставляет меня думать, что она не хотела этого.

- Что произошло? - спрашивает она, а затем быстро добавляет - Ты не

должен говорить мне, если не хочешь.

Мои терапевты несколько раз просили меня рассказать о той ночи. Что случилось. Как я себя чувствовал. Я всегда отказывался сообщать подробности, но с Новой, я чувствую, что, наконец, могу об этом поговорить. Может, потому что я знаю, что она видела то же, что и я. Смерть. Или, может быть, за последние пару месяцев я стал ей доверять.

- Она просила меня пообещать ей, что я никогда не забуду ее... когда она умирала... и я обещал... - мой голос настолько напряжен и такой тихий, что я даже не уверен, что Нова слышит меня. Хотел бы я не слышать меня, потому что как только я это говорю, я хочу забрать слова обратно. Но я не могу. Это так же навсегда, как шрам на моей груди.

Нова молчит, вероятно, пытаюсь понять, как реагировать на такое тревожное заявление. Я чувствую себя плохо из-за того, что ставлю ее в такое положение, позволяя раскрыться таким ужасным секретам, о которых никто не хочет слышать. Я собираюсь сказать ей, что я, вероятно, должен идти, когда она, наконец, говорит.

- Ты не должен забывать ее, чтобы двигаться вперед в своей жизни, - говорит она. - Ты можешь помнить ее. И я уверен будешь, что бы не случилось. На самом деле, я думаю, невозможно забыть о ком-то, кого ты когда-то любил. Они всегда останутся с нами.

- Но ты знаешь, что случилось со мной... ты знаешь, что я был за рулем во время аварии, - я никогда не хотел дозы сильнее, чем сейчас. Мысль о том, чтобы снюхать, ввести инъекцию, черт возьми, хотя бы затянуться, все, что могло бы отвлечь меня от моих эмоций, звучит невероятно громко прямо сейчас.

- Я знаю, прочитала в статье, - ее голос настолько успокаивающий, что заставляет мое сердце сохранять равновесие, несмотря на то, как сильно оно хочет ускориться. - Но это не значит, что я понимаю, что случилось. По своему опыту я знаю, что слухи сильно отличаются от реальности.

Думаю, что она пытается заставить меня сказать ей, но я не могу. Нет никакого способа, чтобы я рассказал ей подробности той ночи. То, что происходило. Как я ответственен за жизни, оборвавшиеся в ту ночь. Что именно произошло. Зная Нову, она непременно скажет, что это не моя вина, когда все услышит, но это не то, что мне нужно от нее прямо сейчас. Мне просто нужна она. Звук ее голоса. Ее образ в моей голове.

- Я не могу, - шепчу я, чувствуя, будто меня кто-то душит. - Слишком сложно говорить об этом.

Ее мягкое дыхание слышится с другого конца, и я подстраиваю под нее свой ритм, потому что это помогает мне дышать через тяжесть, которая ложится на каждый дюйм моего тела, помогает удерживать меня на плаву, хотя я чувствую, что на грани утопления.

- Знаешь, чем занимались мы с Лэндоном в ту ночь, когда он покончил с собой? - спрашивает она. - Мы лежали на его заднем дворе, наблюдая за звездопадом. И казалось, это такая прекрасная ночь, за исключением одной вещи... что-то, что Лэндон сказал мне, просто не устраивало меня, но я не стала заставлять его говорить об этом.

- Ты не можешь заставить человека говорить о каких-то вещах, если он не хочет, - я не совсем уверен, говорю я о Лэндоне или о себе.

- Да, но я должна была попытаться, - настаивает она. - Он всегда говорил мне о таких вещах... мрачных, тревожных вещах, которые до сих пор преследуют меня, потому что большую часть времени я просто отмахивалась от них, переживая, что он хочет расстаться со мной, или что я зашла слишком далеко.

- Нова, то, что произошло не твоя вина, - пытаюсь ее утешить, но я не уверен, насколько хорошо я справляюсь с этим. - Ты не можешь винить себя за это.

- Он сказал: «У тебя когда-нибудь возникало ощущение, что мы все просто потерялись? Просто бродим по земле, ожидая своей смерти?», - в конце ее голос дрожит, и ей нужно время, чтобы взять себя в руки. - Это были одни из последних слов, которые я услышала от него перед тем, как мы вместе заснули на холме. Когда я проснулась, его уже не было. Я не могла понять, где он, потому что он не такой, чтобы просто оставить меня одну. - Она смеется, но ее смех звучит исковеркано и неправильно, пронизано болью и грустью. - И все закончилось тем, что он покинул меня навсегда... я узнала об этом несколько минут спустя, когда нашла его в комнате.

Каждое из ее слов пронзает мою кожу, остро и больно, и во мне возникает потребность, чтобы она почувствовала себя лучше. - Нова... я даже не знаю, что сказать, - опускаю руку на голову и пытаюсь заглушить ноющую внутри меня боль.

- Я не хочу, чтобы ты что-то говорил, - ее голос уравнивается, и она снова звучит почти нормально. - Я просто рассказываю свою историю, потому что я единственная, кто может действительно рассказать, что случилось со мной. И я надеюсь, что однажды ты расскажешь мне о себе,

но это не обязательно должно быть сегодня. Может быть, однажды, - она делает паузу. - В будущем.

Она упомянула слово будущее намеренно, чтобы подчеркнуть, что оно у меня есть, по крайней мере, в ее глазах.

- Я бы хотел, чтобы ты почувствовала себя лучше, - говорю ей, поворачиваясь на бок, чтобы я мог смотреть на стену, а не на фотографии вокруг меня, так что на мгновение остаемся только она и я. - Я хотел бы забрать всю эту боль.

- Да, но мы оба знаем, что это невозможно, - напоминает она мне. - И я научилась справляться с этим. И знаешь, что? Все не так уж и плохо, как раньше.

- Надеюсь, что это так, - говорю я, стараясь сохранить свой голос ровным. - Я надеюсь, что однажды у меня все будет в порядке, как и у тебя.

Но возможно ли это? После последних нескольких лет исцелиться и жить жизнью, где я не тону? Раньше я думал, что нет, и часть меня все еще думает, что нет никакого способа. Но есть небольшая часть меня, которая продолжает верить в будущее.

Надежда все еще живет внутри меня.

Глава 6

10 декабря, сорок второй день в реальном мире

Куинтон

Я чувствую себя довольно хорошо после моего разговора с Новой прошлой ночью, когда просыпаюсь с утра пораньше, чтобы встретиться с Уилсоном. Удивительно, как сильно она влияет на мое самочувствие. Я просто хотел бы сохранить это чувство подольше, потому что, чем больше времени проходит с момента нашего разговора, тем больше уныния возвращается ко мне.

Тем не менее, я встаю, пытаюсь настроиться на позитивную волну Новы. Небо все в облаках, на траве виднеется иней, поэтому я надеваю теплую куртку, перчатки и ботинки, хотя понятия не имею, будем мы работать на улице или нет.

После непродолжительных сборов спускаюсь вниз, чтобы позавтракать и взять с собой обед. Отец сидит за столом с тостом и чашкой кофе перед ним и читает газету в окружении коробок. Их вид мешает сохранять оптимизм, напоминая о том, что мне все еще нужно решить эту проблему.

Когда я захожу на кухню, отец поднимает взгляд и чуть улыбается, но

заметив, что я в верхней одежде, меняется в лице. - Куда ты идешь? - недоумеваает он, потянувшись за своей кружкой с кофе. - Я думал, у тебя сегодня сеанс терапии.

- Да, - отвечаю ему, доставая печенье из шкафчика. Стены нашей кухни выкрашены в солнечно-желтый цвет, а столешницы в темно-зеленый. Это ужасное зрелище, но отец всегда отказывался что-то менять, потому что эту цветовую палитру выбирала мама. - Но мне нужно еще кое-куда пойти.

Он складывает свою газету, настроенный скептически. - Куда?

Разрываю обертку от печенья. - Помнишь того парня, Уилсона, о котором я тебе рассказывал?

Он поднимает кружку ко рту и делает глоток кофе. - Да, он проводит эти встречи для людей, которые... - он замолкает, чувствуя себя не в своей тарелке. *Как всегда.*

- Проводит встречи для бывших наркоманов, которые имеют дело с чувством вины и потери, - говорю я прямо. Если я могу, то и он должен быть в состоянии сказать это.

Он кивает, ставя кружку обратно на стол. - Да, он.

- Да, я про него, - откусываю край печеньки, вытаскивая стул и занимая место за столом. - И он хочет показать мне дом, который строит по программе «Среды обитания для человечества». Думаю, он хочет, чтобы я тоже участвовал или что-то в этом роде.

- Но ты и так много куда уже вовлечен, - он кажется не в восторге от этой новости.

Пожимаю плечами, вставая, чтобы налить себе чашку кофе. - Что еще мне делать со своей жизнью? - спрашиваю я, вынимая кружку из посудомоечной машины.

- Я не знаю, - он кусает тост и медленно жует его, задумавшись. - Я просто не хочу, чтобы ты слишком увлекался, ведь мы будем переезжать в ближайшее время.

- Я не говорил, что готов переезжать, - с горечью напоминаю я, хватая кружку. - Ты сказал, что ты переезжаешь.

- Но я думал, мы договорились, что ты поедешь со мной, - говорит он с оттенком печали.

- Когда я на это согласился? - смущенно спрашиваю я, наливая в кружку кофе.

Он оглядывает комнату с упакованными коробками на столешницах и на полу. - Ну, ты не спорил, когда я начал собирать вещи и выставил дом на продажу, поэтому я просто предположил, что все в порядке.

- Это не так, - говорю я, качая головой. - Начнем с того, что мне почти

двадцать один год, и я не должен жить с отцом. Не говоря уже о том, чтобы колесить с ним по всей стране, - делаю глоток кофе, надеясь, что смогу успокоиться. Нет никаких причин злиться. В конце концов, он хочет, чтобы я поехал с ним. Но по какой-то причине я чувствую себя немного обиженным и даже не могу понять, почему. - Впервые с момента аварии у меня есть какое-то подобие жизни, и я уже говорил, что не хочу просто бросать это - не хочу начинать все сначала. Это чертовски трудно.

Он смотрит на меня удивленными глазами, и я понимаю, насколько громко говорю и как сильно дрожу. Я больше ничего не говорю, и он тоже, пока я допиваю кофе, он моет свою тарелку и чашку. После того, как я собираю себе обед, выхожу из дома и сажусь на автобус, который идет до места, где я должен встретиться с Уилсоном, потому что я не хочу просить отца дать мне машину или подвезти меня. Мне просто нужен перерыв, чтобы очистить голову.

Это довольно долгая поездка на автобусе, и я опаздываю примерно на полчаса. Адрес, который дал мне Уилсон, в конечном итоге оказался адресом небольшого одноэтажного дома, который почти полностью закончен, за исключением дворовых работ и нескольких мест, которые остались без сайдинга. Сейчас над ним работают несколько парней, на морозе, с молотками и электроинструментами, одетые в тяжелые куртки и сапоги. Уилсон – один из них.

Я стою на обочине чуть ли не целую вечность, потому что не могу заставить свои ноги двигаться. Я озадачен Уилсоном и его свободой. Он не может быть реальным. Это какая-то подделка. Никто не может жить с таким чувством вины и так смеяться. Это невозможно.

Но чем дольше я смотрю, тем больше понимаю, что он может быть реальным, и что он действительно, кажется, находится в каком-то внутреннем мире с самим собой. Я бы назвал это чудом, но я не верю в чудеса, с тех пор как Лекси и Райдер умерли, а я остался жить. Это означало бы, что моя жизнь была чудом, но это не так. Это должно было быть иначе. Они должны были жить, а я должен был умереть. Тогда это было бы чудом.

- Так ты собираешься просто стоять там и пялиться на нас весь день? - голос Уилсона прерывает мои мысли, и я понимаю, что он пересекает двор, приближаясь ко мне.

- Извини, я просто восхищаюсь домом, - говорю я и иду через двор, встречаясь с ним посередине.

- Хорош, да? - он кивает на почти готовый дом.

- Конечно, - я, честно говоря, не назвал бы его красивым. Он небольшой,

с ровным коричневым сайдингом, без газона во дворе, без крыльца и ставен на окнах.

- Для кого-то, у кого никогда не было дома, он хорош, - говорит он мне, а затем предлагает мне следовать за ним, когда идет назад к парням, работающим над установкой сайдинга.

Когда я добираюсь туда, он протягивает мне пистолет для забивания гвоздей. - Займись делом, - говорит он.

Я смотрю на пистолет, а затем на него. - Ты хочешь, чтобы я помог вам установить сайдинг?

- А что еще ты собираешься делать? - спрашивает он. - Стоять рядом и смотреть, как мы это поднимаем?

Я уважаю его за прямоту и следую за ним к небольшой куче материала, который нужно установить. Он быстро знакомит меня со всеми, а потом мы поднимаем листы сайдинга, и он показывает мне, где вбить гвозди. На самом деле мы ни о чем не говорим, кроме выравнивания листов и правильного вбивания гвоздей.

Из старого стерео рядом с инструментами доносится кантри музыка и в воздухе пахнет сигаретным дымом, потому что все продолжают делать перекуры. Через какое-то время я понимаю, насколько комфортно я себя чувствую, но откровение пугает меня больше, чем успокаивает.

- Так что ты думаешь? - Уилсон спрашивает, держа лист сайдинга с одного края, а я с другого.

Я орудую пистолетом, прикладывая его к стене. - О чем? О строительстве дома?

Он кивает, когда я вбиваю гвоздь. - Да, ты чувствуешь себя воодушевленным?

- Не знаю. Возможно, - двигаю пистолет, чтобы положить еще один гвоздь в сайдинг, но он останавливает меня, хватая за руку.

- Ты хочешь услышать историю семьи, для которой мы строим дом? - спрашивает он, забирая пистолет у меня.

Я колеблюсь в страхе, что это будет слишком много для меня, чтобы справиться. - Валяй.

Он бросает на меня неодобрительный взгляд, но все равно рассказывает историю. - Это для вдовы и ее трех дочерей.

Обычно я не спрашиваю о вещах, которые я знаю будут темными, но по какой-то причине слова сами вылетают с моих губ, - Как умер ее муж? - В тот момент, когда я задаю вопрос, я уверен, что услышу что-то плохое. То, на что он беспокоится, как я отреагирую.

- Пьяный водитель.

- Оу, - это все, что я могу сказать. Хотя я не был пьян, когда той ночью врезался в другую машину, я ехал слишком быстро. Это вызывает что-то внутри меня, и на короткое время я думаю о том, чтобы убежать от этого места и вобрать столько кристаллов в нос, сколько смогу. Может быть, даже ввести их в свои вены, хотя этого хочет только часть меня. Другая никогда больше не хочет возвращаться в это странствующее, бессмысленное место снова.

Но прежде чем я даже успею сделать шаг, Уилсон берет другой лист сайдинга и почти бросает его на меня. - Вот, давай поменяемся местами, - говорит он, когда я ловлю его, недовольно ворча. - Я вбиваю гвозди, а ты поддерживаешь сайдинг, - он разминает плечо. - Моя рука чертовски устала.

В итоге я остаюсь там до тех пор, пока через пару часов не будет поднят весь сайдинг, слушая музыку кантри и вдыхая сигаретный дым. С каждым листом, который идет вверх, я чувствую себя немного легче. Это удивительно, когда я думаю об этом. Потому что в данный момент я не корю себя и не закливаюсь на чувстве вины. Но, возможно, это потому, что я делаю что-то хорошее для того, кому это нужно. Возможно, это потому, что я восполняю то, что я натворил. Кто, черт возьми, знает? Но мне это нужно.

После того, как мы заканчиваем, ребята начинают собирать свои инструменты с довольным выражением лица, как будто они чувствуют то же самое. Уилсон объясняет мне, что трое из четырех из них тратят свое время здесь, чтобы получить помощь в постройке своих собственных домов.

- Как ты сюда добрался? Тебя подвезли? - спрашивает он, после того, как мы упаковали все инструменты и обрезки сайдинга в кузов машины одного из рабочих.

- Нет... у меня нет машины, и мой отец не смог этим утром отвезти меня, - вру насчет последнего, но только потому, что не хочу думать о небольшом утреннем споре с отцом. И я надеюсь, что, когда я вернусь в дом, он будет там, чтобы отвезти меня на терапию. - Так что я приехал на автобусе.

Он кивает на старый пикап, припаркованный чуть дальше на дороге. - Давай. Я тебя подвезу.

- Ты не обязан это делать, - говорю я ему, не желая быть обузой.

- Куинтон, прекрати пытаться быть милым и сядь в гребаный пикап, - говорит он шутливым тоном. - В любом случае, мне нечего делать.

Опять же, я хочу спросить его, есть ли у него семья, но не решаюсь. - Спасибо, - говорю я, залезая на пассажирское сиденье автомобиля и снимая

перчатки.

Он забирается на сиденье водителя и закрывает дверь, потом запускает двигатель. Машина ревет, и он смеется, поглаживая верх руля. - Старые автомобили всегда в почете. - Он включает передачу на задний ход. - Хотя я лично люблю классику.

- Какого она года? - спрашиваю я, пристегивая свой ремень безопасности.

- Шевроле 1962-го, - он говорит мне, выезжая на дорогу. - На самом деле она моего отца. - Он выравнивает пикап. - Он оставил его мне, когда умер.

- Моя девушка... моя подруга, - поправляю я себя, - обзавелась Шиви Новой, когда ее отец умер.

Ему, кажется, действительно интересно, пока мы выезжаем из пригорода.
- Какого года?

- Я думаю 1969-го, - отвечаю, расстегивая куртку. - Она полностью укомплектована.

- Держу пари, она хорошо идет, - отмечает он, выезжая на главную дорогу, где фонарные столбы украшены рождественскими огнями вместе с домами.

- Полагаю, что так.

- Ты когда-нибудь сидел за рулем?

Качаю головой, пожимая плечами. - Я никогда не просил ее.

Он смотрит на меня, как на сумасшедшего. - Почему, черт возьми, нет? Ты знаешь, насколько круты эти машины?

Я снова пожимаю плечами. - С Новой все сложно. - И это было преуменьшением года.

Он приподнимает брови, снимая шапку с головы и бросая ее на сиденье между нами. - Все сложно с машиной или имя девушки Нова?

- Да, отец назвал ее в честь машины, - объясняю я, поднося замерзшие руки к вентиляционному отверстию обогревателя, желая сменить тему.

Он, кажется, впечатлен этим. - Девушка по имени Нова, - размышляет он.
- Я бы очень хотел встретиться с ней.

- Ты не сможешь, - говорю я поспешно. - Она живет в Айдахо.

- Хорошо, тогда я навещу ее, когда она приедет сюда в следующий раз.

- Она никогда не приедет сюда, - говорю я расплывчато, потому что последнее, что я хочу сделать, это поговорить о моих проблемах с Новой. Как я отчаянно хочу увидеться с ней, но в то же время боюсь.

- Ты собираешься рассказать мне историю, почему она этого не сделает?
- спрашивает он. Он повышает передачу, и двигатель стонет в знак протеста.

- Нет тут никакой истории, - говорю ему. Во всяком случае, я не хочу

этим делиться.

Он смотрит на меня с сомнением, нажав на тормоз и останавливаясь на красный свет. - Ага, только я на это не куплюсь.

Я барабаню пальцами по колену, начиная волноваться. - Ладно, за этим стоит история, но это действительно длинная, дерьмовая история, и я не хочу об этом говорить.

- У нас около двадцати минут езды до твоего дома, - говорит он. - Ты мог бы, по крайней мере, начать объяснять, почему только упоминание о ней заставляет тебя так нервничать.

- Почему ты такой настырный? - спрашиваю его. - Ты едва знаешь меня.

- Тут ты ошибаешься, - апеллирует он, оглядываясь на дорогу, когда загорается зеленый, он снова начинает движение. - Ты винишь себя в аварии и думаешь, что самонаказание - это способ восполнить потерянные жизни. У тебя нет ни друзей, ни девушки, потому что ты думаешь, что не заслуживаешь их. Ты употреблял наркотики, потому что они помогали тебе забыть, и жить тебе было легче, когда ты под кайфом. А может, даже потому, что это был медленный способ убить себя.

- Это не единственные причины, почему я принимал наркотики. - Я чувствую в себе желание доказать, что он неправ, - доказать, что он не знает обо мне так много, как кажется. - И откуда ты все это знаешь? Грег рассказал тебе?

Он качает головой. - Грег не мог рассказать мне. Конфиденциальность между врачом и пациентом, помнишь?

Какого черта? - Тогда откуда ты это знаешь?

Он поджимает губы, наблюдая за дорогой, его челюсть напряжена, глаза с оттенком боли и раскаяния, и я клянусь, на мгновение мне кажется, что я смотрю в зеркало. - Все просто, я не описывал тебя. Я говорил о себе около семи лет назад.

- О, - не уверен, что еще сказать, и в итоге говорю первое, что приходит мне в голову, что кажется тупостью после того, как я это произношу. - Извини. - Иисус, вероятно, это было самое глупое, что я мог сказать. Я знаю, потому что ненавижу, когда люди говорят это мне. *Извини за что?* Что я сделал огромную, ужасную ошибку и теперь мне придется жить с этим вечно?

- За что?

- За срыв.

- Тебе позволено злиться. На самом деле, это даже хорошо. - Он делает паузу, что-то обдумывая, замедляясь из-за знака ограничения скорости по мере приближения к той части города, где магазины располагаются вдоль

улиц вместо домов. - Однако, ты всегда можешь рассказать мне, что случилось с этой девушкой, и это поможет компенсировать плохое отношение. - Он ухмыляется.

Я качаю головой, но внутренне успокаиваюсь. - Нова просто... - Боже, как же мне объяснить, что значит Нова в моей жизни? - Я даже не уверен, кто для меня Нова.

- Как ты с ней познакомился? - спрашивает он заинтересованно.

Я беспокойно пожимаю плечами. - Она переживала тяжелое время в своей жизни и забрела в дом, в котором я остановился... в начале мы провели много времени употребляя наркотики, но потом ей стало лучше.

- Так вот почему вы больше не видите? - спрашивает он. - Потому что ей стало лучше, а ты все еще работаешь над этим?

- Нет, это не так, - провожу рукой по волосам, пытаюсь выразить свои мысли словами. - Это связано с тем, что она спасла меня, и я... - я замолкаю, едва не начав говорить о своих чувствах к Нове, с которыми я до сих пор пытаюсь понять, как бороться сейчас, когда я трезв. - Это чертовски сложно. - И это так. Потому что я в нее влюблен, и понял это еще в Лас-Вегасе. Но я не могу признать это вслух, потому что тогда это означало бы, что я принимаю это - признаю, что мои чувства к Лекси изменились. Что я нарушил свое обещание ей. Отпустил. Променял.

Он обдумывает то, что я сказал, мигая указателем поворота, чтобы перестроиться в другой ряд. - Что ты имеешь в виду, когда говоришь, что она спасла тебя?

Мой пульс учащается, когда я вспоминаю все, что сделала Нова, чтобы снова полностью оживить меня, когда я находился на грани между жизнью и смертью. - Когда я принимал наркотики и все такое, она приехала в Вегас и попыталась меня остановить, - объясняю я ему. - Она никогда не сдавалась, и она была там, когда я решился покинуть улицы и привести себя в порядок - она никогда не бросала меня.

Он слушает меня с большим интересом. - Похоже, она хороший человек.

- Так и есть, - говорю я, согласно кивая. - Слишком хороший, наверное, по крайней мере, чтобы быть со мной.

- Ах, вот оно что, - он указывает пальцем на меня с обвинением в глазах.

- Что? - спрашиваю я недоуменно.

Он смотрит на меня, и я вижу в его глазах что-то, что мне не нравится. Понимание. - Причина, по которой она не приедет.

- Да, так. И это веская причина.

- Я полностью согласен с тобой.

Я ошеломлен его ответом и откровенностью в его тоне. - Значит, ты

думаешь, что я не должен видаться с ней?

- Нет, пока ты не будешь на сто процентов готов к этому. - Он уходит с главной дороги и едет по проселочной дороге в сторону моего района. - Отношения сложны, могут быть грязными и опасными для таких людей, как ты и я. Ты должен быть уверен, что справишься со всем, что угодно, хорошим или плохим.

Я киваю, не обязательно принимая его советы, но понимая его. - Значит, расстояние между нами – это хорошо для нас?

- Если ты так думаешь, = говорит он, снижая скорость, чтобы повернуть.

Я не уверен в своих чувствах. Часть меня хочет видеть ее все время. Быть с ней. Но часть меня в ужасе от того, что это будет значить не только для меня и для нее, но и для памяти о Лекси. Смогу ли я просто сделать это? Отпустить ее? Я не уверен, готов ли к этому, не тогда, когда я даже еще не начал наворачивать то, что натворил. Мне нужно сделать больше - извиниться перед людьми, которые потеряли близких из-за аварии, прежде чем я смогу даже позволить себе быть в отношениях. И мне нужно продолжать делать добрые дела, чтобы компенсировать все плохое, что я сделал.

- А что насчет тебя? - спрашиваю я.

Он выглядит растерянным, когда смотрит на меня. - Что насчет меня?

- Ты... ты в отношениях? - мне интересно, возможно ли это вообще?

Он качает головой. - Нет. У меня нет девушки.

- Значит ты еще не готов? - я не могу скрыть свое разочарование, потому что надеялся на положительный ответ, и что он даст мне какую-то надежду на то, что в конце концов мы с Новой могли бы быть вместе.

- Нет, я готов, - уверяет он меня. - Мне ненавистно одиночество, но я не нашел подходящего человека.

Это заставляет меня чувствовать себя немного лучше, пока мы подъезжаем к моему дому. Кажется, все мои проблемы обрушились на меня все сразу. Мой отец. Переезд. Тот факт, что я до сих пор не смог снять эскизы и фотографии Лекси, хотя все продолжают говорить мне об этом. Тот факт, что я сижу в этой машине, желая быть с Новой. *Я хочу ее. Хочу ее. Это ужасно.*

- Так что ты думаешь о сегодняшнем дне? - спрашивает Уилсон, паркуясь позади машины отца на подъездной дорожке, глядя, как рождественские украшения соседа ярко мигают. На самом деле, почти все наши соседи уже украсили свои дома, кроме нас, но мой отец никогда не любил отмечать этот праздник. Он говорит, что это напоминает ему о маме, думаю, она

любила это время года.

- Вполне хорошо, - говорю Уилсону, отстегивая ремень безопасности.

- Достаточно хорошо, чтобы его повторить?

Я задумываюсь на миг. - Да, я так думаю.

- Здорово, потому что мы начинаем новый на следующей неделе. - Он ставит машину на нейтраль, не глуша двигатель. - Позвони мне в эти выходные, и я дам больше информации.

- Спасибо, - хватаюсь за ручку, открывая дверь. - И спасибо, что подвез. - Я хочу сказать и «за разговор», но не могу заставить себя произнести слова, главным образом потому, что разговор заставил меня чувствовать себя некомфортно, но, думаю, это мне на пользу.

- В любое время, - говорит он, когда я выпрыгиваю из пикапа. - И Куинтон...

Я делаю паузу, прежде чем закрыть дверь. - Да?

- Все наладится, - уверяет он меня с обнадеживающей улыбкой. - Я обещаю.

Я хочу ему верить. Я действительно, действительно этого хочу, но не понимаю, как это возможно. Как сделать лучше. Тем не менее, когда я направляюсь в дом, я не могу не думать, что, может быть, просто может быть, он прав.

Глава 7

11 декабря, сорок третий день в реальном мире

Нова

- Боже, последние пару дней были несколько напряженными, - говорю в камеру своего телефона, покинув здание кампуса и прогуливаясь по территории двора, деревья уже без листьев, создают тень на экране, когда я шагаю под их ветви. - У меня только что закончилось занятие, последнее в этом семестре, на котором я представила проект своего фильма.

Преподаватель спросил меня, не хотела бы я стать частью команды в его проекте. Я сказала ему, что не уверена. Когда он спросил причину, мне понадобилась секунда, чтобы ответить. На самом деле я просто хотела бы сказать, - Конечно, я хочу присоединиться. Очень, очень сильно.

Пожалуйста, позвольте мне стать частью этого. - Но вместо этого говорю ему, что для меня это сложно. Это мой способ сказать, что в моей жизни

есть люди, которым я нужна, и о которых я беспокоюсь. Он дал мне время еще подумать об этом.

Я замолкаю на мгновение, когда на меня бежит парень, чтобы поймать фрисби, и мне приходится увернуться в сторону, чтобы избежать столкновения. - Но в любом случае, - продолжаю я, приглаживая растрепанные ветром волосы, - Я едва могу сосредоточиться, в каком направлении мне двигаться, потому что в моей голове так много мыслей. Самое большое место занимают мысли о Делайле. Я не могу выкинуть ее из головы. Я даже не уверена, почему, - натягиваю воротник пальто, прикрывая рот, потому что сегодня очень холодно. - Но я продолжаю думать о пожаре и выстреле и что у Дилана был пистолет. Я думаю о тех немногих разговорах, которые у нас состоялись в Вегасе. Как она была не похожа на ту девушку, которую я впервые встретила, какой стервой она была. Сломленной. И еще там был Дилан. Я невзлюбила его с первого раза, когда встретилась с ним, но мы мало общались, хотя иногда я и не скрывала свою неприязнь. Вот и все. - Я перестаю говорить, когда выхожу на оживленный тротуар, где студенты спешат на занятия. Обычно здесь многолюдно, но большинство занятий уже закончилось. - Я хотела бы с кем-нибудь поговорить об этом, но Леа была занята своими секретными делами, а Тристан и Куинтон оба чувствуют себя неловко, стоит мне заговорить об этом, поэтому я бросила эту затею, не хочу подталкивать их... но все же, было бы хорошо, если бы я могла однажды позвонить Куинтону и открыть ему свое сердце и душу. - Я вздыхаю, а затем решаю закончить запись, потому что это только выводит меня из себя.

Кладу телефон с камерой в сумку, полагая, что я подожду, пока не вернусь домой, прежде чем продолжу запись, когда кто-то подбегает ко мне. Мое тело застывает, когда я чувствую, что этот кто-то стоит за моей спиной, и его рука ложится мне на плечо, обнимая меня. Рефлекторно я собираюсь скинуть ее с плеча, но он перехватывает мою руку в воздухе.

Тристан начинает смеяться, и я качаю головой, учащенно дыша. - Святое дерьмо. Ты напугал меня до смерти, - я задыхаюсь.

- Извини, - говорит он, сжимая замерзшие губы. Они даже немного посинели. На нем шапка, низко надвинутая на глаза, и куртка, застегнутая на молнию до подбородка. - Я кричал тебя по имени, но ты видимо разговаривала сама с собой и не услышала меня.

- Я не разговаривала сама с собой, - засовываю руки в карманы, стараясь не замечать, что он все еще обнимает меня. - Я записывала.

- Тебе действительно это интересно? - он дует на свободную руку, пытаясь согреть ее.

- Да, - поворачиваю за угол, а потом схожу с тротуара, чтобы перейти улицу.

- Так о чем была запись? - спрашивает он, оглядываясь через плечо, когда кто-то кричит. - Эй, Тристан!

- Я... - останавливаюсь посреди дороги и оборачиваюсь с ним, потому что он не отпускает меня и смотрит на долговязого парня с каштановыми волосами, одетого в ярко-желтую куртку. Парень идет к нам и у него такое выражение лица, что я не могу описать. Словно у него какие-то неприятности, и он этому рад.

- Привет, чувак, - говорит он Тристану, кивая. - Ты так быстро слинял после занятий, что у меня не было возможности обсудить то, о чем мы говорили.

Я чувствую, что Тристан напрягся рядом со мной и его рука внезапно опускается, добавляя немного пространства между нами. - Да, я опаздываю к врачу, так что должен спешить.

- Правда? - спрашиваю его с облегчением, радуясь, что он наконец-то пойдет проверится. Его кашель прошел, но он выглядит очень уставшим в последнее время, и меня это беспокоит.

Тристан кивает, косясь на меня и потом снова на парня. - Словимся тогда позже, чувак? - спрашивает он с нетерпением.

- Конечно, но у нас все еще в силе, верно? - уточняет парень, незаметно поглядывая на меня, а затем впиваясь взглядом на Тристана.

- Да, конечно, конечно, - отвечает Тристан небрежно.

Парень снова смотрит на меня с настороженным выражением на лице, и мне кажется, как будто он пытается прочесть мои мысли. - Ты не против? - спрашивает он меня.

Я знаю, что он имеет в виду не против ли я употребления наркотиков, из-за чего у меня возникает желание отпихнуть Тристана и ударить его пару раз по голове.

- Эй, давай поговорим позже, ладно? - говорит Тристан сквозь стиснутые зубы.

Парень кивает, возвращаясь обратно на тротуар, его глаза устремлены на меня, когда он оборачивается возле деревьев на территории кампуса. Тристан спешит и хватается за рукав, чтобы оттащить меня с проезжей части, когда машина поворачивает за угол слишком быстро.

После того, как мы благополучно перебираемся на пешеходную часть дороги, направляясь к дому, я спрашиваю, - Кто это был?

Он пожимает плечами, засунув руки в карманы куртки. - Его зовут Джаз. Он в моем классе по философии.

- Джаз? Какое необычное имя.

- Такое же необычное, как и Нова, - он игриво подталкивает меня локтем.

Лед хрустит под моими ботинками, когда я тихо иду с опущенной головой, размышляя, хочу ли я задать ему вопрос, рискнуть, ведь я могу и ошибаться, и разозлить его. Но мне нужно знать, так что...

- Что он имел в виду, спрашивая не против ли я? - говорю, хотя знаю ответ. Но надеюсь, что я ошибаюсь.

Тристан отвечает не сразу. - Ничего такого. Джаз просто странный.

Только я в это не верю. - Тристан, ты не... - я выдыхаю, а затем поднимаю подбородок, чтобы встретиться с ним взглядом. - Ты же не собираешься употреблять наркотики, правда? - Я ищу в его глазах признак того, что он, возможно, уже принимает их, но они выглядят чистыми, без помутнения, хотя и немного раздраженные.

- Вау, я рад, что у тебя столько веры в меня, - говорит он, его тон такой холодный, как сосульки, свисающие с водостоков на домах вокруг нас.

- Я верю в тебя, - пытаюсь убедить его. - Просто этот парень, Джаз, и ты, мне показалось... я не знаю... словно вы разговариваете шифровкой.

- Я не при чем, - Тристан делает шаг в сторону, отдаляясь от меня. - Господи, Нова, я не могу поверить, что ты обвиняешь меня во всем. Я был хорошим, сама знаешь, несмотря на то, как мне наскучило все это дерьмо, называемое нормальной жизнью.

Именно это и заставляет меня нервничать. Тот факт, что он думает, что нормальная жизнь скучна, что ему скучно.

- Прости, - говорю я, чувствуя себя виноватой, но очень взволнованной. - Я просто беспокоюсь о тебе, обо всех, правда. И я очень переживаю из-за этой ситуации с Делайлой.

Он смотрит на меня краем глаза. - Почему ты беспокоишься о Делайле?

- Я уже говорила тебе, что она пропала, - отвечаю я, перепрыгивая через сугроб снега, перекрывающий вход в жилой комплекс. - И из-за того, что произошло в последний раз, когда я ее видела.

- Но вы же с ней больше не дружите. Я имею в виду, с тех пор, как она переехала в Вегас, ты едва разговаривала с ней.

- Мы были когда-то близки, и я все еще забочусь о ней, - пытаюсь

объяснить, что я чувствую, но вижу, что он не понимает.

- Я уверен, что с ней все будет хорошо, - говорит он неубедительно. - Исчезновение - это всего лишь часть жизни торчка, в основном потому что мы сделаем всё, что угодно и пойдем куда угодно, лишь бы получить дозу. - Он смотрит куда-то вдаль, как будто вспоминает время, проведенное в этом мире. - Это все, что важно для нас.

- Не говори так, - беру его за руку, чтобы вернуть его внимание обратно к реальности. - Ты больше к ним не принадлежишь.

Он кивает, но что-то в его глазах мне не нравится. - Да, я знаю.

- И ты будешь держаться подальше от таких людей, да? - спрашиваю, когда мы идем через парковку.

- Конечно, мамочка, - он подмигивает мне, улыбаясь, разрушая напряженность между нами. - Итак, Мама, может ты подбросишь меня до доктора сегодня?

- Почему бы и нет, сынок, - шучу я в ответ, показав ему язык. - Знаешь, мне стоит воспринимать это как оскорбление, с учетом того, что тебе не очень нравится твоя настоящая мать.

- Дело не в том, что я ее не люблю, - говорит он, останавливаясь у входной двери на лестнице. - Просто я не нравлюсь своим родителям.

- Почему ты так думаешь? - спрашиваю, пока он открывает дверь, и я захожу внутрь, отпуская его руку.

Он пожимает плечами, дверь за нами закрывается. - Обычное наблюдение. - Мы начинаем подниматься по лестнице рядом. - Например, как они целиком и полностью игнорировали меня после смерти Райдер.

- Уверена, что они не игнорировали тебя, - говорю я ему. - Они, вероятно, были просто поглощены своей собственной болью, как и моя мама сразу после смерти отца.

- Ну не суть важно, все равно мне было трудно. Я как будто был призраком, и поверь мне, я пытался сделать все, чтобы привлечь их внимание. Бунтовал. Получал плохие отметки. - Он останавливается, когда мы подходим ко второму этажу. - Употреблял наркотики.

- Так вот почему ты начал? - открываю дверь и захожу в коридор с пронумерованными дверями.

Он качает головой, следуя за мной по коридору. - Неее. Я начал употреблять, когда мне было четырнадцать. Я просто стал принимать их больше после того, как Райдер умерла, и это было более заметным. - Он неловко ерзает, засовывая руки в рукава. - Полагаю, можно сказать, что я

просто перестал заботиться о чем-либо, так же, как и они.

- Тристан, это так грустно, но я понимаю тебя, к этому легко прийти.

- Да, это действительно так.

Мы останавливаемся в коридоре. Я не могу знать его истинных чувств тогда, но мои мысли уносятся прочь в мое прошлое и как мне стало на все наплевать в один момент. Наконец, после того, как мы простояли там достаточно долго, что это начинает казаться странным, я моргаю, сбрасывая оцепенение.

- Ладно, просто не возвращайся к этому состоянию снова, - говорю я, сурово грозя ему пальцем. - Иначе ты будешь наказан.

- Понял, - говорит он с улыбкой, а затем шокирует меня до чертиков, когда наклоняется и целует в лоб. - Я не знаю, что бы я без тебя делал, - говорит он, направляясь к двери в нашу квартиру, оставив меня стоять там с отвисшей челюстью. - Ты всегда можешь заставить меня улыбаться, когда я чувствую себя хреново.

У меня начинается нервный смех, когда он открывает дверь и толкает ее, отступив в сторону, чтобы позволить мне войти первой. Я не очень много говорю с ним после этого, сказав, что собираюсь позвонить маме, прежде чем отвезти его к врачу. Он легко меня отпускает, садясь на диван, чтобы посмотреть телевизор.

Войдя в свою комнату и закрыв за собой дверь, я вдыхаю с облегчением. - Я схожу с ума, - бормочу себе, прижимая руку ко лбу. - Это действительно так и я понятия не имею, как это исправить.

Сползаю на пол, уставившись на стену, желая, чтобы я могла просто выйти и сказать Тристану, что мы должны остаться друзьями и прекратить флирт. И чтобы он это понял. И чтобы мне позвонила мама Делайлы и сказала, что нашла ее, и с Делайлой все в порядке.

- Я просто хочу, чтобы все было хорошо, - шепчу я, сделав глубокий вдох, снова сожалея, что мне не с кем поговорить о своих проблемах. Я бы могла позвонить Куинтону и просто рассказать обо всем, но я знаю, что не могу так на него все вываливать, поэтому все, что я могу сделать, - это сказать себе, что все будет хорошо.

Должно быть.

Глава 8

22 декабря, пятьдесят четвертый день в реальном мире

Нова

В моей жизни все стало действительно нестабильно. Мама сообщила мне, что матери Делайлы нужна помощь в поисках дочери, и что она собирается ей содействовать. Не знаю, почему она это делает, она говорит, что та попросила ее об этом, когда они столкнулись друг с другом в магазине. Они не подруги и почти незнакомы, но я полагаю, что мисс Пирс в последнее время не очень хорошо себя чувствует и расстроилась из-за Делайлы, и еще она сообщила, что у нее проблемы со здоровьем. Может быть, поэтому она вдруг решила начать искать свою дочь спустя столько времени.

Я рассказала маме, что услышала от Куинтона о пожаре, пистолете и выстреле. Она сказала, чтобы я не волновалась об этом. Что у нее есть чувство, что все будет хорошо, но она всегда так говорит, в основном из-за того, что беспокоится, будто я разорвусь на части, если жизнь станет совсем трудной. Но я никогда не давала ей повод думать иначе.

И еще есть Тристан. *Тяжелый вздох.* Тристан - это огромная проблема на данный момент. Он ведет себя очень странно, хотя его здоровье улучшилось. У него действительно была какая-то инфекция, и ему выписали антибиотики. Врач сказал, что у него очень слабая иммунная система, и у меня сложилось впечатление, что он подозревал что-то более серьезное, но я не уверена, что именно. У меня есть некоторые подозрения, что он снова употребляет наркотики, но он не проявляет признаков этого, по крайней мере, когда дело доходит до следов и покраснения вокруг ноздрей. В последнее время он также очень мил, и если я что-то и знаю о нем, так это то, что Тристан ведет себя как самая настоящая задница, когда он под кайфом.

Тем не менее, излишне милый Тристан намного усложняет ситуацию. Я на самом деле начинаю ненавидеть пребывание в своей квартире, боясь, что он, наконец, попытается поцеловать меня, и я понятия не имею, какого черта мне тогда делать. Из-за этого я беру сверхурочные часы на работе и на горячей линии, но я не могу вечно оставаться в стороне от дома.

Уже поздно, когда я возвращаюсь домой и, поднимаясь по лестнице в квартиру, понимаю, что боюсь в нее заходить. У меня в руках несколько пакетов с рождественскими подарками. Я из тех покупателей, кто выбирает подарки в последнюю минуту, что, вероятно, кому-то покажется странным, учитывая, что у меня ОКР, и я люблю порядок во всем. Это в основном

потому, что я ненавижу суету в магазинах. Я заказала большинство подарков в интернете, но Леа намекнула на днях, что она хотела бы винтажную пластинку Pink Floyd, поэтому пришлось бежать в музыкальный магазин в центре города и попытаться найти ее. К счастью, один из членов моей группы работает там, и он смог ее отыскать.

Когда я добираюсь до своей квартиры, то сначала просовываю голову в дверь, мгновенно улавливая запах сигарет. - Леа? - кричу я. - Тристан?

- Леа здесь нет, - отвечает Тристан, и я слышу, как что-то грохочет.

Я открываю дверь и захожу, снимая пальто и проходя в гостиную. Тут я останавливаюсь, как вкопанная при виде Тристана, спешащего включить телевизор в то время, как Джаз быстро сует что-то карман своей желтой куртки, слабый след дыма витает в воздухе. Я знаю, как пахнет травка, и это точно не этот запах. Тем не менее, ситуация кажется мне немного подозрительной из-за того, как они нервничают.

- Привет, Нова, - небрежно говорит Тристан, садясь на диван и поднимая ноги на журнальный столик с пультом в руке.

- Привет, - отвечаю я, переводя взгляд с одного на другого и обратно. - Что происходит?

Тристан пожимает плечами, направляя пульт на телевизор. - Ничего особенного. Джаз и я просто тусовались. Все довольно скудно.

Джаз смотрит на Тристана, а затем улыбается мне, надевая шапку. - Да, просто боролись со скукой, - он встает на ноги, проводя руками по куртке, разглаживая складки. - Я позвоню тебе позже, чувак, - говорит он Тристану и проскальзывает мимо меня к выходу.

Как только дверь закрывается, я переключаю все свое внимание на Тристана. - Так что это было?

Он пожимает плечами, делая вид, что интересуется новостями по телевизору. - Ничего особенного. Мы просто болтали.

Я ему не верю. - Вы, ребята, вели себя немного странно, - отмечаю я, складывая пакеты на журнальный столик.

- Почему странно?

Я пожимаю плечами, кладу пальто на столик, смотря на его руки, чтобы увидеть признаки того, что он колется, но они выглядят чистым, и, честно говоря, я не думаю, что это происходило бы здесь. Тем не менее, что-то не так. Я чувствую это в воздухе.

- Тристан, ты не... ты же не... - чешу свою татуировку, присаживаясь рядом с ним, гадая, правильно ли обвинять его. Я знаю, что, если бы моя

мама обвинила меня, когда я принимала, я бы соврала или разозлилась. Но я также чувствую, что, если просто отпущу ситуацию, это будет означать, что мне наплевать. - Ты не начал употреблять наркотики?

Выражение его лица застывает, когда он смотрит на меня. - Это то, что ты думаешь? Что я сижу здесь под кайфом? - он разводит руками в стороны, оглядывая чистую гостиную. - Разве похоже, что я это делаю?

Я качаю головой, но что-то не так. - Нет, но я видела, как этот парень, Джаз, что-то спрятал себе в карман.

Тристан выглядит озадаченно, словно не понимает, о чем я говорю, но осознание приходит ему в голову. - А, дак это была его зажигалка. Он собирался закурить, но я послал его, - объясняет он.

Я машу рукой перед лицом. - Пахнет, как будто он это сделал.

Он поджигает губы, убирая волосы с глаз. - Хорошо. Если ты действительно хочешь знать, что случилось, то да, он курил здесь. Извини, что нарушили правила, - он злится на меня, и я открываю рот, чтобы сказать все, что о нем думаю... но он тянется вперед и протягивает один из пальцев через петлю для ремня моих джинсов, притягивая меня к себе. Его злость превращается в мертвую серьезность, и он смотрит мне прямо в глаза. - Нова, я клянусь тебе, что не употребляю наркотики.

Изучаю его, понимая, что он не договаривает, но в конечном итоге киваю. - Ладно, извини за обвинение.

- Я прошу тебя, но только если ты посмотришь со мной фильм, - он дергает за петлю для ремня и опять тянет меня к себе, пока я не оказываюсь на диване рядом с ним, почти приземляясь ему на колени.

Пытаюсь отодвинуться, но он дергает меня обратно, так что в итоге я сижу у него на коленях. Мои губы удивленно приоткрываются, когда он обнимает меня, окружая запахом сигарет и одеколona. - Тристан, я...

Именно в данный момент Леа возвращается домой. Когда она закрывает за собой дверь и поворачивается к нам лицом, выражение ее лица успевает смениться от восторга до шока.

- Святой ад, - она видит нас и ее челюсть почти падает до пола.

Смотрю на нее, взглядом умоляя ничего не говорить, чтобы не ухудшить ситуацию. *Помоги мне* говорю одними губами.

Она понимает намек, и, будучи замечательной подругой, произносит - Нова, могу я поговорить с тобой в своей комнате?

Я с благодарностью киваю, а затем вскакиваю с колен Тристана, словно ошпаренная. Затем Леа и я покидаем гостиную, а Тристан странно смотрит

нам вслед, пока мы идем по коридору. Как только мы оказываемся в комнате Леа и дверь закрыта, она поворачивается ко мне, уперев руки в бока. - Святое дерьмо.

- Ты права, - говорю я, качая головой в недоумении, шагая по ее комнате.

- Что, черт возьми, это было? - спрашивает она, расстегивая черное пальто в клетку.

Пожимаю плечами, считая количество лаков для ногтей на ее комод, не особо заботясь о том, что неумолимо возвращаюсь к своим вредным привычкам. У меня стресс, и мне нужно успокоение. Всего минуту или две и тогда я остановлюсь. - Я понятия не имею, что произошло. В одну минуту я удостоверилась, что с ним все в порядке, а в следующую минуту он тянет меня к себе на колени.

Она бросает свое пальто на кровать, хмурясь. - Я знала, что это произойдет.

Перестаю ходить и смотрю на нее. - Почему?

- Потому что вижу это в его глазах каждый раз, когда он смотрит на тебя, - говорит она, расшнуровывая ботинки, когда садится на кровать. - Ты ему нравишься. И совсем не как друг.

Я хочу с ней поспорить, но только потому, что отказываюсь принять правду. - Я знаю... у него были чувства ко мне примерно год тому назад.

- Думаю, они никуда не делись, - говорит она, снимая ботинок. - Но вопрос в том, разделяешь ли ты его чувства?

Я сразу мотаю головой. - Нет, Тристан просто друг.

- Ты уверена? - в ее голосе звучит обвинение. - Потому что ты ни с кем не встречаешься, и я начинаю задумываться, а может, ты просто не понимаешь, когда у тебя появляются чувства к кому-то.

- Я знаю, когда у меня есть чувства, - вздыхаю и сажусь на кровать рядом с ней. - Я испытывала их раньше... дважды.

Она вытаскивает ногу из другого ботинка. - К Лэндону. И....? - она ждет, пока я это скажу, хотя и так знает.

- Ты знаешь, что к Куинтону, - говорю я, стягивая резинку с волос и расчесывая их пальцами.

- Откуда, если ты никогда об этом не говорила?

Она права. Очень даже. Я многое не говорю вслух, если это не записывается на мою камеру.

- Иногда это трудно сказать, - объясняю ей, заплетая волосы в косу и закрепив их резинкой. - Когда я не знаю, что он чувствует, и увижу ли я его

снова.

Она снимает с вешалки блестящее черное платье до колен. - Я уверена, что увидишь.

Качаю головой, когда она углубляется в шкаф, чтобы переодеться. - Я не так уверена. Каждый раз, когда я разговариваю с ним... кажется, он думает, что ему будет слишком тяжело снова увидеть со мной... он твердит, что в один прекрасный день это случится, но я не знаю... - откидываюсь назад на локти и вздыхаю.

Она выходит из шкафа, надев на себя элегантное черное платье с туфлями на каблуках. - Ты всегда можешь просто спросить его, - она тянется к серебряной шкатулке на комод.

- Не хочу давить на него, - говорю я, садясь. - Ему всегда становится неловко, когда я что-то говорю о нашей встрече.

- Тебе нужно быть настойчивой, когда ты спрашиваешь, - она берет серьгу с черными камнями и цепляет к уху. - Просто задай вопрос и будь готова к любому ответу. - Она вставляет вторую сережку, а затем слегка поворачивается, раскинув руки в стороны. - Как я выгляжу?

- Просто потрясно, - я встаю. - Куда ты идешь?

- На встречу, - она подмигивает мне, собирая сумочку.

Я тороплюсь и отрезаю ей путь, когда она идет к двери. - Подожди-ка, - расставляю руки, пытаюсь заблокировать выход. - Хватит секретов. Признавайся.

Она закатывает глаза и тянется к пальто на спинке кровати. - Я просто встречаюсь с друзьями. - Она перекидывает пальто через руку. - Иисус, Нова. Тебе нужно расслабиться. - Она проходит мимо меня, но останавливается перед дверью. - Послушай, я твоя лучшая подруга и я могу сказать это. Сделай себе одолжение и дай Тристану знать, что ты чувствуешь, - она хватается за ручку и открывает дверь. - И скажи все Куинтону. Так будет лучше для вас.

Мне хочется рассердиться на нее за то, что она сказала мне делать то, чего я не хочу, но я не могу. - Спасибо, Леа, - говорю я, следуя за ней к двери. - Но я все еще думаю, что ты лжешь мне о том, куда ты идешь сегодня вечером.

- Думай, что хочешь, - она усмехается в ответ. - Совершенно не по теме, но могу ли я одолжить твою машину на пару часов?

Я думаю сказать ей «нет», если она не признается, куда она действительно идет, но я не такая уж и сука. - Конечно, но тебе придется

подбросить меня на репетицию, а затем забрать позже.

Она хмурится, потому что ненавидит мои репетиции. На самом деле, наверное, она была бы в нашей группе, если бы не разбила сердце Джексона, нашего солиста. - Хорошо, но я останусь в машине.

- Договорились, - говорю я ей. - Но опять же, это совершенно нормально, если ты зайдешь и поздороваешься. На самом деле, я знаю, что Джексону это бы понравилось.

- Нова, я люблю тебя до смерти, но тебе нужно отказаться от идеи, что Джексон и я когда-нибудь снова будем вместе.

- Я на этом не настаиваю, но в то же время, если вы, ребята, будете вместе, я бы не возражала.

- Мы не сойдемся. Никогда, - говорит она разочарованно. - Серьезно, Нова. Тебе нужно отпустить прошлое... вот почему я ничего тебе не рассказываю. - Затем она поспешно идет по коридору и оставляет меня стоять там, ее слова прокручиваются в моей голове.

Застрять в прошлом - это проблема, с которой я долго боролась. Мне трудно отпустить. Я думала, что продвинулась в этом вопросе, но она просто бросила мне в лицо, что нет.

Я пытаюсь решить, должна ли я выйти и сказать Тристану, что больше не будет поцелуев в лоб и сидения на коленях. Но, постояв в коридоре пару минут, решаю вернуться в свою комнату и подготовиться к репетиции, хотя до нее еще несколько часов, потому что я большой цыпленок, который в данный момент не готов к конфронтации.

* * *

К счастью, репетиция с группой позволяет мне на время отвлечься от мыслей. После часа игры я чувствую себя хорошо. И удивительное чувство только усиливается после того, как мы заканчиваем играть. Я подпрыгиваю на месте, как маленький ребенок, получивший конфеты, когда мне сообщают, что у нашей группы будет концерт. И не просто концерт, а концерт, на котором мы будем на разогреве у Peaceful Injustice, одной из моих любимых инди-рок-групп всех времен, на следующих выходных в канун Нового года. Джексон объявляет об этом нам в гараже своего дома, где мы репетируем, потому что мы все студенты и не можем позволить себе арендовать студию.

Джексон довольно симпатичный парень, если вам нравится весь этот таинственный взгляд рок-звезды. Он высокий и худой, с темно-каштановыми волосами, которые свисают на его глаза, но это намеренно.

Сегодня он с ног до головы одет в черное, с шипованным поясом, сапогами и кожаными ремешками на руках.

- Ну что ты думаешь? - спрашивает меня Джексон после того, как делает эпическое объявление.

Убираю барабанные палочки в задний карман джинсов, оглядывая гараж в поисках своей куртки. - Я думаю, что это круто. Но мне интересно, как это, черт возьми, вам удалось заставить их на это пойти.

- У него есть связи, - кричит Спалдинг, отсоединяя гитару от усилителя. У него тоже длинные волосы, как у Джексона, только темно-черного цвета. У него проколота бровь, на руках нанесены разноцветные татуировки, создающие полный рукав. В ушах тоннели, и он тоже носит все черное, но для него это нормально.

Никко фыркает от смеха, убирая гитару. У него короткие волосы, поставленные на гель вверх, а его глаза удивительные, потому что, если вы смотрите на них достаточно долго, они кажутся золотистыми. Его вкус в одежде немного более эксцентричен. Прямо сейчас он одет в ярко-красную облегающую рубашку и мешковатые черные брюки с застёжками-молниями и пряжками спереди. На его черных ботинках серые скелеты, а ногти покрашены в черный. Он ребенок в нашей группе, ему всего восемнадцать; и еще он кузен Джексона.

- Единственная причина, по которой мы заполучили концерт, в том, что Джексон тусуется со Стеллой, - Никко смеется себе под нос, затем высовывает язык, делая непристойные жесты пальцами, и Спалдинг закатывает глаза.

- Ребенок, - Спалдинг качает головой, и я смеюсь. Спалдингу двадцать два года, но он ведет себя так, словно ему тридцать, что из обрывков информации, которую я узнала от Джексона, связано с тем, что он стал законным опекуном своей сестры, когда ему было восемнадцать. Хотя я не уверена, почему, и у меня нет решимости, чтобы спросить, потому что, скорее всего, за этим стоит трагическая история.

- Заткнись, - горячо говорит Никко, поднимая бутылку воды с верха одного из динамиков. - Ты всего на четыре года старше меня, придурок. - Он делает глоток воды, а затем опускает ее обратно.

Они начинают спорить, и я поворачиваюсь к Джексону, когда поднимаю свою куртку с пола в углу гаража. - Так ты пробил нам концерт благодаря Стелле? - осмеливаюсь я спросить. Стелла является владельцем Black&Red Ink, места, где мы будем играть, и очень популярного клуба в картофельном

штате [9].

Он качает головой, ему становится немного неловко, и он притворяется, что ищет что-то за морозильной камерой. - Нет... ладно, да, она помогла мне, но мне не пришлось спать с ней или что-то в этом роде. - Он поворачивается, оглядывая пол. - Ты видела мой мобильный телефон?

- Да ... он в твоей руке, - терпеть не могу неловкость между нами, но пока Леа и он не смогут смириться с их расставанием, я думаю так будет всегда, особенно, потому что у меня есть предчувствие, что она пошла на свидание сегодня.

Он смотрит на телефон в руке, а затем качает головой. - Извини, наверное, я просто устал.

Улыбаюсь ему. - Да, такое иногда случается, - продеваю руки через рукава куртки, а затем достаю барабанные палочки из кармана. - Так во сколько мы репетируем завтра?

- В шесть, - говорит он, проверяя экран своего мобильного телефона. - Знаю, что мы обычно собираемся раньше, но я должен пойти с семьей на рождественский ужин.

- Ранний рождественский ужин? - спрашиваю я, застегивая куртку. - Но Рождество через три дня, так почему бы им не подождать еще два дня?

- Да уж. Я собираюсь уехать на Рождество, и мои родители думают, что им нужно обязательно отпраздновать со мной, - говорит он. - Я лечу в Нью-Йорк со Спалдингом, чтобы повеселиться с его семьей на праздники.

- Ох. Что ж, я рада, что моя мама не стала устраивать такой ужин, - говорю я, игнорируя резкий звук, когда Никко врезается в одну из тарелок. - Я люблю приезжать домой и все такое, но сейчас я никуда не смогу уехать. Не тогда, когда я взяла несколько дополнительных часов на работе. Плюс группа и наш потрясающий концерт, который у нас состоится в канун Нового года. - И тот факт, что Тристан не поедет домой, и я не хочу оставлять его здесь одного почти на месяц. Моя мама планирует уехать после Нового года, так что все должно получиться.

Уголки его губ изгибаются. - Я рад видеть, что мы находимся в твоём списке важных дел.

- Эй, ребята, вы очень важны, - говорю я, направляясь к двери. - Однако моя работа оплачивает счета, и, надеюсь, мое образование сможет оплачивать счета в будущем.

- Как? Ты не планируешь стать рок-звездой? - шутит он, следуя за мной, обходя вокруг розовой барабанной установки, которую Лэндон подарил

мне в день моего рождения много лет назад. Грустно, что он никогда не видел, как я выступаю, только репетирую. Он не видел многого, что делает меня еще более грустной. Но это препятствие, которое я уже преодолела, и теперь я нахожу утешение в игре.

Делаю паузу, обдумывая, что он сказал. - Я, честно говоря, не уверена, чем буду заниматься ... а ты?

- Я тоже не уверен, - говорит он. - Я еще пока учусь, поэтому понятия не имею, что, черт возьми, я собираюсь делать с этим или вообще хочу ли что-то с этим делать. - Он спешит в мою сторону и открывает передо мной дверь из гаража. - Честно говоря, если бы я мог зарабатывать на жизнь пеннием, я бы это делал, но есть лишь мизерный шанс, что это когда-нибудь случится.

- Может быть, ты станешь одним из счастливчиков, - выхожу из комнаты и вдыхаю тёплый воздух и слабый запах печенья, вытекающий из кухни.

- Возможно, - говорит он, но не слишком оптимистично. И я не виню его. Существует очень мало шансов, что он сможет стать знаменитым. Жизнь не работает таким образом. Вы можете пробовать и пробовать, но это не значит, что вы получите то, что хотите. Вы просто должны делать то, что можете.

Он провожает меня до входной двери, и я надеюсь, что он попрощается со мной там, так как Леа ждет меня снаружи. Но он этого не делает и в конечном итоге выходит со мной на дорогу, где Леа ждет в машине.

Она выходит, чтобы пустить меня на водительское место и напрягается, когда ее глаза встречаются с Джексоном, и Джексон застывает посреди замерзшей лужайки. Никто не говорит, и я слышу, как рождественские колядки на улице поют очень веселую «Joy to the World».

- Привет, - наконец говорит она, снимая всеобщее напряжение. Она смотрит на двор, входную дверь, гараж, куда угодно, только не на него.

- Ты подстригла волосы, - говорит он, скидывая брови, когда видит, как она подходит к передней части машины. - Тебе идет.

Леа касается волос, наконец-то посмотрев на него. Я помню, что, когда впервые встретила их, более года назад, в ее глазах каждый раз, когда она смотрела на него, загоралась искорка, но ее больше нет, и это меня огорчает. Что делает меня еще более грустной, так это то, что мне интересно, если бы мы с Лэндоном так поступили, если бы он был еще жив. Дошли бы мы до этого? В то время я верила, что мы всегда будем вместе, но сейчас трудно сказать, особенно когда мои чувства к Куинтону

такие сильные.

- Спасибо, - формально говорит она, откидываясь назад к капоту автомобиля, и скрещивает руки. - Я подумала, что пришло время для перемен.

Этот комментарий огорчает Джексона. Я вижу это по его изменившемуся выражению лица и по тому, как его плечи опускаются. - Да, я думаю, перемены - это хорошо, - бормочет он.

Бедный парень. Мне так жаль его. В последнее время он пишет действительно депрессивные песни, и мне иногда кажется, что они все о Леа.

- Итак, нам пора, - говорю я, пытаюсь снять неловкое напряжение, когда направляюсь к двери водителя. - Нам нужно за покупками к рождественскому ужину.

- Ты не поедешь домой? - спрашивает Джексон Леа, направляющуюся к пассажирской стороне машины.

Она качает головой, открывая дверь. - Нет, я останусь здесь и займусь учебой. Я немного отстала за последние несколько недель.

Возможно, потому что она проводила много времени на футболе и в ресторанах, плавала или что бы она там ни делала в тот день.

- А ты едешь домой? - спрашивает она Джексона, держа дверь открытой и глядя на него.

Он качает головой, теребя кожаный ремешок на запястье, мерцающие огни на заднем плане подчеркивают печаль в его глазах.

- Нет, я еду в Нью-Йорк, чтобы провести время со Спалдингом и его семьей.

- Нью-Йорк. Вот это да. Круто. - Она придерживает дверцу машины, пока я гадаю, стоит ли мне просто залезть в машину и позволить им поболтать или вмешаться, чтобы Джексон совсем не раскис.

- Я всегда хотела там побывать.

- Я помню, - он подходит к ней с таким выражением в глазах, словно собирается спросить ее о чем-то действительно важном.

Это сигнал прекратить разговор.

- Эй, Леа, нам пора, иначе Тристан сам отправится за покупками, и, ну, я могу только представить, что он купит нам на рождественский ужин.

- Вероятно, то, что рекламируют по телевизору, - Леа усмехается себе под нос.

- Да, нам пора. - Она машет Джексону, который выглядит подавленным.

- Было приятно встретиться с тобой. Надеюсь, вы оторветесь в Нью-Йорке. - Она забирается внутрь машины.

Я машу Джексону, и он смотрит на меня таким взглядом, как будто я только что ударила его по лицу. Думаю, это из-за того, что я прервала их разговор, но это для его же блага. Я точно знаю, что сейчас Леа не собирается снова с ним встречаться. Может быть, в будущем, но никто не знает наверняка, потому что будущее слишком изменчиво.

После того, как мы садимся в машину, я пристегиваю ремень безопасности и выезжаю на дорогу, Леа поворачивается ко мне с волнением в глазах.

- У меня огромная просьба к тебе.

- Это случайно не поможет вам сойтись с Джексонном? - спрашиваю я с ложной надеждой.

- Нет, - она хмурится.

- Нова, я уже говорила тебе, что этого не будет.

- Я знаю, что ты так сказала, но не перестаю надеяться, что ты передумаешь, - говорю я. Пока она продолжает хмуриться, я решаю сменить тему:

- Хорошо, говори, что ты хочешь.

Она немного приободряется.

- Мне нужно, чтобы ты завтра сыграла с моей группой в Red&Black Ink

Я смотрю на нее, притормаживая у знака остановки. Уже довольно поздно, солнце садится за холмы, но света все еще достаточно, чтобы я могла ясно видеть лицо Леа.

- Группой? С каких это пор ты в группе?

Она делает виноватое лицо:

- О да. Я, наверное, должна кое-что объяснить, да?

Киваю, нажимая на газ:

- Да, было бы здорово, так как я понятия не имею, о чем ты, черт возьми, говоришь

- Эй, нет нужды нервничать, - говорит она. - Я держала это в секрете по уважительной причине

- И какой же?

Она кусает ногти, глядя в окно на полоску солнечного света, оставляющую небо ярко-оранжевым и розовым.

- Потому что... - она вздыхает, опуская руку на колени. - Слушай, я понимаю, что тебе нравится Джексон, но он просто не был подходящим

парнем для меня, поэтому мне нужно, чтобы ты помнила об этом, когда я скажу тебе то, что собираюсь сказать

- Можешь ничего не объяснять, - говорю я ей. - Ты встречаешься с одним из участников вашей группы, не так ли? И именно поэтому ты так странно себя вела последние пару месяцев?

Она колеблется, а затем кивает:

- Да, я ходила на репетиции группы

- Но что насчет футбольного матча? И аквагрима?

- О, Броуди еще играет в футбол

- Броуди, парень, с которым ты встречаешься, я полагаю, - говорю я, не в силах скрыть презрение в моем голосе. Броуди? Что это за имя вообще? Звучит как имя какого-то качка. *Господи, что, черт возьми, со мной не так?*

Она заправляет упавшую прядь волос за ухо, отклонившись на сиденье, чтобы можно было поднять ноги на приборную панель.

- Да, он гитарист в Moon Glory

- Moon Glory?

- Да, это название нашей группы, - весело говорит она. - Группы, отчаянно нуждающейся в барабанщике, поскольку наш бросил нас на прошлой неделе. Просто встал и ушел. - Она раздраженно вскидывает руки. - Ты можешь в это поверить?

- Вполне, - поворачиваю машину на главную дорогу в городе. - Многие группы распадаются

- Да, ты права, - она вздыхает, а затем смотрит на меня с молчаливой просьбой в глазах. - Так что ты думаешь? Ты можешь стать нашим барабанщиком?

- Я уже в группе, - напоминаю я ей. - И она мне нравится

- Да, но я твой лучший друг, - говорит она, опуская ноги на пол и садясь в кресле. - И была рядом в последние несколько месяцев

- Я знаю, - отвечаю с горячностью. - Но я не могу просто встать и уйти, когда дела идут так хорошо прямо сейчас... я не поступлю так.

- Но это наш первый концерт, и если мы откажемся от него, Стелла, возможно, не даст нам другого шанса. - Она надувается, показывая мне свое самое грустное лицо щенка, пытаюсь меня переубедить.

- Знаешь, что я тебе скажу, - говорю я, поворачивая на дорогу, ведущую к нашему жилкому комплексу. - Я помогу вам, пока вы не найдете своего собственного барабанщика, но я не покину свою группу.

Она хлопает в ладоши и подпрыгивает взволнованно:

- Спасибо. Спасибо. Спасибо.

Натянута улыбаюсь, надеюсь, что это не вернется мне пинком под задницу. Во-первых, я представляю, как Спалдинг разозлится, потому что решит, что я изменяю группе. И Джексон ... только Бог знает, как это закончится, если он узнает, что я в группе с Леа и ее новым парнем.

* * *

- Так что, черт возьми, тебя беспокоит? - спрашивает меня Тристан позже этим же вечером, когда Леа, он и я бродим по продуктовому магазину, пытаюсь спланировать меню в канун Рождества для нас троих всего за пару дней. Я до сих пор чувствую неловкость от произошедшего, и она еще больше накапливается каждый раз, когда он смотрит на меня более чем дружелюбно, что уже случилось четыре раза.

- О чем ты? - спрашиваю я, останавливаясь у замороженных овощей и постукивая пальцем по губам, решая, какие из них взять.

- Ты постоянно хмуришься с тех пор, как вы с Леа вернулись в квартиру, - говорит он, закатывая рукава своей синей толстовки с капюшоном, цвет который совпадает с цветом его глаз.

- Я просто устала, - зеваю, притворяясь измотанной, что недалеко от истины. Во всяком случае, морально я истощена.

Он, флиртуя, подталкивает меня плечом:

- Я знаю, что ты врешь, так что признайся. Что, черт возьми, тебя так расстраивает? - он делает паузу. - Надеюсь это не связано с Куинтоном?

Я быстро качаю головой:

- Нет, ничего подобного, - тянусь к ручке морозильной камеры. - На самом деле, теперь, когда ты это сказал, мне кажется это глупостью.

- Все равно скажи мне, - говорит он, облокотившись на тележку и изучая меня. - Может быть, я смогу помочь тебе с проблемой и отплатить за все то время, когда ты мне помогала.

Я не должна этого делать. Я знаю.

Оглядываюсь на проход. Леа пошла за булочками, но это было несколько минут назад, и я беспокоюсь, что она может вернуться и услышать наш с ним разговор.

- Ничего. Дела с группой.

- Какие?

Я открываю дверцу, и морозный воздух овеивает меня.

- Леа хочет, чтобы я помогла ей в ее группе. Была их барабанщиком, пока они не найдут нового, - беру пакет с замороженной кукурузой и бросаю в тележку. Затем я отпускаю дверь, и она захлопывается.

- Она в группе? - спрашивает он. - С каких пор?

- Недавно, я думаю

- Так вот почему она так странно себя ведет? - спрашивает он, и я киваю.

Он размышляет над чем-то:

- И ты не хочешь помогать ей в группе, потому что она солгала тебе? - озвучивает он свои мысли, поворачиваясь и толкая тележку вперед.

- Это не так, - возражаю я, останавливаясь для выбора замороженного пирога. - Я не хочу помогать, потому что переживаю, что моя группа разозлится и выгонит меня.

- Потому что солист - бывший парень Леа?

- Да, и еще Спалдинг тоже относится ко всему очень серьезно.

- Это точно, - соглашается Тристан, открывая дверцу морозильной камеры, чтобы взять яблочный пирог. - И я это заметил после встречи с ним, дважды.

- Итак, ты понимаешь, почему я волнуюсь, - оттесняю его руку и выбираю шоколадный пирог.

- Ага! - практически кричит он, указывая пальцем на пирог в моей руке. - Я сделал более здоровый выбор.

Я закатываю глаза на его ремарку.

- То, что в нем есть яблоки, еще не значит, что он полезнее.

- А вот и проверим, - он выхватывает пирог из моей руки, переворачивает его и начинает читать состав. Затем он кладет его в тележку и начинает читать состав яблочного пирога, его глупая уверенность рассеивается. - Черт, яблоко чуть ли не хуже, чем шоколад.

- Я же говорила, - ухмыляюсь, когда он кладет другой пирог в тележку.

- И я говорю тебе, что с твоей группой все будет хорошо, - говорит он, кладя руку мне на плечо. Я напрягаюсь. Перестаю дышать. Мой разум ищет способ, чтобы отмахнуться от него, не будучи слишком очевидным. - Ты не замечаешь, как люди относятся к тебе. Если они разозлятся, просто покажи им эту милую улыбку, и я уверен, что они тебя простят.

- Ты слишком переоцениваешь меня и мою улыбку, - притворяюсь, что делаю шаг вперед, чтобы еще раз посмотреть пироги.

- Ничего подобного, - он двигается со мной и касается моей нижней губы кончиком пальца, - ты не придаешь этому должного значения, - он

смачивает губы, когда его глаза прикованы к моим.

Я с трудом сглатываю. Дерьмо. Этого не может быть. Этого не может быть.

Когда он смотрит на меня таким похотливым взглядом, я понимаю, что у меня может появиться проблема посерьезнее, чем та, что моя группа будет злиться на меня. Я вижу это в его глазах - он хочет поцеловать меня. Прямо здесь, в супермаркете. Мне следует убежать, бежать прямо по проходу, но я замираю на месте, опасаясь, что, если я его так отвергну, это может все испортить.

Мои мысли несутся в искаженном потоке, который не имеет смысла, и чем ближе губы Тристана к моим, тем размытее становится все вокруг меня. Я чувствую сдвиг, от которого я хочу сбежать, как от огня. Не только из магазина, но и во времена, когда жизнь не казалась такой сложной. Назад в прошлое, когда я была уверена во всем. И все же я продолжаю стоять на месте. Неподвижно. Чтобы все не испортить.

К счастью, Леа поворачивает из-за угла с двумя пакетами булочек в руке.

- Ладно, я не смогла решить, какие именно взять, - говорит она, бросая упаковки в тележку, - так что взяла и те, и другие, - она забавно смотрит на нас, когда Тристан отступает назад, засунув руки в карманы, и я начинаю рассматривать свои ногти.

- Два пакета - это хорошо, - равнодушно говорит Тристан. - Булочек не бывает слишком много.

Леа смотрит на него, словно он сумасшедший, но Тристан игнорирует ее и бродит по проходу, глядя на секцию крекеров и печенья, как будто это самая захватывающая вещь в мире.

- Вы, ребята, только что чуть не поцеловались? - шипит Леа, когда я обвиваю пальцами ручку тележки.

Я быстро качаю головой:

- Нет.

Она поднимает брови:

- Не ври мне, Нова Рид.

- Я не вру, - тихо говорю я, подталкивая тележку вперед.

Но я лгу. Потому что я знаю, что я бы не ушла, если бы он поцеловал меня. Но по какой причине, я не уверена.

К тому времени, когда мы возвращаемся в квартиру, я чувствую себя ужасным человеком. Я ухожу в свою комнату, закрываю дверь, включаю погромче музыку и притворяюсь, что не слышу Тристана, когда он стучит,

или Леа, когда она зовет посмотреть с ней фильм. Вместо этого я сижу на кровати и достаю свой фотоальбом, посвященный Лэндону. Я немного расслабляюсь, прислонившись к спинке кровати, и начинаю перелистывать страницы. Не могу не улыбнуться хорошим снимкам, на которых Лэндон выглядит действительно счастливым. Наши лучшие моменты. Их было не так много, и проще вспоминать грустные времена, потому что их было больше. Но то время, когда все было хорошо, было потрясающим.

Наконец, после того, как я на грани срыва, я решаю вытащить свою камеру и записать видео. Ставлю камеру на тумбочку и нацеливаю на себя, переворачивая страницы альбома.

- Когда-то жила девушка, которая очень любила смотреть на вещи с положительной стороны, - говорю я, глядя на фотографию, на которой я улыбаюсь перед камерой, на снимке, сделанном Лэндоном; его палец в итоге закрыл часть линзы, - в ней жила надежда, что все будет хорошо. Что, несмотря на трагедию с отцом, она вырастет и будет счастлива. - Я переворачиваю страницу, а затем провожу пальцами по изображению Лэндона с опущенной головой, когда он смотрит на что-то на земле, на заднем дворе.

- Чего она не понимала, так это того, что ее снова поджидает трагедия, и ее «долго и счастливо» не существует. И она будет чувствовать себя потерянной очень долгое время, - переворачиваю страницу, чтобы увидеть фотографию Лэндона и меня вместе, где он целует мою щеку, и я смеюсь, потому что его волосы щекочут меня. Я думаю, что это одна из моих любимых. - В конце концов, она все равно снова найдет путь к хорошей жизни, по большей части. Но когда дело дойдет до отношений, она будет смущена и все время будет анализировать, с кем она должна быть в этой жизни. Но ответ она так и не получит, и она в конце концов задастся вопросом, может быть, она просто должна быть одна в этом мире. - Я подтягиваю колени к груди, опершись подбородком на них, и смотрю на фото. - Может быть, ее сердце всегда будет принадлежать призраку. - Как только я это говорю, понимаю, что это неправда. Да, Лэндон забрал с собой кусочек моего сердца в тот день, когда умер, но не все. Я знаю, потому что я чувствую тягу к кому-то еще в данный момент.

Наклоняюсь к тумбочке, открываю ящик и вынимаю эскизы Куинтона, которые я взяла из его квартиры в Вегасе, чтобы он не исчез из моей жизни. Я разворачиваю их, а затем провожу пальцами по линиям и штрихам. На одном из них - Лекси, его девушка, которая погибла в автомобильной

аварии. То, как он изобразил ее, темные линии, нарисованные с такой страстью, позволяет мне понять, насколько он заботился о ней. Второй рисунок самого себя, только половина его лица, как у скелета, и еще на одном я. Линии не такие темные и не полны страсти, как у Лекси. Они очень легкие, как будто он боялся нарисовать меня. Интересно, так ли это, или он до сих пор боится меня.

Я встаю и убавляю музыку, доставая телефон из кармана куртки, прежде чем вернуться на кровать. Как только я располагаюсь, делаю глубокий вдох, я набираю номер Куинтона. Я не сказала ему, что у меня есть его рисунки, потому что не уверена, как он отреагирует.

Но он не отвечает, и я в конечном итоге лежу в постели, чувствуя себя такой одинокой.

Глава 9

Куинтон

Чувствую себя достойным человеком, вернувшись сегодня с работы. Устал, но это приятная усталость. Она помогает мне блокировать все мысли о коробках в доме, когда я захожу внутрь, поэтому тот факт, что через десять минут я разворачиваюсь обратно к выходу, кажется не таким уж и плохим.

- Привет, ты рано, - говорит отец, перехватывая меня в прихожей. Он одет в старые джинсы и выгоревшую рубашку и вытирает руки полотенцем.

- Могу сказать то же самое и тебе, - говорю ему, потянувшись было к телефону в кармане, когда он начинает вибрировать, но решая не отвлекаться, - почему ты дома?

Он бросает полотенце на спинку стула в гостиной:

- У меня для тебя есть новости, - говорит он. - Мой босс хочет, чтобы я переехал в Вирджинию немного раньше. На следующей неделе, если быть точнее.

- Ты шутишь - я хмурюсь, вытаскивая руку из кармана, так и не проверив телефон. - Пожалуйста, скажи, что ты шутишь.

Он качает головой с извиняющимся выражением:

- Но не волнуйся. Это займет несколько недель, чтобы найти нам жилье, так что я думаю, ты можешь остаться здесь, пока я буду там.

- Остаться здесь на несколько недель, а потом что? Переехать в Вирджинию? - качаю головой, спеша к лестнице. - Я уже сказал тебе, что не хочу этого.

- Знаю, но так обстоят дела, - говорит он, схватив меня за руку. Странно, что он касается меня, потому что никогда раньше этого не делал. В самом деле, когда я задумываюсь об этом, понимаю, что этого никогда не было. Я даже помню, как странно было, когда он пожал мне руку на выпускном в средней школе.

- Я не буду переезжать, - поворачиваюсь к нему лицом, и он быстро отпускает меня.

- Куинтон, я понимаю, что ты чувствуешь, - он с жалостью смотрит на меня, закатывая рукава. - Но иногда мы просто должны делать то, чего мы не хотим.

- Я знаю, но я просто не могу колесить по всей стране, - говорю я, скрестив руки. - Я найду место, где буду жить.

- У тебя есть накопленные деньги на это? - удивляется он, протягивая руку к сложенной на полу коробке возле входной двери.

Расстегиваю молнию на куртке:

- Нет, но я что-нибудь придумаю. - Я думаю о том, что сказала Нова о соседе по квартире. - Найду соседа или еще что-нибудь.

- Ты уверен, что это то, что ты хочешь сделать? - он ставит коробку на пол возле ног. - Потому что... - он напряженно массирует затылок. - Потому что я действительно с нетерпением ждал, когда ты поедешь в Вирджинию со мной.

Мне интересно, искренен ли он со мной в этот момент. С ним трудно разговаривать, но я хочу верить, что он честен в своих эмоциях.

- Я не хочу, мне нужно остаться здесь.

- Но я беспокоюсь за тебя, если ты будешь жить один, что угодно может произойти, - говорит он. - Я боюсь, что ты можешь сорваться.

- Если это должно будет произойти, то произойдет, - говорю я, стирая краску с тыльной стороны ладони. - Но я не хочу, чтобы это произошло, пребывание здесь и моя работа, дают мне больше возможностей избежать неприятностей.

Я надеюсь. У меня все хорошо. Я не захожу туда, куда не стоит. Не потерял контроль. Я просто надеюсь, что ничего не произойдет, чтобы я поступил иначе.

Он раскрывает коробку.

- Ну, если тебе так необходимо остаться в доме, то можешь здесь жить, пока не въедут покупатели, думаю, это случится только в следующем месяце. - Он возвращается в гостиную и берет скотч с дивана. – Но, Куинтон, я просто хочу убедиться, что ты будешь поддерживать связь со мной в этот раз.

Я киваю, а затем поднимаюсь в свою комнату, чтобы переодеться в другую рабочую одежду. Надеваю дырявые джинсы, утепленную куртку, перчатки, натягиваю серую шапку на голову. Я рад, что мы с отцом поговорили и все выяснили, но передо мной все еще стоит огромная проблема с поиском места, чтобы я мог попрощаться с этим домом и воспоминаниями, которые он несет.

Когда я уже готов спуститься вниз по лестнице, мой взгляд падает на эскизы и фотографии на стене. Я до сих пор не снял их. Все еще держусь. Смотрю на фотографию Лекси на стене, где она улыбается так заразительно, что мне хочется улыбаться вместе с ней. Поднимаю руку и прикасаюсь пальцем к фото, отмечая, как сильно дрожат мои пальцы.

- Ты простишь меня? - спрашиваю я, мои руки все еще дрожат, когда я стаскиваю фотографию со стены, чувствуя, как внутри меня что-то ломается пополам. - Если я продолжу идти вперед... попытаюсь исцелиться вместо того, чтобы умереть?

Хотел бы я услышать, как она говорит «да». Хотел бы хоть на мгновение услышать ее голос, который отпускает меня.

Но, конечно, единственный ответ, который я получаю - это молчание, и я знаю, что никогда больше не услышу ее голос. Когда я собираюсь вернуть фото обратно на стену, я вдруг отступаю и решаю, что, возможно, это первый шаг к продвижению вперед. Вот и все.

- Я могу сделать это, - говорю сам себе, затем иду к тумбочке и кладу фотографию в ящик. В этот момент я ощущаю каждой клеткой своего тела, что сделал что-то не так. Но я ухожу из комнаты. Шаг за шагом. Пытаюсь двигаться вперед, хотя чувствую невидимую силу, притягивающую меня назад. Умоляющую меня повесить эту фотографию на стену и никогда больше не убирать. Никогда ничего не менять. Просто продолжать держаться за все это, пока оно не убьет меня.

* * *

- Не хочешь рассказать мне, что тебя так расстроило? - спрашивает Уилсон, когда я вбиваю гвоздь в кусок дерева. Мы внутри дома, хотя он еще совсем

не готов. Два на четыре дюйма составляют стены, пол из фанеры, а крыша даже не близка к завершению. В воздухе пахнет опилками и мои руки шершавые, как наждачная бумага. Звук электроинструмента обволакивает меня, дождь только что прекратился и вокруг все мокро, и низкая температура. Но мне все в этом нравится. Это помогает мне немного забыть, что сегодня я снял одну из фотографий Лекси. И что скоро я буду бездомным. И что все это я чувствую, потому что решил стать трезвым.

- Я не расстроен, - отбрасываю молоток в сторону, а затем достаю другую доску. - Я просто работаю над некоторыми вещами.

- Ну, может, если ты расскажешь мне, то я смогу помочь справиться с этим? - он закатывает рукава своей изношенной клетчатой куртки, не смотря на холод, потому что мы усердно работаем, так что нам кажется теплее, чем есть на самом деле. Я выравниваю доску, и он подходит, держа пистолет с гвоздями в руках.

- Давай, Куинтон, - говорит он, прикладывая пистолет к дереву. - Просто расскажи, что, черт возьми, у тебя случилось.

Я держу доску на месте, пока он вбивает в нее несколько гвоздей, затем опускает пистолет и поднимает бутылку с водой.

- Хорошо, - говорю я, отходя от приколоченной доски. Вокруг нас несколько голых бревен, но вскоре мы поднимем гипсокартон и утеплитель, чтобы возвести стены. Это удивительная вещь, и я рад быть частью этого.

- Мой отец переезжает в Вирджинию примерно через неделю, и мне негде остановиться, потому что он продает наш дом.

Он отпивает воды, я сажусь на пол и достаю пачку сигарет из кармана.

- Почему бы тебе просто не поехать с ним? - спрашивает он.

- Из-за всего этого, - извлекаю сигарету из пачки, жестикулируя в сторону частично построенного дома. - Я не хочу бросать все это.

Он садится на пол рядом со мной и вытягивает ноги перед собой.

- Ты же знаешь, что можешь это делать где угодно? Ты даже можешь заниматься другими делами, и все равно получить такой же опыт.

- Да, но... - кладу сигарету в рот и достаю зажигалку из кармана. - Мне здесь комфортно, - держу сигарету за фильтр. - И мне нравится, как обстоят дела здесь. - закуриваю сигарету и вдыхаю, прежде чем выпустить дым. Часть меня хочет убежать и позвонить Нове, которая постарается подбодрить меня и найти решение, вместо того, чтобы сказать, что мне следует поехать с отцом. И она, наверное, могла бы даже помочь мне разобраться с тем, чтобы снять фотографии. Успокоить меня. Позволить

увидеть вещи в другом свете - более радужном. Потому что после ее слов многие вещи кажутся в десять раз легче.

Уилсон делает еще один глоток воды, прежде чем закрутить крышку.

- Ладно, у меня есть одна идея, посмотрим, что ты на это скажешь, - он поднимается на ноги и опускает воду, прежде чем снова взять молоток, - почему бы тебе не пожить со мной немного? По крайней мере, пока не встанешь на ноги.

Бросаю на него удивленный взгляд.

- Ты серьезно предлагаешь мне жить с тобой?

Он пожимает плечами, поправляя шнур от пистолета, который зацепился за доски.

- Конечно, почему нет?»

- Потому что это было бы странно, - подчеркиваю я. - Когда твой сосед - двадцатилетний бывший наркоман.

- Ну, так как я тридцатипятилетний экс-наркоман, я не думаю, что это слишком большая проблема, - говорит он. - Кроме того, я в любом случае там почти не бываю.

Поднимаюсь на ноги, пальцем стряхивая пепел с сигареты.

- Почему?

- Потому что я много путешествую, чтобы этим заниматься, - он показывает рукой на стройку, где вокруг нас раздаются звуки молотков и электроинструментов, - на самом деле, ты тоже так можешь. У тебя будет место, где жить, пока мы в дороге, а когда ты здесь, ты можешь остаться у меня, пока не будешь готов найти свое собственное место, - он указывает пальцем на меня. - Как тебе идея?

На секунду я действительно задумываюсь над этим. Просто уехать. Оставить все. Забыть обо всем и работать над собой, помогая другим. Мне придется попрощаться со многими вещами, хотя, я не уверен, что готов к этому, поскольку час назад я чуть не сломался, прощаясь с фотографией.

Кладу сигарету в рот и медленно затягиваюсь перед выдохом.

- Кажется, по твоим словам, так легко взять и уехать.

- Ну и что? Разве это не может быть легко? - спрашивает он, приставляя пистолет с гвоздями к доске, - жизнь будет неправильной, если она не сложна?

- Она не должна быть легкой для меня, - говорю я, - она должна быть трудной и полна борьбы, чтобы заплатить за то, что я...

И я замолкаю, не желая идти по этому пути прямо сейчас. Это странно,

но единственный человек, с которым я действительно поговорил об этом - Нова, что думаю, многое говорит о... о том, что я чувствую к ней.

Забив несколько гвоздей в доску, он кладет пистолет на пол:

- Знаешь, я прошел весь этот путь самонаказания, желая отплатить за то, что сделал и медленно мучая себя, - говорит он, - но неужели, ты действительно хочешь быть снова бездомным? Жить на улице в такой мороз? За мусоркой или в притоне с кучей других наркоманов? С дырами в стенах. Делая Бог знает что? Нюхать? Или колоться? Без разницы, что бы это ни было.

Я ненавижу, как иногда он бывает прям, и образы, которые он ярко рисует, заползают под мою кожу.

- Нет, но если я в конечном итоге окажусь там, значит, я этого заслуживаю... вот почему это не работает для меня, - бросаю сигарету на землю и тушу кончиком ботинка.

- Я никогда не смогу многого заслужить, но я буду стараться, чтобы продолжать платить всем, пока не умру снова, - наклоняюсь, чтобы поднять молоток, понимая, что я проговорился о том, что он еще не знал.

- Подожди. Что значит снова? - он ждет, чтобы я объяснил, но я вместо этого поднимаюсь и забиваю гвоздь, который не обязательно должен быть забит.

- Ты умер на месте происшествия? - спрашивает он, и я сильнее бью молотком по дереву.

- Куинтон, поговори со мной.

Мое сердце пропускает удар, когда я несколько раз вколачиваю молотком гвоздь.

- Да, и что с того? - пожимаю плечами, как будто это небольшое дело, хотя желание найти забытье бьет меня сильнее, чем когда-либо, - дерьмо случается.

- Дерьмо случается? - он изумлен, стоя там с гвоздевым пистолетом в руке, готовый бросить его, - Куинтон, ты ходячее чудо.

Чудо? Чудо? Он что, блядь, издевается? Один фунт. Два. Три. Гвоздь заходит так далеко, что дерево начинает раскалываться вокруг него. Но я не могу остановиться, пока он не перестанет говорить.

- Ага, попробуй сказать это родителям Лекси, - говорю я, вытирая пот со лба рукой, а затем перехожу к другому гвоздю, - или Райдер. Они скажут тебе, насколько ты бредишь.

Он качает головой, а затем хватается меня за руку, когда я отворачиваюсь,

пытаюсь снова ударить по гвоздю.

- Куинтон, ты не можешь ожидать, что они будут думать по-другому, - говорит он, глядя мне прямо в глаза, - они потеряли своих детей и, вероятно, никогда не простят тебя.

Его слова резкие и острые, как осколки, которые разрезали мою грудь и чуть не убили меня.

Я выдергиваю руку. Я не злюсь на него, но во мне столько паники и муки, что я не могу найти другого выхода, кроме как повысить голос на него.

- Я должен сказать им, извиниться, по крайней мере... я никогда не делал этого.

- Не думаю, что тебе следует, пока ты не разберешься с тем, что, вероятно, произойдет после того, как ты это скажешь, - объясняет он, когда я бросаю молоток на землю, - думаю, что тебе лучше работать над тем, чтобы простить себя, потому что это все, что ты можешь сделать, и жизнь станет легче, когда это произойдет. Все должно закончиться хорошо.

Скрещиваю руки на груди, желая свернуться калачиком и стереть последние несколько минут, вернуться домой и повесить фотографию обратно на стену.

- Я не уверен, что смогу сделать это. Простить себя.

- Конечно, сможешь, - уверяет он меня, поднимая молоток и протягивая его в моем направлении, чтобы я мог его взять, - но это займет некоторое время.

Я не беру молоток и ухожу, нож в моей груди вонзается все глубже, когда я думаю о том, как хотел извиниться перед мамой Лекси, надеясь, что что-то из этого получится, но теперь он говорит, что я не должен этого делать, потому что то, чего я хочу, вероятно, никогда не произойдет. Тогда я думаю о том, как снял фотографию и убрал ее, и начинаю сожалеть об этом.

- Куинтон, вернись, - кричит он мне вслед.

Я качаю головой, продолжая идти.

- Мне нужно прогуляться и подумать, - говорю я ему, спускаясь по лестнице на нижний этаж. Кроме нас на стройке есть еще несколько ребят, но я едва обращаю на них внимания, даже когда они мне машут.

Когда я выхожу на улицу, то бросаюсь через парковку к тротуару. Потом иду по направлению к повороту. Я не оглядываюсь, смотрю прямо перед собой, когда иду навстречу неизвестности, шаг за шагом, сосредоточившись на своих чувствах. Я даже не совсем уверен, чем я

расстроен. Думаю, что это может быть сочетание всего, что случилось сегодня и проблемы, что просто приходят в жизнь.

Жизнь.

Это чертовски трудно.

В одну минуту все нормально. В следующую все может превратиться во что-то болезненное. Каждый день происходит движение. Все меняется. И я не справляюсь. Это то, что я хочу? Проживать день за днем именно так? Как на качелях, то вверх, то вниз? Я не уверен, что могу сделать это.

Во всяком случае, не трезвый.

Последняя мысль направляет мои ноги к месту, где я могу найти решение. Не останавливаясь, иду не менее часа, проходя мимо кварталов, пока не оказываюсь перед домом Маркуса, уставившись на дверь с цветочным венком на ней, как гребанный психопат. Я не могу заставить себя уйти, но в то же время не могу поднять руку и постучать в дверь. Я так зол на себя за то, что пришел сюда. Почему я это сделал? Я не хочу быть здесь.

Чего я хочу?

Что мне нужно?

Почему я чувствую себя так?

Почему я не могу заставить себя уйти?

Вопросы проносятся в моей голове так быстро, что я почти ничего не осознаю. Это как я и то, что по ту сторону этой двери - единственное, что существует. Вот и все. *Мне нужно уйти. Мне нужно постучать. Уйти. Остаться. Уйти. Остаться.*

В кармане начинает вибрировать телефон, и звук выводит меня из оцепенения. Я не хочу этого - я помню. Я уже был в этом месте, и, хотя это нелегко, я решил оставить его по той причине, что выбрал жизнь.

Поворачиваюсь, чтобы уйти, хотя мое тело настолько неуправляемое, что кажется, оно расколется. Но когда я уже поворачиваюсь вполоборота, входная дверь в доме внезапно распаивается. Маркус выглядит немного испуганным, спотыкаясь в дверях. Он одет в белую футболку и джинсы, на ногах нет обуви. Его черные волосы реже, чем в последний раз, когда я видел его. Не от возраста - ему всего двадцать два. Он стал принимать более сильные препараты с тех пор. Струпья на лице и руках и значительное снижение в весе являются доказательством этого. А также то, что у него есть то, что мой разум жаждет в данный момент.

- Ух ты, откуда, черт возьми, ты здесь взялся? - говорит Маркус, почесывая руку, оглядываясь на двор, украшенный гигантским надувным

Санта-Клаусом, -Куинтон, дружище, как ты?

Для него это, наверное, такой обычный вопрос, но для меня ответ более сложный.

- Я хорошо, - лгу, и затем обмениваюсь с ним рукопожатием, - как у тебя дела?

Он пожимает плечами, заглядывая через плечо в дом.

- Не так уж плохо. Просто живу.

Я киваю, нервничая.

- Это хорошо, - я собираюсь попрощаться и уйти, потому что чувствую себя очень неловко.

Но потом он оглядывается на меня и говорит:

- Хочешь зайти ненадолго? Дэн тут расслабляется.

Твою ж мать. Вот дерьмо. Что я делаю?

- Я ...да. Конечно.

Уходи.

Маркус делает шаг назад, чтобы впустить меня, и я смотрю вниз на порог, наблюдая, как в замедленной съемке, как я поднимаю ногу и захожу внутрь. Так просто я вхожу в мир, который чуть не убил меня.

Пытаюсь понять свои чувства по этому поводу, следуя за Маркусом по коридору в сторону подвала, где я обычно проводил много времени под кайфом. Маркус о чем-то болтает, но я едва слышу его, потому что слишком отвлечен тем, как мой разум и тело реагируют на резкий запах, поднимающийся по лестнице. Я уверен, что многие, вероятно, его даже не почувствовали бы, но мое обоняние обострено.

Я знаю, на что иду, а значит, мне следует вернуться. Но я этого не делаю. Я иду прямо туда. Часть меня хочет этого. Нуждается в этом. В поисках тишины.

Дэн сидит на кожаном диване, когда я вхожу в комнату внизу лестницы. Он выглядит примерно так же, как в последний раз я видел его, может быть, немного неряшлив и его волосы немного короче. В одной руке у него бонг, а в другой зажигалка. Он поднимает на меня взгляд, когда я вхожу.

- Куинтон, какого хрена, - говорит он с удивленным смехом. Дым сходит с его губ и попадает в воздух вокруг меня, и я беспомощно ощущаю, как жажду его. Он встает на ноги, положив все на стол:

- Где, черт возьми, ты был последний год или два?

- Неподалеку, - говорю я ему расплывчато. Общение с людьми, которые находятся под кайфом имеет свою специфику. Ничто не имеет для них

значения. Будущее. Прошлое. Если вы хотите уклониться от вопросов, они позволят вам, потому что слишком зациклены на получении следующей дозы. Так отличается от разговора с Новой. Или даже Уилсоном.

Он кивает, будто я сказал что-то, на самом деле значащее:

- Круто. Круто.

- Слышал, ты был в Вегасе, - говорит Маркус, обходя меня и плюхаясь на диван, потянувшись к бонгу.

- От кого ты это слышал?

Он пожимает плечами, хватая зажигалку.

- Я слышал, как об этом мама говорила. Думаю, она узнала это от твоего отца или еще кого.

Мой отец говорил с кем-то обо мне? Это меня немного бесит.

Подхожу и сажусь на диван рядом с Дэном, зная, что я, вероятно, собираюсь испортить последние несколько месяцев трезвости, и отчаянно ища волю, чтобы встать и выйти отсюда.

- Да, я был там несколько месяцев, - говорю я, моргая, когда Маркус выпускает дым.

- Слышал, этот город довольно сумасшедший, - Дэн сосредоточен на том, чтобы рассмотреть трещины на коже своего пальца.

- Да, он чертовски безумен, мне кажется, - говорю я ему неопределенно, наблюдая, как Маркус делает еще одну затяжку, и мой рот начинает наполняться слюной. Но внутри меня идет конфликт. Я хочу этого, но и не хочу. Да. Нет. Что мне делать? *Почему я здесь?*

Маркус должно быть это замечает, пристально смотря на меня, и говорит:

- Хочешь с нами?

Три слова. Один вопрос. Но мой ответ имеет огромное значение. Жизнь изменчива. Черт возьми. Зачем я сюда пришел? Я даже не хочу находиться здесь в данный момент. Но теперь я, кажется, уже не смогу отсюда уйти.

Что, черт возьми, не так со мной?

Я собираюсь кивнуть. Я даже не собираюсь лгать. У меня есть намерение вынуть этот чертов бонг из его рук, поднести ко рту, и все испортить. Но потом этот долбаный телефон звонит в моем кармане. Снова и снова. Я сбрасываю, не проверяя кто это, а потом протягиваю руку, чтобы взять аппарат у Маркуса. Но дурацкий телефон звонит снова.

- Чувак, кто-то очень хочет тебя услышать, - замечает Дэн, начиная барабанить пальцами по коленке.

Я беру бонг у Маркуса, ставлю его на колени, а затем достаю телефон. Я разозлен и готов заткнуть рот звонящему, кто бы это не был. Но я вижу, как приходит смс.

Нова: знаю, что я, видимо, не вовремя, но мне действительно очень нужно поговорить, так что, если ты можешь, позвони мне, пожалуйста. И прости, что побеспокоила тебя.

- Твою ж мать, - бормочу я, потому что, когда я вижу ее имя на экране, я знаю, что должен встать и уйти. Я не могу быть здесь. Не ради себя или кого-либо еще, а ради нее. Нова. Девушка, которая вернула меня к жизни, несмотря на то, какие у нее были трудности. Девушка, разговора с которой я жду каждый день. Иисус, она стала для меня важнее, чем наркотики. Важнее, чем что-либо еще.

Маркус в замешательстве, когда я вскакиваю, в ужасе от своих мыслей.

- Я должен идти, - говорю я, отдавая ему обратно бонг, несмотря на то, как сильно этого не хочу.

Он его забирает, хмуря брови:

- Ты уверен?

Я киваю, убирая телефон в карман:

- Да, мне нужно позвонить кое-кому.

Он бросает на меня озадаченный взгляд, что вполне понятно – это решение дается мне с трудом. Каждый в этом мире знает об этом, и я делаю это, хотя уходить почти физически больно.

Он встает на ноги, засунув руку в карман, обойдя журнальный столик:

- Я тебя провожу.

Не могу поверить, что делаю это. Я сбит с толку. В шоке. Потрясен до безумия, когда мои ноги ведут меня к двери, подальше от необходимости, страстного желания, нужды, все потому, что Нова написала мне сообщение и напомнила мне, что в отличие от первого раза, когда я принимал наркотики, в этот раз я испорчу свою жизнь, сделав неправильный выбор.

Когда мы подходим к входной двери, Маркус, наконец, вынимает руку из кармана, и я замечаю, что он держит пластиковый пакет:

- Это тебе для разгона. Поскольку ты был моим хорошим другом, прежде чем уехал, я дам тебе его на халяву, - он протягивает мне пакет. - Обычно я не делаю этого для клиентов, но ты исключение, потому что я знаю, как только ты почувствуешь вкус, ты вернешься. - Он ухмыляется, словно все понимает.

Я смотрю на пакет, наполненный крошечными белыми кристаллами.

- Я не...

Верни ему.

- Ты не хочешь? - его лоб морщится. - Дерьмо. Я не так тебя понял?

Его пальцы сжимают пакет с паникой в глазах:

- Я слышал, что ты был вовлечен в это дерьмо, но видимо, ослышался.

Качаю головой:

- Нет, я был... я... просто... - даже не знаю, что сказать, поэтому протягиваю руку с дрожащими пальцами, и мне интересно, заметит ли он это или он слишком обдолбан.

Он всовывает пакет в мою руку:

- Это лучший в городе, - говорит он, как будто это имеет значение. Это не так. Большинство наркоманов, во всяком случае, это не волнует. - И это мой ранний рождественский подарок. - Он говорит это так, словно делает мне одолжение. Но это не так. Я знаю. И он знает. Потому что мы оба знаем, что если я приму дозу, то вернусь еще и еще.

- Спасибо, - бурчу я, положив пакет в карман, тянусь к дверной ручке, чувствуя облегчение от того, что это у меня есть, и в то же время злюсь на себя. - Увидимся позже.

- Наверняка, - он пятится в сторону прихожей. - На самом деле, держу пари, ты скоро вернешься еще за одной.

Я улыбаюсь через силу, открываю дверь и выхожу из дома. Холодный воздух ударяет в мои легкие, сбивая дыхание, и мои ноги словно свинцовые, когда я спускаюсь по лестнице и направляюсь к своему дому в нескольких кварталах ниже. Я чувствую, как несю неподъемную тяжесть, и пакет с порошком в кармане начинает захватывать мои мысли. Наконец, я достаю телефон из кармана и набираю номер Новы, только так я могу перестать думать о том, что почти сделал. Что я еще могу сделать.

- Привет, - отвечает она после двух гудков, и становится ясно, что она ждала моего звонка, что заставляет меня чувствовать себя плохо, особенно из-за того, что я только что делал.

- Привет, - отвечаю я, заворачивая за угол. - Что случилось? Твое сообщение звучало слишком панически.

- Да, извини, - говорит она со вздохом. - У меня просто был тяжелый день, и мне нужно было поговорить, чтобы об этом не думать.

Иногда в ее словах я слышу себя, и это меня бесит. Хотя мои причины бывают разными, мы все равно предпочитаем о них не думать.

- Почему твой день не задался? - сую руку в карман куртки и беру

сигареты, надеясь, что немного никотина успокоит меня и возможно даст силы выбросить кристаллы.

- Я не знаю... - она колеблется. - Много причин, но одна из них в том, что Леа хочет, чтобы я изменила своей группе.

- Изменила своей группе? - беру сигарету из пачки и зажимаю ее между губ. - Как именно?

Она вздыхает.

- Сыграв в ее группе, что естественно расстроит мою команду.

Придерживаю сигарету, щелкая зажигалкой.

- Так почему ты просто не скажешь ей нет? - выдыхаю дым, вынимая зажженную сигарету изо рта.

- Потому что я обязана ей, - поясняет она мне. - За все, что она для меня делает.

- О, я понял, - направляюсь по тротуару к своему дому, свет на крыльце включен, потому что солнце уже почти село. - Так почему бы тебе просто не объяснить это своей группе? Может быть, они поймут.

- Потому что это было бы странно, - говорит она. - Один из них действительно серьезно ко всему относится и еще солист... ну, он встречался с Леа и любые упоминания о ней ставят его в неловкое положение. - Она оглушительно выдыхает, когда я захожу в дом. - Но в любом случае, мы можем поговорить о чем-то еще?

Я осматриваю пустой дом, в котором остались одни коробки. В большинстве домов сейчас лежат рождественские подарки и упакованные коробки напоминают мне, что в ближайшее время мне придется принять сложное решение.

- Да, конечно, о чем, например? - взбегаю вверх по лестнице, стягивая с себя куртку.

- Не знаю, - она мнется. - На самом деле, у меня есть, что сказать тебе, но я не уверена, как ты к этому отнесешься.

Открываю дверь в свою комнату ногой и бросаю куртку на кровать.

- Мне следует волноваться? - запикиваю руку в карман джинсов, доставая пакет, и смотрю на него со знакомым полыхающим желанием в груди. *Что мне с этим делать? Выбросить? Оставить? Принять?*

- Ну, я бы сказала нет, - говорит она, я держу пакет в руках и мои ладони становятся влажными. - Но я могу ошибаться.

- Хорошо, скажи мне. Я думаю, что справлюсь с этим. - Такая ложь, тем более, что у меня в руке пакет с кристаллами, которые успокоят меня, если

мне это будет нужно. Но я не хочу этого. Я просто хочу быть свободным, но не могу это отпустить.

- У меня есть несколько твоих рисунков, - выпаливает она.

- Что? Как? - моя рука сжимает пакет, когда я пытаюсь сосредоточиться на Нове, а не на нем.

- Когда я искала тебя после твоего исчезновения в Лас-Вегасе... я забрала их с пола твоей спальни.

- Зачем ты это сделала? - интересуюсь я, не расстроено, но немного озадачено.

- Потому что я переживала, что они потеряются, если я этого не сделаю, - объясняет она. - И я знаю, что они важны для тебя.

Сажусь на своей кровати, уставившись в пустое место на стене, где раньше была фотография, которую я снял.

- Что на них?

- Эм... ты... я... - она задерживает дыхание. – Лекси.

Следует продолжительное молчание. Я не знаю, как реагировать на то, что она произнесла имя Лекси. Это кажется извращенным и неправильным, но в то же время я не могу злиться на нее. На самом деле, мысль накричать на нее нереальна.

Пока я фильтрую свои эмоции, пытаюсь выяснить, что я чувствую, я растерянно кладу пакет с метом под матрас рядом с нераспечатанным письмом Новы.

- Я не знаю, что сказать, - говорю ей, поднимаясь с кровати. - Я отчасти рад, что они у тебя есть, потому что это мои эскизы и все такое, но все же... я рисовал их, когда был под кайфом. - Под кайфом от того, что сейчас спрятал под матрасом. Господи, мне просто нужно найти способ, чтобы его выбросить. Мне не следовало брать его с самого начала.

- Все нормально. Я просто хотела, чтобы ты знал, что они у меня есть, если ты захочешь их вернуть, - говорит она. - Я могу отправить их тебе, если хочешь.

- Нет, оставь у себя, - хватаю пижамные штаны и футболку и иду в душ, нужно уйти подальше от кристаллов. К тому же, я замерз пока шел до дома, и мне нужно согреться, смыть с себя этот дерьмовый день.

- Ты уверен?

- Да, уверен, - толкаю дверь в ванную и закрываю ее позади себя, облегченно вздохнув на расстоянии. Я даже не осознавал, что это делает с моим телом и разумом, даже просто находясь рядом. Такая тяжесть и вес.

Такое бремя.

Включаю кран с водой, позволяя ей нагреться, затем расстегиваю штаны. Решаю избавиться от кристаллов, когда выйду из душа. Не буду выбирать путь в пустоту.

- Что это за шум? - спрашивает Нова.

- Я включил душ, - говорю я ей, хотя на самом деле не хочу прерывать разговор. Просто разговаривая с ней... ну, я немного успокаиваюсь. - Добираясь с работы, я промерз до костей и весь в грязи.

- О, - она замолкает, а потом спрашивает. - Ты поговоришь со мной, пока принимаешь душ?

Расстегиваю молнию на своих штанах, но делаю паузу, пытаюсь разгадать, есть ли в ее словах скрытый смысл. Задаёт простой вопрос или пытается быть грязной девчонкой со мной. Обычно она так не делает, поэтому не знаю, как трактовать ее поведение.

- Ты хочешь, чтобы я говорил с тобой?

Она колеблется неуверенно.

- Ну, я не хочу прекращать разговор с тобой, так что...

Я до сих пор не понимаю ее вообще.

- Но телефон намокнет.

- Поставь на громкую связь поближе к душу, - предлагает она, и я слышу скрытую нервозность в ее голосе, что заставляет меня задуматься, о чем она думает. - И увеличь громкость на максимум.

- Но разве это не будет странно?

- Почему странно?

- Потому что я... буду принимать душ, пока мы разговариваем.

- И что? - нервозность в ее голосе привлекает меня, хоть и не должна.

У меня определенно начинает складываться впечатление, что она не так наивна в сложившейся ситуации. Что она точно знает, что делает, и наслаждается. Я не решаюсь. Я знаю, что веду себя, как ссыкло, что странно, потому что я переспал со многими женщинами за последние пару лет. Но я едва знал любую из них и у нас не было никакой эмоциональной связи. Кроме того, я всегда был пьян или под кайфом. Быть трезвым - это совсем другое, потому что я могу чувствовать. Все. А весь смысл в сексе, по крайней мере, в прошлом, был в том, чтобы заглушить чувства. Плюс, я только что принес домой наркотики, и чувствую себя мудаком, потому что она этого не знает.

- Но я могу тебя отпустить, если ты хочешь, - говорит она опечалено.

Эта ее печаль вынуждает меня сказать то, что я скажу далее.

- Нет, все в порядке... мы можем продолжать говорить, - я начинаю раздеваться. - Расскажи мне больше о своей группе, - говорю я, надеясь отвлечься от того, насколько неуверенно я себя чувствую в данный момент, покачиваясь на канате, готовясь упасть.

- На самом деле сказать особо нечего, - отвечает она. - Просто три парня и я большую часть времени болтаемся в гараже.

- Звучит так, что я начинаю ревновать, - снимаю рубашку, удерживая телефон, что довольно сложно, но мне удается сделать это.

- К группе? Неее, они безвредны. Кроме того, я думаю, что они считают меня одним из парней.

- Сомневаюсь, - ставлю телефон на полку рядом с душем, увеличивая громкость.

- Ну если ты так говоришь... - протягивает она с неуверенностью. - Но в любом случае. Произошло кое-что очень крутое.

- И что же это? повышаю голос, отдергивая занавеску.

- Мы получили наш первый концерт, - говорит она мне, когда я захожу в душ. Ее голос немного угасает, но я все еще слышу ее, даже когда ступаю под струи воды. - И я не говорю об игре в каком-нибудь ночном клубе, потому что он открыт для всех. Это выступление другого рода, потому что нас специально выбрали для разогрева. Здорово, да? - ее голос такой счастливый.

Я улыбаюсь, чувствуя, как вода стекает по моему телу.

- Чертовски круто, - вытираю воду с глаз. - Что за группа?

- Peaceful Injustice.

- Никогда не слышал.

- Да, они не так известны, но я их люблю. На самом деле, я считаю их прекрасной группой.

Я тянусь за мылом, ее комментарий обескураживает меня.

- Похоже, мне стоит беспокоиться?

- Нет. Уверяю, здесь не о чем беспокоиться, - молчание берет верх, но я слышу, как она тихо дышит, напрягая свой слух. - Что ты сейчас делаешь?

Делаю паузу, так много грязных ответов рождается в моей голове, что я даже не могу думать ясно.

- Стою под душем.

- Да, я знаю, но... - она замолкает, глубоко дыша. - Но что именно ты делаешь в эту минуту? - она звучит по-настоящему очаровательно, и мне

интересно, о чем она думает.

Я думаю о том, чтобы сказать ей, что я трогаю себя и думаю о ней. Прошло много времени с тех пор, как я позволял себе такое, Боже, только размышления об этом заводят меня, но в то же время, хочу ли я этого?

- Даже не знаю...

- Ты не знаешь, что ты делаешь? - похоже, она растерялась.

После еще одного внутреннего конфликта я решаю просто выплюнуть то, что плавает в моей голове.

- Нова, я улавливаю эту вибрацию у тебя в голосе, и я не уверен, но... это звучит как... - судорожно провожу рукой по лицу, вытирая воду. - Звучит так, будто ты пытаешься заняться сексом по телефону. - И именно так я все изменил, и я понятия не имею, как это вообще произошло. В одну минуту я психую, а в следующий момент я успокаиваюсь и думаю только о ней.

Она не отвечает сразу, и я боюсь, что ошибся.

- Господи, я не это имел в виду, - говорю я, чувствуя себя идиотом. - Пожалуйста, просто забудь об этом. Пожалуйста.

- Я не хочу это забывать, - ее голос неровный. Испуганный. Нервный. Вся ее неуверенность проявляется. - Я просто не знаю, что сказать... я не эксперт в этом.

- В сексе по телефону? - в моем голосе слышен намек на забаву, который случайно выскользнул.

- Эй, не смейся надо мной, - она старается звучать обиженно, но я слышу, что и она на грани смеха. - Я ни в коем случае не эксперт в этом ... вообще-то. Последний раз, когда я была близка к чему-то подобному с парнем, был... с тобой, на озере.

Она настолько честна, что это шокирует меня. Но что действительно меня шокирует, так это то, что она не была ни с кем другим с тех пор, что также означает, что она еще девственница. Что ни один парень не трогал ее так, как я, когда мы целовались в озере. От осознание этого я чувствую себя счастливым, но одновременно и грустным, потому что это не самое лучшее воспоминание. Для нее и для меня.

- Я не знаю, что сказать, - говорю ей, ополаскивая лицо водой.

- Ты думаешь я фрик? - спрашивает она. - Потому что тогда так ничего и не сделала.

- Ни в коем случае. Я уверен, что никогда так не подумаю, неважно, как бы ты не поступила.

- Тогда, что ты думаешь обо мне? - слышится волнение в ее голосе, и я

думаю, что это сигнал о том, что она хочет идти по этому пути, что делает меня одновременно настороженным и нетерпеливым. Заставляет меня хотеть повесить трубку, но в то же время подтолкнуть разговор дальше. Это Нова. Если и есть кто-то в мире, с кем я хочу быть трезвым, то это она. Да, наверное, я не заслуживаю ее, но я хочу ее. Так плохо, черт возьми.

Закрываю глаза и представляю, что она может делать прямо сейчас.

- Ты хочешь знать, что я думаю о тебе?

- Да, пожалуйста.

Делаю глубокий вдох.

- Что ты - самый удивительный человек, которого я когда-либо встречал, - мой голос срывается, и я кашляю, чтобы скрыть это. - Что ты милая, заботливая, слишком идеальная, чтобы быть со мной. - Я опираюсь руками на стену и опускаю голову, позволяя воде стекать по моему телу. - Что ты чертовски сексуальная, от веснушек до длинных ног... и еще я помню, как это было охрененно, когда твои ноги обвивались вокруг меня.

- Да? - спрашивает она, и я могу сказать, что ей нравится то, что я говорю, поэтому я продолжаю, несмотря на то, что это мне незнакомо.

- Абсолютно, - заверяю я, тоже волнуясь. - Несмотря на то, что я на самом деле не касался тебя в течение года, - не так, как хотел бы, во всяком случае, - я до сих пор помню, как прекрасно чувствовать, как мои руки блуждают по всему твоему телу... как я целую тебя, - закрываю глаза плотно, слыша, как сердце оглушительно колотится в моей груди. - Как засовываю свои пальцы внутрь тебя, - цепляюсь за плитку на стене для поддержки, потому что мне кажется, что я падаю в неизвестное место, где никогда не был, но в которое я хочу продолжать падать, несмотря на то, где окажусь в конечном итоге.

- Ты бы сделал это со мной, если бы был здесь? - робко спрашивает она. - Касался бы меня так.

- Да, - говорю я низким, хриплым тоном, который удивляет меня. - Боже, я бы сделал больше, если бы ты была здесь.

- Да? И что? - ее голос звучит самым восхитительным образом.

Господи, она убивает меня.

- Я бы целовал тебя, пока... не проник внутрь, - говорю я, и она начинает тяжело дышать. Я хочу продолжать, но в моей голове звучит голос, говорящий, что это неправильно. Не так. Не по телефону. Не тогда, когда я просто спрятал пакет порошка под своим матрасом.

Правильное и неправильное. Что хорошо? Ошибаюсь ли я? Насколько

она волнует меня? *Сильно. Очень сильно.* Я забочусь о ней так сильно, что хочу, чтобы все было идеально, когда мы наконец увидимся, и несмотря на сильнейший стояк, я заставляю себя отступить и ждать идеального момента, чтобы продолжить это.

- Нова, я... я думаю, мы должны немного притормозить, - я в одном шаге от прикосновения к себе, и почти физически невозможно отвести руку, но мне все же удастся.

- Ну, ладно, - ее голос дрогнул, и я чувствую себя самой большой задницей, которая когда-либо существовала.

Я отталкиваюсь от стены и выключаю душ, постепенно поворачивая ручку, так что на короткое время меня опрыскивает ледяной водой, и это помогает мне остыть и успокоиться.

- Эй, я выхожу, и я хотел поговорить с тобой кое о чем. - Откидываю занавеску, потянувшись за полотенцем. - Это очень важно.

- Конечно. Что случилось? - она изо всех сил старается скрыть свое разочарование, из-за чего становится сложнее вытерпеть и начать одеваться.

- Это на самом деле про то, что я сегодня делал, - говорю я, натягивая футболку на голову. - Но дай мне секунду, потому что я хочу рассказать об этом, когда буду в своей комнате. - Когда я надеваю штаны, то думаю о том, что собираюсь ей сказать. Что мне удалось снять одно фото Лекси или о том, что у меня под матрасом. Если я смогу признаться ей, я знаю, что смогу избавиться от него. Мне просто нужно решить, хочу ли я этого.

Захожу в свою комнату босиком, с влажными волосами и закрываю за собой дверь. Поворачиваюсь и смотрю на одинокое пятно на стене, где висела фотография Лекси, в окружении эскизов и других фотографий. Затем я смотрю на свою не заправленную кровать, находясь в раздумьях. Какой путь я хочу пройти?

- Сегодня я кое-что снял со своей стены, - сажусь на кровать и опускаю голову, прижимая кончики пальцев к переносице и крепко зажмурившись. - Фотографию Лекси. - Это мучительно говорить, это причиняет ужасную боль в голове и в сердце, но я чувствую себя легче.

- Боже мой, Куинтон, - говорит она с сочувствием в голосе. - Ты в порядке? Иисус, если бы я знала, я бы не... - она замолкает, чувствуя себя виноватой.

- Все нормально, Нова. Я в порядке, - оглядываюсь и осматриваю четыре стены моей спальни. - Мне нужно через это пройти... здесь еще много фото

и эскизов.

- Но это шаг в правильном направлении, и с каждым разом это будет сделать легче. Я обещаю.

- Надеюсь, - говорю я ей, затем сползаю на пол и становлюсь на колени возле кровати. - Я должен сказать тебе еще кое-что, но это не хорошая новость, а плохая. - Прежде чем успеваю струсить, я спешу и выпаливаю - Кое-кто дал мне пакет мета сегодня, и он у меня под матрасом. - Как только я говорю это, мне интересно, почему, черт возьми, я подумал, что это хорошая идея, бросить это на нее. Мне нужно перестать так на нее полагаться - нужно самому встать на ноги.

Я собираюсь повесить трубку, потому что на самом деле это единственный выход, но потом она говорит:

- Ты сделал с этим что-нибудь?

- Нет, - мой голос дрожит, когда я берусь за матрас и пытаюсь дышать равномерно.

- Хочешь? - спрашивает она спокойно.

- Да, - мой голос полон отчаяния.

- Ты... ты собираешься? - это намек на беспокойство в ее голосе.

- Я не уверен, - признаюсь я. - Я хочу, но также я хочу его выбросить.

- Тогда выбрось, - говорит она, как будто это самая легкая вещь в мире.

- Не думаю, что смогу. - Мои руки дрожат от одной мысли об этом, и я опускаю лоб на матрас, все еще стоя на коленях. - Это, черт возьми, невозможно.

- Ты сможешь. - Она звучит так уверенно, и я понятия не имею, как она это делает – ее голос такой спокойный, когда я знаю, что это не так. - Просто возьми и брось в унитаз. Ты можешь сделать это. Я знаю, что ты сможешь.

- Ты слишком веришь в меня, - говорю я, проводя пальцами между кроватью и матрасом, борясь с желанием повесить трубку и повернуться к тому, что находится всего в нескольких дюймах от моих пальцев.

- Нет, я знаю, о чем говорю, - отвечает она. - Теперь дай мне знать, когда возьмешь его и пойдешь в ванную. И не надо вешать трубку. - Как будто она может читать мои мысли.

Я сижу там, кажется, целую вечность, метаясь между тем, что я хочу и должен сделать. В какой-то момент я беру пакет с порошком и кладу обратно. Затем вытаскиваю его снова и открываю, глядя на белые кристаллы так близко, что почти могу их попробовать. Но я также слышу

дыхание Новы на другом конце. Мягкое и полное заботы. Спокойно на все реагируя, когда я уверен, что она сходит с ума. Я хочу выбросить их только ради нее, но мне интересно, можно ли так сильно о ком-то заботиться, чтобы от этого отказаться. Я забочусь о ней так сильно?

После долгих размышлений я прихожу к одному простому ответу.

Да. Я забочусь о ней очень сильно.

Я встаю на ноги и иду в ванную, не говоря ни слова. Затем поднимаю крышку унитаза и, закрыв глаза, опрокидываю пакет, высыпая содержимое и смывая воду.

- Ты сделал это? - спрашивает Нова при звуке смыва.

Крепко сжимаю губы, прислоняясь спиной к стене ванной и осознавая, насколько я потный и как сильно нуждаюсь в воздухе.

- Да.

- Видишь, я знала, что у тебя получится, - говорит она с облегчением в голосе. - Я знала, что ты поступишь правильно.

Правильно? Это то, что я только что сделал? Иногда мне кажется, что это так, но иногда мне кажется, что то, что я делаю, слишком неправильно и неуважительно по отношению к Лекси. Но несмотря на правильность моего поступка, всегда есть то, что вселяет в меня надежду, и это Нова. Она помогает мне двигаться вперед.

Глава 10

23 декабря, пятьдесят пятый день в реальном мире

Нова

Куинтон испугал меня вчера, но я думаю, что у меня получилось хорошо это скрыть и успокоить его. По крайней мере, я на это надеюсь. Но часть меня не может в это поверить, в страхе, что он снова начнет употреблять наркотики. Я не могу не думать об этом и все, что я хочу сделать, это поехать в Сиэтл и увидеть его - убедиться, что все хорошо.

Вдобавок ко всему прочему, меня бесит Тристан. Он продолжает бросать на меня притягательные взгляды с другого конца комнаты, и сегодня днем, когда я принимала душ, он вошел в ванную, чтобы почистить зубы. Это совсем нехорошо. Я вижу, что это ведет к очень плохой ситуации, когда все может разрушиться. Мне нужно найти способ поговорить с ним об этом, сказать ему, что чувствую, но я беспокоюсь о том, как он отреагирует.

- О, Нова-Дова, - распевает Леа, заходя в мою комнату с улыбкой на лице.

- Ты готова к рок-н-роллу?

Она одета в рваную футболку, шорты, колготки в сеточку и сапоги. Ее волосы подстрижены, а глаза подведены черным. Мой наряд немного скромнее: черная клетчатая юбка, майка с жилетом поверх нее, и минимум теней на глазах, но губы покрыты красной помадой.

- Готова, как никогда, - говорю я с нулевым энтузиазмом, вставая с постели. Я не только не склонна играть сегодня вечером, но и не очень рада встрече с парнем Леа. В последнее время я была подавлена, и могу сказать, что Леа заметила это, хотя она думает, что это как-то связано с группой.

Она кладет руки на бедра и прищуривается. - Эй, взбодрись. Все будет хорошо. Сегодня вечером мы оторвемся.

- Это наименьшая из моих проблем, - говорю я ей, хватая свою кожаную куртку с кровати. - Я боюсь, что кто-нибудь меня увидит, а потом меня выгонят из группы.

- Кто увидит тебя? - спрашивает она, опуская руки. - Разве Спалдинг и Джексон сейчас не в Нью-Йорке?

- Да, но Никко нет. - Я надеваю куртку и высвобождаю волосы из-под воротника. - Плюс, мы должны забрать барабаны из дома Джексона, что уже довольно подозрительно.

- Нет, - говорит она, останавливаясь на пороге комнаты и разворачиваясь на пятках. - Просто скажи им, что ты забираешь барабаны домой на выходные, чтобы попрактиковаться. Ты делала это раньше.

Следую за ней в гостиную. На журнальном столе горит свеча с успокаивающим запахом лаванды, но это ничего не меняет, нисколько не уменьшая беспокойство внутри меня. - Да, пока Миллерсоны из квартиры снизу не пожаловались на шум.

- Ну и что? - говорит она, наклоняясь и задувая свечу. - Джексону, Спалдингу и Никко не обязательно об этом знать.

- Посмотрим, - застегиваю свою куртку и иду к входной двери, готовая к этой ночи. Вероятно, это первый раз, когда я не взволнована предстоящим выступлением, и не уверена, это потому, что я чувствую, что изменяю своей группе или потому, что мои мысли совсем в другом месте. - Я просто надеюсь, что это все не обернется против меня.

Она берет ключи от машины и бросает их мне. - Этого не случится. Я обещаю.

Вздыхая, я открываю входную дверь и выхожу наружу. Но Тристан выходит из своей спальни, и я останавливаюсь, когда он берет свою куртку,

как будто собирается куда-то идти.

Он одет в клетчатую рубашку и джинсы, и его волосы немного влажные, словно он только что вышел из душа. - Ну что, когда вы начинаете? - спрашивает он, шагая мимо кухни и направляясь к нам.

- Через пару часов, - хмурюсь я, когда он надевает куртку. - Ты пойдешь с нами?

- Да, - отвечает Леа за него, надевая пару перчаток без пальцев. - Он сказал, что хочет посмотреть, и я согласилась, потому что думаю, нам понадобится мужская помощь, чтобы затащить барабаны из гаража в багажник твоей машины. - Она бросает на меня виноватый взгляд и шепчет, *извини*.

- Мы не беспомощные девушки, - говорю я, стараясь, чтобы это звучало так, будто я шучу, но это не так. Мне не нравится, что Тристан идет с нами. Не после того, что произошло вчера в магазине. На самом деле, я надеялась сегодня немного отдохнуть и проветрить голову, и мне хочется злиться на Леа за то, что она попросила его помочь нам, но я не могу, потому что все понимаю. Леа очень похожа на меня, когда дело доходит до грубости по отношению к людям, и я уверена, что последнее, что она хотела сделать, это ответить Тристану «нет», когда он сказал, что хочет присоединиться.

- Я знаю, что ты не беспомощная, - говорит Тристан, останавливаясь передо мной. - Но я подумал, что могу прийти посмотреть, как ты зажжешь, вместо того, чтобы тусоваться здесь одному.

Мне больше нравилось, когда Тристан и Леа не любили друг друга. В начале их взаимоотношений Тристан никогда бы не пошел туда, где была Леа, потому что они сильно конфликтовали. Но теперь они помирились.

- Или по какой-то причине ты не хочешь, чтобы я пошел? - в его голубых глазах читается вызов, словно он осмеливается сказать мне это - я боюсь быть рядом с ним, потому что мы почти поцеловались.

Качаю головой, притворяясь равнодушной. - Нет, ты можешь пойти. - Я фальсифицирую улыбку, ощущая себя полной дурой из-за своих чувств к нему. Или их отсутствия. Часть меня хотела бы ответить ему взаимностью, но я не могу заставить себя, особенно, когда мои мысли заняты парнем с медово-карими глазами и чутким сердцем, который так меня завел вчера, когда был в душе.

Тристан усмехается, застегивая куртку. - Хорошо, потому что я действительно хочу посмотреть, как ты играешь.

Я продолжаю улыбаться, выходя из квартиры, и они следуют за мной.

Они начинают обсуждать, какие песни мы будем играть, и Леа перечисляет их. Это все каверы, она сказала мне в тот день, когда я попыталась использовать оправдание, что я не знаю песни, которые они будут играть, чтобы отказаться. Оказывается, я знала их все, так что это не сработало.

Но это нормально. Все могло быть гораздо хуже, так я говорю себе.

На улице темно и прохладно, и я сразу обнимаю себя, дрожа, когда ветер порывисто дует. - Иисус, надеть юбку было не лучшей идеей, - замечаю я, бросаясь к своей машине.

Я чувствую, что кто-то приближается ко мне, но не поворачиваю голову, потому что знаю, что это Тристан, как только слышу щелчок зажигалки. - Я думаю, что ты выглядишь хорошо, - говорит он, подмигивая.

- Спасибо, - говорю я, потирая плечи руками. - Но я не уверена, что не замерзну до смерти.

- Я согрею тебя, - шутит он, дым окутывает его лицо.

Не знаю, как реагировать, поэтому просто улыбаюсь и направляюсь к месту водителя. После того, как мы оказываемся внутри, Леа, к счастью, садится рядом, и я, выруливая с парковки, двигаюсь к гаражу Джексона. Его родители сказали, что будут дома, когда я звонила ранее и сказала, что мне нужно забрать барабаны, но часть меня надеется, что их не будет. Но когда мы останавливаемся, в доме горит свет, и я не могу не вздохнуть, с тяжелым сердцем.

- Не переживай, - Тристан наклоняется и говорит мне на ухо, когда Леа выходит из машины. - Все будет хорошо.

- Надеюсь, - бормочу я, протягивая руку к телефону в моем кармане, когда он начинает звонить. Я думаю, что это Куинтон, хочет пожелать мне удачи, но это моя мама.

Я отвечаю, когда Тристан двигает сиденье вперед и выходит из машины.

- Привет, могу я тебе перезвонить? - спрашиваю ее, хватаясь за дверную ручку. - Я готовлюсь к концерту, начало уже через час.

- О, так это сегодня? - она звучит отвлеченно и немного не в своей тарелке, не так, как обычно. - Извини. Я перезвоню тебе позже.

- Что случилось? - я догадываюсь, еще не услышав ответа.

- Да ничего. Я просто... позвони мне, когда закончишь.

- Мама, я не могу больше ждать, - говорю я, становясь все более взволнованной с каждой секундой. - Не тогда, когда ты говоришь, как будто что-то плохое случилось... это насчет Делайлы? - Я задерживаю дыхание, вспоминая, когда мне было двенадцать, и я увидела маму в приемной в

больнице, сразу после того, как умер отец.

Она плакала, когда вошла в дверь, лихорадочно оглядываясь, словно ожидала, что папа выйдет из одной из комнат. Затем она заметила меня, сидящую в кресле, и запаниковала.

- Боже мой! - она бросилась ко мне, сжимая сумочку. - Ты в порядке? - Она обняла меня, и я помню, как подумала, как это странно, ведь она только что потеряла мужа.

- Я в порядке, - сказала я жутко спокойным голосом. - Но мама... папа умер.

Она только притянула меня ближе, обнимая так крепко, что мне пришлось встать с кресла. - Я знаю, милая. И мне так жаль.

Я обняла ее, еще больше смутившись из-за ее беспокойства за меня. - Я в порядке, мама, а ты?

Это вывело ее из себя, и она начала всхлипывать на моем плече. Я держу ее, когда она чуть не падает на пол, говоря себе, что я должна быть сильной. И я была, помогая с похоронами, позвонив бабушке и дедушке, рассказав им, что произошло. Я всегда была лучшей в этом, занимаясь проблемами других людей, а не своими собственными.

- Нова, я хочу рассказать тебе кое-что, и да, это о Делайле, - говорит мама, возвращая меня к реальности. - Но мне нужно знать, что ты не одна... Леа рядом?

Я смотрю в окно на Леа, которая говорит что-то Тристану рядом с машиной, подпрыгивая от холода. - Да.

- Хорошо. - Она издает вздох облегчения. - Потому что мне нужно знать, что рядом с тобой кто-то есть.

- Да. - Мое сердце сжимается, предчувствие смерти витает в воздухе. - Мама Делайлы нашла ее, не так ли? - говорю я, вцепившись в руль, стараясь не дышать слишком часто. - И она мертва.

- Она отправилась в Лас-Вегас, чтобы... Господи, я даже не знаю, как это сказать. - Она делает паузу, подбирая правильные слова, но она не понимает, что их не существует. Я уже знакома с этой рутинной, и ничего, что она скажет, не изменит исход ситуации. - Она едет опознать тело... увидеть, Делайла ли это.

Крепко сжимаю губы, чувствуя, как онемение проходит сквозь меня, как я борюсь, чтобы не закрыться. Я проходила через это раньше. Я знаю, что делать. Точно так же, как я знаю, что через несколько минут я начну оценивать каждую вещь, которую сделала неправильно, как в тот момент,

когда я ушла из квартиры и оставила там Делайлу, рыдающую, разбитую и в компании с ее парнем мудаком. Боже, это никогда не закончится. Смерть. Сожаление. Раскаяние. Вина. Это замкнутый круг, и я хочу его разорвать.

- Они знают, как она умерла? - спрашиваю я неровным голосом.

- Они пока не знают, она ли это, - говорит мама, сохраняя нежный голос, пытаюсь успокоить меня, но в этом есть основополагающая боль, заставляющая меня верить, что она не сомневается, что это Делайла. - Нова, ты в порядке? У тебя такой голос, как тогда, когда ты закрылась от нас.

- Я в порядке, - сижу с протянутой рукой к дверной ручке. - Спасибо, что дала мне знать, но я должна идти, чтобы подготовиться к выступлению.

- Нова, я...

Кладу трубку, не желая больше говорить об этом. Мне надоело говорить о смерти. Я больше не могу. Я просто не могу. И все же она продолжает проникать в мою жизнь. И не только в мою. В жизнь каждого, на самом деле. Она преследует всех и вся, и я хотела бы иметь власть, чтобы заставить ее уйти, чтобы больше никто не чувствовал боль, разрушение, невозможность смириться, потому что это не имеет никакого чертова смысла.

Сделав несколько вдохов, я прихожу в себя, и, отложив телефон в сторону, выхожу из машины. Леа сразу же бросает на меня взволнованный взгляд, что заставляет меня задуматься, как я выгляжу в данный момент. Но прежде чем она успевает что-то сказать, я направляюсь к входной двери, призывая через плечо Леа и Тристана. - Ребята, вы идете?

Они тихо следуют за мной, Леа взглядом сверлит дырку в моей голове, в то время как Тристан, похоже, мало на что обращает внимания. Но это не его вина. Он не знает меня, как Леа, и я знаю, что как только вечер закончится, она загонит меня в угол и забросает вопросами. Я даже не удивлюсь, если моя мама позвонит ей и расскажет, что случилось.

По сути, это все, о чем я успеваю подумать до того, как родители Джексона пускают нас внутрь. Чувствуется неловкость между Леа и мамой Джексона, когда она пускает нас в гараж, и Леа, в конце концов, остается поговорить с ней, пока мы с Тристаном загружаем в багажник и на заднее сиденье барабанную установку, мои мысли отказываются успокаиваться. Я представляю сценарии того, что произошло, вперемешку со всеми хорошими воспоминаниями о Делайле. Как мы впервые разговорились. Мне было грустно, и она заставила меня смеяться, пошутив, что у нашей

учительницы английского есть усы. Это был первый раз, когда я засмеялась после смерти Лэндона. Потом мы вместе учились в старшей школе, и хотя мы не всегда были на одной волне, все было по-прежнему хорошо. Она все также заставляла меня смеяться. Заставляла меня общаться с другим миром. Заставляла меня пытаться жить, когда все, что я хотела сделать, это позволить себе умереть.

- Что-то ты притихла, - замечает Тристан, положив барабанные палочки на заднее сиденье.

- Я в порядке, - закрываю багажник и залезаю в машину, когда Леа выходит с парадной двери, неся тарелку с печеньем.

Тристан садится на заднее сиденье и пристегивает ремень безопасности, наблюдая за мной в зеркале заднего вида. - Ты уверена? У тебя какой-то больной вид.

- Все в порядке, - повторяю я, а потом замолкаю, когда Леа садится в машину. Я, наверное, должна рассказать ему о Делайле, но я не могу заставить себя говорить об этом в данный момент. Я беспокоюсь о его реакции. Не знаю, насколько они были близки, но они жили вместе, и это должно означать, что так или иначе она была не безразлична ему.

- Что это за печенье? - спрашиваю Леа, когда она ставит тарелку на колени.

- Мама Джексона дала их мне... и еще она сказала, что их семья скучает по мне. - Она вздыхает, а затем начинает рассуждать о том, как ей было неловко, когда я еду в Red & Black Ink. С облегчением отвлекаюсь на ее разговоры, кивая и соглашаясь во всех нужных местах. Но как только мы подъезжаем к парковке, я чувствую тошноту. Почему я ничего не сделала, чтобы помочь Делайле? Почему смерть всегда происходит? Почему? Почему? Почему?

Мне нужно как-то успокоиться, потому что я даже не знаю, тело ли это Делайлы. Но я не могу, и чем дальше ночь, тем хуже становится. *Я сильнее этого. Сильнее. Я проходила через это раньше.* Ничего не работает. Дыхание. Счет. Боже, я считаю все, мои мысли мчатся со скоростью миллион миль в минуту. И я чувствую, что вот-вот развалюсь в тот момент, когда мы входим в клуб, и безумие окружает меня. Мой разум ищет за что зацепиться, но ничего нет вокруг меня, и я чувствую, как падаю.

- Нова, подумай об игре, - советует Леа, перекрикивая голоса вокруг нас. Мы сидим в кабинке, ожидая своего выступления. Все место украшено красными рождественскими фонариками, и их огни на фоне черных стен

делают это место жутким. Тристан ушел в уборную, но его нет уже больше десяти минут и мне интересно, что его так задержало. Я надеюсь, что это девушка, а не выпивка или что-то еще похуже. Это место вызывает у меня дискомфорт, потому что связано с искушением. Я знаю, потому что заметила несколько сделок с наркотиками. Иисус, почему я позволила ему прийти? Особенно после всех дел с этим парнем Джаззом. Я отвлеклась на его излишне дружеское отношение, и обо всем забыла.

Леа машет рукой перед моим лицом, и я вздрагиваю. - Земля вызывает Нову.

- Извини, - переключаю свое внимание со стакана воды на нее. - Все настолько плохо?

- Да, - как только она говорит это, я снова смотрю на толпу, думая, что вижу Тристана, но это просто еще один светловолосый парень, выглядящий как участник группы.

Леа, скрестив руки, рассматривает меня через стол. - Ладно, в чем твоя проблема?

- Ни в чем, - отвечаю я, не готовая говорить об этом - высказать это вслух. Интересно, выяснит ли мама Делайлы, как именно она умерла. И имеет ли это значение, потому что, в конце концов, это ничего не меняет. Она все равно умерла.

- Я знаю, когда ты врешь, - строго говорит Леа и кладет руки на стол. - Так что просто признайся.

- Ничего не случилось, - говорю я ей, откидываясь на сиденье. - Мы с мамой поругались. Вот и все.

- Из-за чего?

- Из-за того, что я не приеду домой на Рождество.

Она делает глоток воды. - Я думала, ее устроило, что ты останешься здесь на праздники, и приедешь домой на несколько дней перед Новым годом?

Чешу свою татуировку, ненавидя, что я лгу, но говорить о Делайле пока не вариант. - Да, я тоже так считала, но она передумала.

Она с сочувствием смотрит на меня. - Ты всегда можешь поехать домой.

Я качаю головой. - Нет, у меня слишком много дел на работе и еще куча всего.

- Ну, тогда не унывай, милая. О Леа показывает на меня пальцем. - Твоя мама переживет это так же, как и все, что ты делаешь. Кроме того, сегодня вечером будет так круто, что у тебя даже не будет времени подумать о том,

что тебя печалит.

- Извини. Я постараюсь не быть полной занудой сегодня.

- Хорошо. - Она улыбается, а затем поворачивается, чтобы посмотреть на танцпол. - Интересно, где носит Броуди и Брэкстона?

- Может быть, они струсили, - говорю я. - И будем только ты и я.

Она оборачивается и хмурится. - Стелла это не допустит. Ты знаешь, что она ненавидит, когда люди выступают соло.

- Это не было бы сольным исполнением, - размешиваю лед в своем бокале трубочкой. - Но я уверена, что все будет хорошо... они появятся.

Она задумывается над моими словами, а затем вынимает телефон из кармана. - Я позвоню им и узнаю, что случилось.

Я отключаюсь, когда она разговаривает по телефону с Броуди. По тому, как она продолжает смеяться и накручивать волосы, я могу сказать, что она сейчас очень счастлива. Мне нужно заставить себя взбодриться и побыть лучшей подругой, как будто не было всей этой истории с Делайлой. Поэтому я выпрямляюсь и натягиваю маску самого счастливого лица, когда она кладет трубку.

- Они опаздывают, - она объявляет, подбирая несколько картофелин фри из тарелки между нами. - Но они будут здесь уже через несколько минут.

Я беру горсть картошки. - Ты выглядишь такой счастливой, когда разговариваешь с Броуди.

Она сует немного картошки в рот. - Я счастлива. - Она улыбается от уха до уха. - Он делает меня действительно счастливой, Нова.

- Как давно ты с ним встречаешься?

- Чертовски вовремя ты спросила, - говорит она, вытирая пальцы салфеткой.

- Эй, - я хмурюсь. - Ты единственная, кто держала это в секрете от меня. Как я могла задавать вопросы, когда даже не знала о нем?

- Да, ты права... тем не менее, ты, казалось, не интересовалась им, даже после того, как я сказала тебе, - она подхватывает еще картошки и макает ее в соус. - Но это нормально. Ты в последнее время грустишь. - Она делает паузу с картошкой в руке, ожидая, пока я что-то скажу и, возможно, объясню свое настроение.

- Я просто расстроилась из-за очередной глупости, - я лгу, боясь, что, если начну говорить обо всем, то не смогу остановиться. Раны откроются, и я рассыплюсь прямо здесь, в баре. - Работа и учеба. - Я сажусь прямее. - Но я постараюсь взбодриться и хочу услышать о Броуди.

Она, кажется, мне не верит, но говорит. - Что ж, мы встречаемся с середины сентября.

- Так давно? - спрашиваю я, и она кивает. - Иисус, почему я не знала об этом?

Она вращается в кресле и показывает на Тристана, который стоит в баре, болтая с барменом. - Потому что кое-кто отвлекал тебя наряду с кареглазым парнем, на которого ты тратишь все свое свободное время, разговаривая по телефону.

- Черт, - проклиная я, вылезая из кабинки и проталкиваясь сквозь толпу в сторону Тристана. Почему он решает выпить именно сегодня вечером, когда я практически разваливаюсь по частям?

Когда я подхожу к барной стойке, Тристан смеется над тем, что говорит бармен

- Эй, я только что говорил о тебе, - говорит он, улыбаясь мне.

Я чувствую запах виски в его дыхании, как только он говорит, а потом замечаю стакан на стойке. - Ты выпил, - в ужасе констатирую факт.

Он закатывает глаза, словно это самая абсурдная вещь, которую он когда-либо слышал. - Всего один стакан, - он поднимает палец. - И я наркоман на реабилитации. Не алкоголик.

Господи, может ли эта ночь стать еще хуже? - Да, но ты сказал мне как-то, что одно может легко привести к другому. Помнишь?

- Я все время говорю дерьмо, - он усиливает мое беспокойство, поворачиваясь ко мне лицом. Затем он прислоняется к стойке и кладет на нее локоть, все непринужденно и расслабленно, но определенно нетрезво. - Кроме того, я сделал это только из-за тебя.

- Из-за меня? - спрашиваю я в замешательстве. - Почему? Что я сделала?

- Не из-за того, что сделала, - говорит он, его взгляд скользит по моим губам. - А из-за того, что ты не сделала.

Боже, пожалуйста, не позволяй этому разговору идти туда, куда я думаю. - Извини, если я забыла что-то сделать, - говорю я, отмечая, что он ведет себя как мудака, что раньше было верным признаком того, что он употребляет наркотики.

Он тихо смеется, наморщив лоб. - Ты такая наивная иногда.

- Эй, неправда, - говорю я, повернувшись к нему спиной, обиженная, потому что я не наивная. Я точно знаю, о чем он говорит. Просто не хочу разбираться с этим сегодня.

Он ловит мою руку и мешает мне уйти. - Нова, извини. Я не это имел в

виду. - Он притягивает меня обратно к себе, и вот так моя дрянная ночь становится еще хуже. Потому что без предупреждения он целует меня, пробуя на вкус, словно Джек Дэниелс и напоминая мне о нашем первом поцелуе, только тогда я была пьяна, и поцелуй был более грязный. На этот раз он просто касается губ, без языка, к счастью.

Когда он отстраняется, он бормочет что-то, что звучит ужасно похоже на «Вау». Затем отпускает мою руку и откидывается назад, чтобы посмотреть мне в глаза. - Я так давно хотел это сделать.

- Я... - открываю рот, чтобы сказать что-нибудь - что угодно - чтобы спасти положение, но я тщетно пытаюсь вернуть свой голос.

Когда он понимает, что я не разделяю его чувств, выражение его лица меняется. Но прежде, чем он успевает что-то сказать, появляется Леа и прерывает нас. - Мы выступаем минут через двадцать, так что нужно достать барабаны из машины и разгрузить их за сцену. - Она бодрa и полна энергии.

- Ладно, - я смотрю на Тристана. - Мы можем поговорить об этом позже?

Он пожимает плечами с холодным выражением лица. - А нам есть о чем говорить?

- Может быть, - я трогаю свою татуировку, желая, чтобы там был ответ, которой бы исправил это. - Только, пожалуйста, никуда не уходи.

Он не отвечает, и я в конечном итоге ухожу, чувствую себя еще больше виноватой. Я беспокоюсь о том, что он будет делать, особенно после того, как узнает о Делайле.

Леа хватает меня за руку и ведет к черному выходу, шипя под нос. - Какого черта это было? - Она толкает дверь, и мы выходим на холод, где она отпускает меня. - Напряжение было настолько сильным, что я могла ощутить его в воздухе.

- Я расскажу тебе после того, как мы отыграем, - бормочу я, спеша через парковку к машине.

Она следует за мной, скользя по льду. - Почему ты не можешь просто сказать мне сейчас?

- Потому что ты будешь волноваться, - говорю я, засунув руку в карман, чтобы достать ключи от машины. - А твои мысли должны быть только о выступлении.

После этого, Леа и я начинаем разгружать барабаны из машины. Уже поздно, на небе полно сияющих звезд, и я вспоминаю то время, которое провела, глядя на звезды с папой, Лэндоном и Куинтоном. В какой-то

момент я потеряла их всех. Куинтон однако вернулся, но в то же время он все еще далеко. И теперь, если еще один человек уйдет из моей жизни, я клянусь, мое сердце не сможет больше вынести.

Прекрати, Нова. Ты даже не знаешь, умерла ли она.

Когда мы заносим последние барабаны внутрь, Леа закрывает дверь, а потом улыбается чему-то за моим плечом. Она поднимает руку и машет кому-то. - Эй, мы здесь, - потом она шепчет мне, - Нова, улыбнись. Ты выглядишь так, будто твоя собака только что умерла.

Я старюсь собраться, вовлекая себя в игру, и натягиваю фальшивую улыбку, когда к нам подходят двое парней. Один из них повыше, со светлыми волосами и яркими татуировками на обеих руках. Другой парень немного ниже, но симпатичный, с каштановыми волосами, которые свисают на лоб, и голубыми глазами, которые подходят к его рубашке. Он коренастый, и я предполагаю, что он и есть Броуди, футболист и гитарист.

Леа знакомит нас, и я узнаю, что была права. Броуди тот, что пониже и довольно приятный, по крайней мере, на мой вкус. Я едва успеваю вымолвить хотя бы слово, прежде чем Леа и он начинают целоваться, отойдя от сцены.

Брэкстону, тот, что выше и басист, кажется, немного неловко во всей этой ситуации, он стоит, засунув руки в карманы, осматривая бар, стараясь не реагировать на шумиху, которая происходит рядом с нами.

- Привет, - наконец говорит он, глядя на меня. Его глаза проходят вверх и вниз по моему телу, и он кажется немного смущенным. - Значит, ты тот самый крутой барабанщик, о котором говорила Леа?

Я улыбаюсь, несмотря на огромное удивление в его голосе. - Ага, это я.

Он смотрит на меня с раздражением, смешанным с недоверием. - Да, думаю, что мне придется убедиться в этом самом, потому что я на это не куплюсь, тем более, что ты в группе с тем чуваком Джексон, который полный отстой.

Я смотрю на Леа, которая все еще «занята», прижатая к стене, а затем бросаю надменный взгляд на Брэкстона. - Да, ты увидишь. Поверь мне. - Обычно я не злой человек, но он ведет себя как осел, и сегодня вечером он в этом убедится. Я уверена.

- Решила немного подерзить? - спрашивает он ехидным тоном, выгибая брови.

- Только потому, что ты ведешь себя, как придурок. - Я чувствую себя ужасным человеком, как только это говорю. - Извини.

- Брэкстон, хватит, - Броуди перебивает нас, по-прежнему держа Леа. На его губах видна помада, тогда, как у Леа ее почти не осталось. - Нова помогает нам, не надо быть такой задницей.

- Извини, - бормочет Брэкстон, а Леа и Броуди возвращаются к своему занятию. Брэкстон потирает затылок, глядя на бар. – Может, ты хочешь выпить? Я могу заказать пару шотов и, возможно, это поможет нам расслабиться. - Он звучит сомнительно.

- Нет, спасибо. Я не большой любитель выпивки и тем более крепких напитков.

- Ладно, думаю, это круто. - Он замолкает, и я вижу, что он хочет еще что-то сказать. Он засовывает руки в карманы и раскачивается на пятках. - Как давно ты играешь на барабанах?

- Несколько лет, - говорю я, и он кивает головой с невнятным интересом, уставившись на стол, рядом с которым наклонилась официантка, ее платье такое короткое, что ничего не скрывает.

После этого мы замолкаем. Я хочу уйти, но боюсь, что стоит мне это сделать, как нас позовут на сцену. Наконец, после очень мучительных двадцати минут, к нам подходит Стелла и говорит, - поднимайте свои задницы»

- Подождите, нам нужно решить, с какой песни мы начнем, - вспоминает Леа, когда Броуди поднимает гитару с пола и направляется к сцене.

- Вы, ребята, еще не составили свой плейлист? - спрашиваю, готовая отыграть этот концерт и расслабиться, что могут дать мне только барабаны. Мне просто нужно очистить голову на время. Подумать о музыке. Забыть обо всем, что так неожиданно на меня свалилось. Брэкстон качает головой, и затем все трое начинают спорить о том, какой кавер будет лучшим вариантом для начала. Я стараюсь сохранять спокойствие, прислонившись спиной к стене и наблюдая, как Стелла начинает терять терпение из-за их неорганизованности. Я знаю, что она с легкостью может выкинуть их из состава, поэтому я, наконец, делаю шаг вперед и предлагаю, с моей точки зрения, хорошую песню для начала.

- Как на счет «Tears Don't Fall» от Bullet for My Valentine? - предлагаю я, потому что в данный момент хочу по-настоящему побить по своим барабанам.

- Эту песню должен петь парень, а Леа – девушка» Брэкстон бросает на меня самый жесткий взгляд, который я когда-либо видела.

- Я уверена, что она справится, - я смотрю на Леа, прося поддержки. - Не

так ли?

Она мне улыбается. - Я думаю, что это идеальная песня. Отличный выбор, Нова.

Брэкстон произносит что-то себе под нос, что звучит ужасно похоже на «тупая сука». Я делаю глубокий вдох и отмахиваюсь, потому что это действительно не имеет значения. Не тогда, когда так много всего происходит. Затем Леа и я поднимаемся на сцену и устанавливаем барабаны позади, чтобы они идеально вписывались сразу за микрофоном, в то время как Брэкстон и Броуди подключают свои гитары к усилителю.

Софиты направлены на нас и людей, сидящих за столиками и в баре, которые почти не обращают на нас внимания, но их достаточное количество, что дает мне ощущение бабочек в животе. И мне нравится это чувство. На самом деле, я ждала его. Вот что значит игра на барабанах для меня. Отвлечение. От всего, что происходит вокруг меня. От всех моих проблем. Внутренней боли. Путаницы. Моих мыслей.

- Брэкстон ненавидит меня, - говорю я Леа, установив последний барабан из комплекта на пол.

Она качает головой, заправляя прядь волос за ухо. - Он просто расстроен, потому что Спайк здесь не для того, чтобы играть с нами.

- Спайк? - спрашиваю я, переставляя барабаны туда, где мне будет удобно.

- Да, наш бывший барабанщик, - она регулирует высоту микрофонной стойки.

- Ваш барабанщик был назван в честь персонажа из «Баффи - истребительница вампиров»?

Она фыркает от смеха. - Ну, это его ненастоящее имя. Просто прозвище, которое он дал себе сам, потому что ненавидел свое настоящее имя.

- И как же его зовут? - спрашиваю, подбирая барабанные палочки и вертя их через пальцы.

Уголки ее губ поднимаются вверх. - Ларри.

Я перестаю крутить палочки. - Ладно, теперь я поняла, почему он сменил имя.

Она снова начинает смеяться, но ее смех быстро превращается в нервозность, когда Стелла кричит, чтобы мы начинали. Через несколько секунд мы все готовы, в нескольких шагах от выступления. Леа выглядит нервной, стоя под светом и барабаня пальцами по ноге, и я чувствую тоже самое, но в то же время жажду другого ощущения внутри себя, потому что

оно сотрет все остальное, что мне мешает.

- Ты справишься, детка, - говорит Броуди Леа, ободряюще целуя ее, что, кажется, успокаивает ее.

И в этот момент я осознаю две вещи: первая, Броуди не так уж и плох, и вторая, - я действительно, очень хочу увидеть Куинтона. Сильнее, чем когда-либо. Я хочу потеряться в нем. Держаться за него. Быть рядом и просто знать, что он есть. Возможно, если бы он поцеловал меня, это могло бы расслабить меня. Или может, я не столько хочу увидеть его, сколько хочу просто выбраться отсюда. Убежать. Сделать перерыв.

Стараюсь выкинуть мысль из головы и сосредоточиться на игре. Как только я поднимаю барабанные палочки, я словно выхожу из тени, и яркие огни накрывают меня. Это одиночество. Мой мир. Здесь нет ничего, кроме музыки, и часть меня желает, чтобы я могла существовать в этом моменте вечно.

Через несколько секунд гитара и бас начинают играть, и первые ноты звучат в усилителях. Я готовлюсь, жду подходящего момента для вступления, дожидаясь, пока меня не унесет музыка. Этот момент все ближе и ближе, и я поднимаю барабанные палочки над головой. Когда я опускаю их вниз, голос Леа и звук моих барабанов сливаются и плывут по залу в унисон.

Опускаю ногу на педаль, наполняя сердце и душу ритмом, вкладывая столько энергии в музыку, что я едва могу дышать. Я тону в мелодии, когда палочки и барабаны сталкиваются. Удары. Ноты. Вибрации. Они настигают меня. Ничего не существует в этот момент, кроме музыки. Ни Тристан. Ни Делайла. Даже Куинтон. Это только обо мне.

Песня набирает обороты вместе с моей энергией. Я потею, тяжело дышу, подпитывая песню каждой частью себя. Моя нога опускается на педаль, синхронно с руками. Снова и снова. Песня заканчивается, но тут же начинается следующая «I Miss the Misery» от Halestorm. Я продолжаю играть, вкладывая всю свою энергию, надеясь, что этого будет достаточно, чтобы, когда я остановлюсь, быть слишком усталой, чтобы думать. Слишком усталой, чтобы сосредоточиться на своих проблемах.

Но как только мы заканчиваем играть последнюю песню, волна, наполненная всей болью, которую я когда-либо испытывала за всю свою жизнь, обрушивается на меня. Боль нарастет с каждой песней, которую мы играем, и после того, как наш сет закончен, я не могу нигде найти Тристана. Я беру телефон, чтобы позвонить ему, говорю Леа, что скоро

вернусь, прежде чем выйти через черный вход и вдохнуть спокойно.

- Привет, - говорю я после того, как он отвечает. - Ты где?

Я слышу шум на заднем плане. - На вечеринке.

- Тристан, - разочарование слышится в моем голосе. - Ты серьезно?

- Похоже, что я говорю серьезно? - спрашивает он, когда кто-то кричит что-то скверное на заднем фоне.

- Может быть, но я надеюсь, что нет, - я отворачиваюсь в сторону и затыкаю пальцем ухо, когда кто-то выходит за дверь, громко разговаривая. - Слушай, я понимаю, что между нами все немного странно, но просто приходи домой, и мы постараемся в этом разобраться. У тебя все хорошо, и я уверена, что ты не хочешь все испортить, верно?

- Ты не можешь все исправить, Нова, - его тон немного смягчается. - И, кроме того, это тебя не касается.

Я двигаюсь в сторону здания, пытаюсь отойти подальше от двери, потому что люди продолжают выходить и шуметь. - Тогда в чем дело?

- Дело в моей жизни и в том, что она дерьмовая и любит подбрасывать мне дерьмовые карты.

- Почему она дерьмовая? Потому что ты трезвый?

- Нет, это не имеет ничего общего ни с тобой, ни с трезвостью, - говорит он и вздыхает. - Послушай, я понимаю, что ты хочешь мне помочь. Я вел себя хорошо. Я понимаю, что то, что я планирую сделать в следующие десять минут, вероятно, испортит мою жизнь, но знаешь, я больше не хочу продолжать так жить. Так, как сейчас.

- О чем ты говоришь? - спрашиваю я, а когда он не отвечает, добавляю, - Тристан, поговори со мной... - но он кладет трубку.

- Дерьмо, - я пытаюсь снова набрать его номер, но он сразу переходит на голосовую почту. Пишу ему сообщение, но он так и не отвечает, когда мы садимся в машину, направляясь домой.

- Как ты думаешь, на какой он вечеринке? - спрашиваю Леа, когда мы добираемся до дома. Она планировала потусоваться с Броуди, но сказала, что их планы изменились. Я думаю, что она беспокоится обо мне, и именно поэтому решила вернуться домой со мной.

На часах больше девяти, и небо полно звезд, и я не могу не считать звезды, каждый раз, когда останавливаюсь на красный свет. - Может, у нас получится найти его, = говорю ей.

Леа выглядит слегка расстроенной, после моего рассказа о том, что случилось по телефону с Тристаном, но она не волнуется так сильно, как я.

- Нова, нет никакого способа, чтобы разыскать его. Это же вечер пятницы, ради Бога

- Леа, ты не слышала его по телефону, - говорю я, направляясь по главной дороге, которая блестит ото льда, поэтому мне приходится ехать медленно.

- Он собирается сделать что-то, что нарушит его трезвость. Я чувствую это.

Она медленно выдыхает, ее голова повернута к окну, и она наблюдает за рождественскими огнями, натянутыми на деревьях вдоль дороги. - Нова, мы это уже проходили. Ты не можешь спасти всех, особенно когда они не хотят быть спасенными, - она смотрит на меня с чувством, похожим на жалость в ее глазах, но я не знаю, почему она так относится ко мне. - Так что просто отпусти. Когда он придет домой, ты все увидишь, тогда и решишь, что с этим делать.

Я качаю головой, слезы готовы политься из глаз. - Я так больше не могу.

- О чем ты? О Тристане? Или мы говорим о чем-то другом?

Я прикладываю усилия, чтобы держать глаза открытыми, слезы застилают мне путь, когда я сворачиваю к нашему дому. - О Тристане. Делайле. Куинтоне. Себе. Мне надоело просто сидеть и наблюдать, как люди рушат свою жизнь.

Она наклоняется через сиденье и нежно сжимает мою руку. - Но у тебя есть я.

Я знаю, что она права, но на данный момент ее прикосновение несет только холод. Я припарковываю машину, и мы заходим внутрь. Она следует за мной, не говоря ни слова, пока мы не оказываемся внутри квартиры, и я направляюсь в свою комнату.

- Нова, пожалуйста, просто перестань бороться, чтобы спасти всех, - говорит она. - Тебе нужно научиться позволять некоторым вещам случаться.

Я вхожу в свою комнату, поворачиваюсь к ней лицом и пытаюсь закрыть дверь. - Знаешь, что происходит, когда ты пускаешь все на самотек? - спрашиваю я, и она просто смотрит на меня. - Люди сдаются и умирают. И хотя это может быть безнадежным делом, и ты подумаешь, что я сумасшедшая, я все равно это сделаю, потому что, кажется, это больше никого не волнует. - И с этим я закрываю дверь.

Я думаю о том, чтобы позвонить Куинтону и поговорить с ним обо всем, но я устала от разговоров по телефону. Я просто хочу увидеть его - хочу обнять его и знать, что, несмотря на весь этот беспорядок он, по крайней мере, справляется. Я знаю, что это безумие. Эгоистично. Импульсивно. Я

знаю, что у меня есть работа и другие обязанности, и я могу уехать только на один день. Но мне нужен этот день больше, чем что-либо еще в данный момент. Поэтому, прежде чем я успокоюсь, я начинаю быстро собирать чемоданы, надеясь, что, когда я туда доберусь, он не пошлет меня подальше.

Глава 11

24 декабря, день пятьдесят шестой в реальном мире

Куинтон

Я просыпаюсь среди ночи со странным чувством. В мечтах о Нове и о том, как снова увижу ее. Что бы я тогда почувствовал... каков ее запах... какова она на вкус. Включаю лампу и некоторое время лежу в кровати, уставившись в потолок, размышляя о том, как совсем недавно смотрел на другой потолок, который был весь в трещинах и искривлениях, и в сравнение с ним тот, что теперь надо мной - безупречен. Все благодаря Нове. Я здесь, потому что она никогда не разочаровывалась во мне и отговорила меня от возвращения к жизни под кайфом.

Нова... мои мысли переполнены ею... о чем она думает... я борюсь со своими эмоциями, сосредоточенными на ней... как сильно я хочу ее. Хоть и боюсь. Так боюсь, что даже не открыл письмо, которое она написала мне, когда я был в реабилитационном центре.

Прежде чем я успеваю струсить, переворачиваюсь на бок и, залезая под матрас, достаю конверт. Мои пальцы дрожат, когда я осторожно разрываю его и вытаскиваю письмо. Затем, делая подготовительный вдох, раскрываю его и начинаю читать.

Дорогой Куинтон,

Я пишу тебе в основном потому, что ты, кажется, не хочешь со мной разговаривать. И я могу это понять. Ты сейчас работаешь над исцелением и, вероятно, должен сосредоточиться на себе. Но мы так и не попрощались в последний раз, когда я видела тебя, и мне ненавистно не иметь возможности сделать это. Если я кое-что и узнала в этой жизни, так это то, что прощаться - важно.

Но когда я пишу это письмо, я понимаю, что это не то, что я хотела бы. Я не хочу прощаться с тобой. На самом деле, я не хочу прощаться с тобой никогда. Я знаю, что, возможно, это тебя сейчас напрягает, но это правда. Мысль потерять тебя слишком тяжела. Я хочу, чтобы ты был в моей жизни всегда, как друг или больше. Знаю, ты, наверное, думаешь, что

я сумасшедшая. Что мы едва знакомы, и в некотором смысле будешь прав. Мы почти не знаем друг друга, но в то же время я думаю, что мы пережили больше, чем обычный человек, что дает нам возможность понимать друг друга больше, чем многим людям. И я, честно говоря, могу представить нас в будущем, очень старых и идущих вместе, снова как друзья или больше – это твой выбор.

И если ты и узнал что-нибудь обо мне за прошлый год или около того, так это то, что я упертая. Когда я чего-то хочу, я зацикливаюсь на этом. На самом деле, эта привычка огромная проблема для меня — неспособность отпустить. Но тут такое дело. Все твердят, что мне нужно работать над этим, и я знаю, что двигаюсь в этом направлении, но думаю, что необязательно отпускать все. Я могу держаться за то, что важно для меня. И это ты. Так что даже если ты не хочешь слышать это, я не позволю тебе уйти. Я всегда буду с тобой, несмотря ни на что.

*Твой друг навсегда,
Нова (как автомобиль)*

Я заканчиваю читать. Она права. Что бы ни случилось, я хочу, чтобы Нова была в моей жизни. Я не хочу прекращать общаться с ней. Слушать ее. Я хочу, чтобы она была со мной. Мне просто нужно убедиться, что я создаю жизнь, достойную того, чтобы она была ее частью. Могу ли я сделать это для нее? Отпустить прошлое и двигаться вперед в будущее с ней? Я оглядываю комнату. Могу ли я позволить себе идти рядом с ней?

Нервно сглатывая, встаю и обхожу кругом комнату, глядя на каждый рисунок и фотографию, ощущая сильные воспоминания, связанные с ними. Сколько времени я потратил на их рисование или моменты, запечатленные на фотографиях. Так я дохожу до фото моей мамы. Не хочу прощаться со всем этим и, возможно, не готов к этому полностью, но я могу попытаться.

Сделать этот шаг.

Собрав в кулак все силы, которые у меня есть, я начинаю снимать фотографии и рисунки. Один за другим, держа их в руках, как будто это самая хрупкая вещь в мире. С каждым снятым фото я чувствую себя иначе, как будто я вошел в чужое тело, тело того, кого не знаю. Кого-то сильного и нового. Переродившегося.

Остановившись, я не снимаю их все, но этого достаточно, чтобы они не окружали меня. Оставляю фотографию мамы в кресле-качалке, ее живот большой, потому что она беременна мной, и фото нас с Лекси, где мы сидим на заднем крыльце, позируя перед камерой. И еще ее рисунок... тот, что я нарисовал за несколько дней до ее смерти. Тот, за который я держусь,

как напоминание о ней, потому что хоть я и пытаюсь отпустить прошлое, но полностью забыть ее - неправильно. Она заслуживает того, чтобы ее помнили и никогда не забывали. Несмотря на то, что я выбираю жить дальше, я не должен нарушить свое обещание.

- Я буду помнить тебя всегда, - шепчу я в воздух, размышляя, слышит ли она меня. - Несмотря ни на что. Я обещаю... но я думаю, что должен отпустить немного...

К тому времени, как я заканчиваю это говорить, я плачу. Слезы текут по моему лицу, когда я погружаюсь в пустоту своей комнаты, прошлое уже не настигает мое будущее, оно всего лишь призрак, и это ранит, но в боли есть странная свобода, потому что я чувствую ее, а не убегаю, как обычно.

Я начинаю рыдать, слезы душат меня, не переставая течь, когда мой телефон внезапно звонит. Сейчас пять часов утра и мне интересно, кто, черт возьми, звонит так рано.

Быстро взяв себя в руки, я вытираю слезы, и, наклонившись, беру телефон и смотрю на светящийся экран. Когда я вижу имя Новы на нем, меня охватывает паника, я беспокоюсь, что что-то случилось. - Привет, с тобой все в порядке? - спрашиваю я, быстро отвечая, боясь, что она сможет определить, что я плакал.

- Нет, - она звучит странно. Не так, чтобы грустно, но как будто скрывает что-то... подавляет свои эмоции. Мне ненавистно слышать это в ее голосе, и я сразу же хочу исправить это, мои проблемы на данный момент отходят на задний план.

- Что случилось? - спрашиваю. Боже, пожалуйста, пусть ничего плохого.

- На самом деле много всего, но я... - ее голос ломается, ее эмоции на грани срыва. - Я должна сказать тебе кое-что и хочу, чтобы ты не злился на меня.

- Хорошо... что это? - спрашиваю осторожно. Она ничего не говорит сразу, и я слышу много шума на заднем плане. - Где ты?

- В аэропорту, - она звучит виновато. - В аэропорту Сиэтла.

Буря эмоций внезапно захлестывает меня, и я почти готов повесить трубку. Нова здесь. В Сиэтле. Это плохо. Очень плохо. Я не готов к этому. И я хотел подготовиться к тому, чтобы увидеть ее снова. Хотел быть полностью стабильным, а не рыдать, потому что только что снял несколько фотографий моей бывшей девушки.

- Ты здесь. В Сиэтле. Серьезно? - я не могу скрыть своего шока или того факта, что я снова на грани плача, просто от того, что снова вспомнил, как снимал эскизы и фотографии.

- Я знаю, ты говорил, что не хочешь, чтобы я приезжала сюда, - говорит

она расстроено. - Но кое-что произошло и мне просто... мне просто нужно было от всего этого избавиться, поэтому я собрала свои вещи и направилась в место, которое первым пришло мне на ум.

- Ты приняла решение приехать сюда сегодня ночью? - спрашиваю обеспокоенно, не только потому, что она сидит в аэропорту в расстроенных чувствах, но ведь что-то ее настолько расстроило, что она просто уехала. - Просто встала и уехала. Просто так.

- Да. Мне действительно нужно было уйти, пока моя голова не взорвалась. И у меня был выбор ехать к тебе или куда глаза глядят.

- Как ты вообще попала на рейс?

- Это была та еще боль в заднице, - сообщает она мне. - Я пробыла в самолете в течение шести часов, хотя, как правило, полет занимает два часа.

- Представляю, - не знаю, что сказать ей, потому что я все еще пытаюсь поверить в то, что она здесь. В нескольких милях от меня. - Ты просто сидишь в аэропорту сейчас?

- Да... я пытаюсь понять, что делать дальше, - говорит она жалобно. - Я знаю, что хочу поймать такси и увидеть тебя, но я пойму, если ты не хочешь, чтобы я сделала это.

Интересно, что она сделает, если я скажу, что мы не сможем увидеться. Будет ли она просто торчать в городе или сядет на самолет и улетит домой? Это, наверное, самый лучший вариант, так как я по-прежнему не так стабилен, как я хотел бы, чтобы снова увидеть ее.

Но мысль о том, что она так близко и что я не увижу ее, заставляет учащенно биться мое сердце. - Не бери такси, - говорю я, поднимаясь на ноги. - Я приеду за тобой.

- Ты уверен? - спрашивает она. - Потому что я не хочу заставлять тебя делать то, что ты не хочешь.

Боже, она убивает меня. Слишком заботится о других.

- Да, конечно, я уверен. - Но я не уверен. Совсем. С другой стороны, я не уверен, что когда-либо буду к этому готов, так что предполагаю, что мне все-таки придется сорвать этот пластырь

- Спасибо, - говорит она, немного задыхаясь. - И Куинтон, мне очень, очень жаль, что свалилась на твою голову.

- Тебе не нужно извиняться, - говорю я, открывая ящик комода и хватая рубашку. - Оставайся на месте. Я буду через двадцать-тридцать минут. - Кладу трубку, одеваюсь, а затем иду в комнату отца, чтобы попросить его одолжить машину. Сначала он колеблется, пока я не говорю ему, зачем она мне. Он нехотя дает ключи и говорит, что поедет на работу на автобусе. Как

бы то ни было, этот жест много значит для меня, и я искренне благодарю его.

Мне приходится прогреть машину минут пять, и подождать пока лобовое стекло оттаает, поэтому я лезу внутрь и набираю номер Уилсона. Примерно через четыре гудка он поднимает трубку, звуча крайне измученно.

- Это должно быть действительно важно, - говорит он, а потом зевает. - Потому что я не жаворонок.

- Нова здесь, - это все, что я говорю, глядя на серое небо и занимающийся ярко-оранжевый рассвет.

Ему требуется секунда, чтобы ответить. - Прямо сейчас. В Сиэтле. В твоём доме.

- Она в аэропорту, - включаю дворники и смотрю, как они соскребают остатки изморози. - Я еду, чтобы забрать ее.

- Почему ты не сказал мне, что она приедет? - спрашивает он, снова зевая.

- Потому что я не знал, - выключаю дворники и пристегиваю ремень безопасности. - Она позвонила мне несколько минут назад и сказала, что в аэропорту... она казалась расстроенной. И мне нужно, чтобы ты сказал мне, что я справлюсь.

- Как ты думаешь, ты сможешь справиться с этим? - он использует психологический прием, как Грег обычно делает.

- Не знаю... может быть... - сдаю задним ходом и выезжаю на дорогу. - У меня были все эти фото на моей стене.... с Лекси и моей мамой. Я хранил их, потому что они напоминали мне, что я потерял... чтобы удержаться... я просто снял их.

- Когда ты это сделал? - его голос осторожен.

- Пять минут назад, - поворачиваю и еду вниз по дороге, направляясь к шоссе.

- И как ты себя чувствуешь?

- Странно, - это первое слово, которое приходит на ум, но оно кажется подходящим. - Уилсон, я не уверен, что смогу сделать это... увидеть ее... я не готов... - останавливаю машину у знака «Стоп», жалея, что не могу быть счастливее от того, что она здесь. - Скажи мне, что делать. Просто сказать ей, чтобы она возвращалась домой?

Он обдумывает то, что я сказал. - Почему ты хочешь так поступить?

- Потому что я только что сказал, что не готов... и мысль о том, что увижу ее сводит меня с ума. - Я опускаю голову на руль и смотрю в пол. - И ты сказал мне не вступать в отношения, пока я не буду готов.

- То, что она здесь, не означает, что вы находитесь в отношениях, -

говорит он мне. - И, кроме того, было бы хорошо, если бы ты помог ей пройти через то, что она переживает, ведь насколько я понимаю, она действительно помогла тебе в прошлом.

Как только он говорит это, я понимаю, что он прав. Я сейчас очень эгоистичен, думая о том, как ее присутствие повлияет на меня, когда на самом деле я должен думать о том, что случилось, что она села на самолет и прилетела ко мне. - Да, наверное, ты прав.

- Конечно, я прав, - говорит он высокомерно. - Я всегда прав.

Прав или нет, это не облегчает мне дорогу до аэропорта. Но я делаю это. И хотя мне, вероятно, требуется немного больше времени, чем большинству людей, чтобы получить багаж, в основном потому, что мои ноги, кажется, весят чертовски много, я действительно добираюсь туда.

Мне требуется минута, чтобы заметить ее, потому что сейчас праздники и место красиво обставлено. Но когда я это делаю, клянусь Богом, что-то меняется во мне в тот момент. Что-то хорошее, я думаю, хотя на сто процентов я не уверен.

Ее волосы собраны в хвост, рюкзак стоит возле ног, сама она прислонилась к стене с закрытыми глазами, люди проходят мимо нее. Но чем дольше я смотрю на нее, тем меньше замечаю толпу вокруг. Меня даже не волнует, как это чертовски глупо звучит. Есть только она и я и все, что было между нами. Я начинаю вспоминать все. Как она заставила меня чувствовать. Как она не отказалась от меня. Насколько мощным было чувство просто быть рядом с ней. Она не бросила меня. Эта девушка спасла меня, и я люблю ее за это. Я осознаю это сейчас. Мое сердце знает это. Моя голова знает это. Даже мои ноги знают это, потому что они подводят меня, и я должен протянуть руку и ухватиться за стену, чтобы не упасть. Я едва могу дышать, работая над тем, чтобы сделать шаг, чувства внутри меня настолько сильны и подавляющи. Я не знаю, смогу ли справиться с этим - чувствовать себя так, пока я трезв.

Страх только усиливается, когда она открывает глаза, и ее взгляд охватывает зал. Через мгновение она замечает меня. Она не двигается. Не реагирует. Я хочу сдвинуться, но не могу. К счастью, ей удастся оторвать себя от места, где она стоит. Она забирает свой рюкзак с пола, перекидывает его через плечо, и направляется ко мне. С каждым шагом, который она делает, ее губы подрагивают, и к тому времени, когда она достигает меня, она почти улыбается.

- Привет, - говорит она, а затем без всякого предупреждения обнимает меня, сжимая так крепко, что кажется сейчас раздавит. Жар ее тела устремляется через меня. Независимо от того, насколько я боюсь

прикоснуться к ней, я обнимаю ее и обнимаю так крепко, что мои руки начинают дрожать. Я борюсь с невероятно сильным желанием упасть на землю, и это трудно, потому что адреналин и эмоции пульсируют во мне. Я чувствую, что кренюсь набок, балансируя на канате. Но она держится за меня, поэтому я не могу упасть и в итоге зависаю в воздухе. Я даже не знал, что такое чувство возможно, и это капец, как страшно.

Закрываю глаза и вдыхаю ее аромат. - Ух ты, - шепчу я, затаив дыхание, когда она прижимается лицом к моей шее, мои руки так сильно дрожат, что я уверен, она тоже это чувствует.

- Да, - соглашается она, запечатлев поцелуй на моей шее. Она делает это снова и снова, и с каждым я успокаиваюсь внутри.

Внезапно, мысль приехать сюда за ней кажется не так страшна, как раньше. На самом деле, я рад, что сделал это. Чувство, которое усиливается, когда она отстраняется от меня и, прежде чем я успеваю среагировать, наклоняется вперед и целует меня прямо в губы.

Глава 12

Нова

Я, наверное, не должна была его целовать. Это не то, зачем я приехала. Мне просто нужно было избавиться от всей грусти и боли из-за Делайлы и Тристана, и когда я подумала о месте, где у меня бы это получилось, то, первым, что пришло в голову оказаться рядом с Куинтоном.

Просто друзья, я продолжала говорить себе во время полета. *Мы просто друзья*.

Но увидев его во плоти, здорового, с медово-карими глазами полными жизни, что-то зажглось внутри меня, и, не задумываясь, я прижала свои губы к его. Я начинаю отступать, когда понимаю, что, вероятно, не следовало этого делать, но, к моему удивлению, он прижимает руку к моей спине и сближает наши тела, углубляя поцелуй. Мое тело отвечает ему, когда я обнимаю его, губы охотно раздвигаются, когда его язык все глубже проникает в мой рот. Чем дольше длится поцелуй, тем интенсивнее он становится, и, прежде чем я это понимаю, мои ноги обхватывают его вокруг талии, а его руки исследуют мое тело, прижав меня к стене. Я едва могу дышать, от нехватки кислорода мои легкие вот-вот взорвутся. Не могу больше это терпеть. Я серьезно хочу сорвать с него одежду и руками почувствовать каждую часть его тела, пока он делает то же самое со мной.

Но вдруг он отстраняется, шум вокруг нас накрывает меня, и я вспоминаю, что нахожусь в очень людном месте.

- Боже, я скучал по тебе, - шепчет Куинтон, прислонив голову к моей, его дыхание прерывистое, мои ноги все еще крепко сжаты вокруг него.

- Да, я тоже, - шепчу в ответ, купаясь в ощущениях от тепла его кожи и легкого прикосновения его дыхания.

Мы замираем на мгновение, прежде чем, наконец, он опускает меня обратно на пол. Затем он заправляет прядь моих волос за ухо, пристально наблюдая за мной. - Тебе нужно забрать что-нибудь из багажа? - спрашивает он.

Я качаю головой и, протянув руку, похлопываю сумку на спине. - Это все, что я взяла, - говорю я. - Собиралась в такой спешке, что даже не уверена, не забыла ли взять дезодорант.

Он смотрит на меня с озадаченным видом, его взгляд скользит по мне. - Ты... ты хочешь поговорить о том, что случилось?

Я поджимаю губы и качаю головой, отказываясь думать о том, что заставило меня сбежать. Не сейчас, когда момент настолько хорош. - Нет, пока нет, давай позже.

Он гладит меня по щеке. - Скажи мне, что ты хочешь, чтобы я сделал... все, что тебе нужно, и я достану это тебе.

- Даже если я скажу, что мне нужен единорог? - качаю головой. Я не знаю, почему пытаюсь шутить.

Он улыбается, вокруг его глаз появляются мелкие морщинки, и это самое красивое зрелище, которое я когда-либо видела. - Это возможно организовать, если у меня будет достаточно времени, - говорит он. - Но до тех пор, что еще нужно от меня?

Мой желудок урчит в ответ. - Как насчет завтрака?

С легкой улыбкой он кивает, а затем берет мою руку. - Тогда идем завтракать.

Мы выходим за дверь и направляемся к парковке, держась за руки, чистое небо сияет над нами. Это кажется странным, но в то же время правильным. Такое чувство, что я принадлежу этому миру, и мне нравится это чувство, но в то же время я ненавижу его, потому что знаю, что не смогу его надолго сохранить. Я должна рассказать о том, что заставило меня сбежать.

* * *

- Так ты умеешь готовить? - говорю я, пока он разбивает яйца в сковороду. Я, честно говоря, ожидала, что мы поедем в ресторан или Макдональдс, чтобы позавтракать, но вместо этого он привез меня к себе домой, частично пустой и заставленный коробками.

Он пожимает плечами, понижая температуру плиты, когда яйца начинают

шипеть. - Да, но в этом нет ничего особенного. - Он улыбается мне через плечо.

Я улыбаюсь в ответ. - А бекон ты тоже можешь сделать?

- Ты такая привереда, - шутит он со смешком. - Но если кто и заслуживает этого, то это ты.

Мое выражение лица меняется. - Я не такая хорошая, как ты думаешь.

Он достает тарелку из шкафа. - Пожалуйста, поговори со мной, - ставит тарелку на столешницу и кладет несколько яиц. - Мне не нравится, когда ты грустишь.

Слежу взглядом за линиями на столе с опущенной головой. - Я боюсь, что, если скажу тебе, что произошло... это будет нелегко для тебя. А я не хочу тебя расстраивать.

Он не отвечает сразу же, и когда я слышу, как он подходит, поднимаю голову. Наши взгляды встречаются, когда он ставит тарелку с яичницей передо мной. - Испытай меня.

Я осторожно смотрю на него и с трудом сглатываю. - Ты уверен? Потому что это серьезная проблема, и я знаю, как тяжело с этим бороться.

Теперь он тяжело сглатывает, садясь на стул напротив меня. - Да, я уверен. - Он тянется через стол, его рука дрожит, когда он мягко сжимает мою руку. - Я хочу, чтобы ты мне доверяла, и как я уже говорил по телефону сто раз, я не такой хрупкий, как ты думаешь.

Его прикосновение делает эту задачу немного легче. - Даже не знаю, с чего начать, - говорю я тихо. - В какую-то минуту все было в порядке, а в следующую произошло все и сразу, и мне просто нужно было убраться подальше от всего.

- В жизни такое случается, - говорит он, отпуская мою руку. - Но я уверен, что со всем, что происходит с тобой, ты можешь справиться. - Он мне улыбается и берет в руки вилку. - Ты специалист по сложностям.

Тыкаю вилкой в тарелку, решая, что единственное, что я могу сделать, это сорвать пластырь. - Я думаю, что Тристан снова принимает наркотики.

Мышцы его рук напрягаются, глаза округляются на долю секунды, но затем он быстро пытается собраться. - Как давно?

- Я не уверена, - бормочу я, размазывая по тарелке яйца, чувствуя себя слишком плохо, чтобы поесть. - У меня появились подозрения пару недель назад, но прошлой ночью кое-что произошло, и когда я ему позвонила, он сказал, что он на вечеринке и что его действительно не заботит, что дальше будет, потому что его жизнь дерьмо. - Я пропускаю инцидент с поцелуем. Это не так важно, на мой взгляд, потому что ничего не значит для меня.

Куинтон не говорит ни слова, держа вилку в руке, на его лице маска

невозмутимости. - Он сказал, что снова употребляет наркотики?

- Нет, но он так говорил, словно хотел это сделать, - говорю я, пробуя яичницу. - В последнее время он так странно себя ведет. Тусуется с каким-то подозрительным парнем, и я боюсь, что, если скажу ему об этом, он разозлится на меня. - Я выдыхаю, опускаю вилку на тарелку и массирую виски кончиками пальцев. - Есть еще кое-что, но ты можешь сказать мне, чтобы я прекратила. Я не хочу давить на тебя.

Он опускает вилку и проводит рукой по лицу с таким нажимом, что оставляет следы на коже. - Нет, я должен знать это. Мне нужно знать, что огорчает тебя.

- Ты уверен?

Он колеблется, а затем кивает. - Да. Я позитивно настроен.

Мой желудок сжимается в узел, и я надеюсь, что он справится с этим, как он говорит. - Помнишь, я рассказывала тебе о Делайле? Что она пропала, и ее мама ищет ее?

Он снова кивает, а затем его глаза округляются. - Подожди, неужели они нашли ее?

- Я не уверена, - закрываю глаза, чтобы не пролить слез. - Вчера вечером позвонила моя мама и сказала, что мама Делайлы отправилась в Вегас, чтобы... опознать тело... увидеть, она ли это.

Тишина окружает нас. Я хочу открыть глаза и посмотреть на него, но в то же время я боюсь. Боюсь, что я увижу, как тьма вернется в его глаза. Боюсь, что увижу необходимость накормить тьму. Но потом я чувствую его руку поверх моей, и прикосновение заставляет мои веки подняться.

- Все будет хорошо, - говорит он, его рука дрожит на моей. Или, может быть, меня трясет – трудно сказать.

- Я знала, что это в итоге случится, - говорю я. - Потому что проходила через это раньше... но я... боюсь...

На его лбу образуются морщинки. - Чего?

- Закрыться, - вытаскиваю руку из-под его и кладу на свое сумасбродное сердце. - Снова начать все считать. Вернуться к ОКР, снова с этим столкнуться. - Я хочу плакать, но изо всех сил пытаюсь сдержать слезы, быть сильной. - Все складывалось так хорошо, и я просто хочу, чтобы все также и осталось. - Но слезы прорывают барьер и стекают по моим щекам.

- Эй, - говорит он, вставая со стула и бросаясь ко мне. - Все будет хорошо, даже если какое-то время будет немного трудно. - Он опускается на колени передо мной и прикасается рукой к щеке, размазывая несколько слез большим пальцем. - И знаешь, откуда я это знаю? - спрашивает он, и я отрицательно качаю головой, горячие слезы проливаются по моей щеке. -

Потому что я здесь. С тобой. И мы оба трезвые. - Он чуть улыбается, а потом обнимает меня, потянув к себе. - И мы пройдем через это вместе.

Мои руки инстинктивно обвивают его и притягивают к себе, когда я кладу подбородок на его плечо. - Но что если это она?

Его мышцы напрягаются, но, когда он говорит, его голос спокоен. - Тогда мы справимся с этим вместе.

- А ты сможешь... сможешь справиться с этим? - удивляюсь я, глядя ему в глаза. Я, честно говоря, не знаю, если дело дойдет до этого, выдержит ли он это без ущерба для своего выздоровления. Если это тело Делайлы, сможет ли он справиться с этим? Я не думаю, что они были так близки, но смерть есть смерть. Это тяжело. Больно. И вес этой боли растет с каждым человеком, который уходит из нашей жизни и никогда не вернется. Куинтон много потерял, и я переживаю, что вес еще одной смерти утянет его на дно.

- Думаю да, - его голос дрогнул, но он быстро восстанавливается. - Я сделаю это для тебя... но Нова, давай не будем об этом думать, пока не узнаем точно, ладно?

Я киваю и вытираю слезы кончиками пальцев. Взяв себя в руки, откидываюсь назад и смотрю ему в глаза. - Ты довольно хорош в этом. Ты знал?

Он поднимает брови с выражением недоверия. - Ну, если это правда, то можешь поблагодарить Уилсона и его постоянное нытье.

- Можно я встречу с ним? - спрашиваю, меняя тему на более нейтральную. - Пока я здесь?

- Ты хочешь встретиться с ним? - удивляется он, положив руки мне на ноги.

- Конечно. Ты постоянно о нем говоришь последнюю пару недель, - говорю я, но, когда он хмурится, я добавляю, - Но тебе необязательно знакомить меня с ним, если ты этого не хочешь.

- Нет, я хочу, - отвечает он с оговоркой. - Это просто... - он чешет затылок. - Просто это делает вещи такими реальными, - он жестом показывает на нас. - Ты и я.

- Это ничего не значит, - говорю я, скрывая свое разочарование. - Мы все еще можем быть просто друзьями.

Его губы сжимаются в тонкую линию, пока он не отрывает от меня взгляд. - Я не уверен, что смогу это сделать. Не тогда, когда ты здесь, - он закрывает глаза и его грудь поднимается и опускается, когда он делает глубокий вдох-выдох. - Не после этого поцелуя.

- Я сожалею об этом, - я извиняюсь, хотя тут я кривлю душой. - Я чувствую, что оказала на тебя огромное давление, появившись здесь. Я

должна была подумать об этом.

Он открывает глаза, в которых отражается свет, идущий из комнаты. Помню, когда я впервые встретилась с ним, сколько боли в них было, а в Вегасе они были пустыми. Но теперь они другие... он другой – более живой. - Нет, я хочу быть здесь с тобой... ты так много значишь для меня. - Он размышляет о чем-то с потерянными выражением на лице. - Просто скажи мне, что ты хочешь сделать, и мы сделаем это.

Я думаю о том, чего хочу, но на ум приходит много невозможных сценариев, например, чтобы все было хорошо, чтобы с Делайлой все было в порядке, поэтому я решаю остановиться на чем-то простом. - Я хочу увидеть город, - говорю я. - Я никогда не была здесь раньше.

- Как долго ты планируешь здесь пробыть? - он поднимается на ноги и снова садится, чтобы доесть завтрак.

- Я должна вернуться домой завтра... я работаю на следующий день после Рождества, и я пообещала Леа, что проведу Рождество с ней.

Не могу сказать, доволен ли он этим или нет, но потом он улыбается. - Только один день в Сиэтле. Я точно знаю, куда нужно идти.

- Да? Куда? - я ковыряюсь в своей тарелке.

- Это сюрприз. - Затем он подмигивает мне и просто вид того, что он счастлив, дает мне надежду на то, что, несмотря на всю темноту и неправду, происходящую сейчас, все будет хорошо.

Глава 13

Куинтон

Довольно странно видеть Нову здесь, но не так странно, как я думал. На самом деле, несмотря на мою нервозность, кажется удивительным, что она рядом со мной. Интересно, что это значит. Что все не так плохо, как раньше?

Но утешительное чувство постепенно покидает меня, когда мы садимся в автобус и едем в город, чтобы увидеть Спейс-Нидл [10]. Я вспоминаю о том, как мы с Лекси делали это, и понимаю, что мне не стоило повторять это с Новой, но пока я сижу рядом с ней и держу ее за руку, я не могу заставить себя возвести преграду между нами.

- Сиэтл гораздо больше, чем я думала, - замечает она, наблюдая за городом через окно. У нее в руках телефон, и время от времени она записывает видео, смотря на мир через объектив.

Город сейчас очень заполнен, потому что это день перед Рождеством.

Много прохожих спешит по улицам с сумками. На окнах и витринах сияют праздничные огни.

- Это определенно не Мейпл-Гров, - соглашаюсь, наклоняясь к ее плечу, чтобы посмотреть на здания вместе с ней. Исходящий от нее аромат ванили наполняет мои ноздри, и я ничего не могу с собой поделать, прикасаясь губами к ее голове. Просто легкий поцелуй, хотя жажда осыпать ее жаркими поцелуями никуда не делась.

- Он такой большой и занятой, - говорит она, прислоняясь ко мне и вздыхая. - И блестящий. Как большое зеркало... и все эта предпраздничная суэта... Клянусь, я действительно чувствую Рождество в воздухе.

- Раньше я часто рисовал это время, - признаюсь я, прижимая ноги к креслу, когда мимо проходит дама на костылях. - Даже выиграл художественный конкурс с одним из своих рисунков, когда учился в старшей школе.

Она поворачивает голову, и мы так близко, что почти соприкасаемся губами. - Я хочу увидеть твои зарисовки, пока я здесь. Те, которые ты рисовал раньше.

Мои брови хмурятся, когда я задумываюсь, могу ли справиться с этим. - А знаешь, что? Думаю, я бы тоже хотел, чтобы ты их увидела ... Мне бы хотелось, чтобы ты увидела, что я не всегда был настолько не в себе и мог рисовать со смыслом.

- Я думаю, что все, что ты рисуешь, имеет смысл, - говорит она, солнечный свет бликует в ее зеленовато-голубых глазах. - Просто некоторые рисунки навеяны печалью.

Ее слова поражают меня прямо в сердце. Она так понимает меня, и все, что я хочу сделать, это поцеловать ее. Без какого-либо предупреждения я прикасаюсь губами к ее. И она не отстраняется, отвечая на поцелуй, приоткрыв рот, когда я проникаю языком глубже. Уверен, что на нас смотрят, но мне все равно, и я прижимаюсь к ней ближе, вынуждая ее прислониться к стеклу.

И так продолжается, пока мы не достигаем своей остановки, чуть не упустив ее, потому что так поглощены друг другом. Мы выходим, держась за руки, холодный воздух становится чуть более терпимым, когда мы идем рядом.

- Ты часто приходишь сюда? - спрашивает она, откинув голову назад, чтобы посмотреть на верхнюю часть башни, простирающуюся к небу, и поднимая телефон с камерой, чтобы сделать снимок. Я киваю, смотря не на здание, а на нее. Трепет в ее взгляде более очарователен, чем все, что

происходит вокруг. То, как ее глаза выглядят кристально голубыми в тени, но зеленеют, когда она наклоняется к свету. То, как ее волосы движутся вместе с ветром, и то, как она нервно закусывает нижнюю губу. Ее образ завораживает, и мне интересно, будет ли так всегда, если мой разум будет достаточно чистым, чтобы осознавать это. Хотя я чувствую себя под кайфом прямо сейчас. Нова – мой наркотик. Интересно, это нормально?

- Что? - внезапно спрашивает она, глядя на меня, и наши взгляды встречаются.

Я качаю головой, не в силах оторвать взгляд. - Ничего. Ты просто красивая. Вот и все.

Ее щеки немного розовеют, и это самая восхитительная вещь, которую я когда-либо видел.

- Спасибо, - смущенно говорит Нова.

Я улыбаюсь. – Давай, - тяну ее к входу, пока она совсем не застеснялась. - Наверху намного интереснее.

Она смеется и позволяет вести ее вверх по лестнице к входным дверям, где мы расплачиваемся и поднимаемся на лифте к смотровой площадке. Ледяной ветер дует со всех сторон и жжет мои щеки. Мы так высоко, что кажется, мы парим над землей, и я держу Нову, пока она записывает панораму, оставаясь позади нее, положив руки ей на бедра, боясь отпустить, когда она наклоняется вперед и смотрит на вид внизу.

- Город выглядит таким маленьким отсюда, - замечает она, оглядываясь через плечо, все еще держа перед собой телефон. - Я чувствую себя птицей.

Улыбаясь, я раскидываю руки и беру ее, делая вид, что у нас есть крылья. Она смеется, отворачиваясь и вновь обращая внимание на вид и камеру. Мы молча стоим довольно долгое время, наблюдая, как люди приходят и уходят, воздух становится холоднее, а небо темнее. Я хочу спросить ее, готова ли она уйти, но чувствую, что она ждет какой-то момент, поэтому молчу, задаваясь вопросом, о чем она думает и сможет ли когда-нибудь поделиться этим.

- Лэндон боялся высоты, - неожиданно говорит она, глядя прямо перед собой, продолжая запись. - Мы даже не могли покататься на колесе обозрения, когда в город приезжали аттракционы.

- Лекси боялась жуков, - тихо говорю я, положив подбородок ей на голову, мои руки сильнее обхватывают ее талию, потому что я должен за что-то держаться, в противном случае я почти уверен, что рухну от адреналина и эмоций, наполняющих меня. - Я должен был давить их

каждый раз, когда она их видела.

- Я тоже не их фанат, - признается она. - Но это не то, чего я боюсь больше всего.

- Чего же ты боишься больше всего? - смею я спросить, напрягаясь, ожидая ее ответа.

- Жизни, - говорит она, оглядываясь через плечо на меня. - И того, что ждет меня впереди. А ты?

Мой шрам на груди начинает гореть, ощущение, будто он раскрывается, причиняет боль всему телу, но, несмотря на это, мне удается сказать. - Прошлого и невозможности его забыть.

Она кивает, понимая, и я рад, что мне ничего не нужно объяснять ей. С ней все намного проще, в отличие от моего терапевта, который хочет, чтобы я все объяснял. Нове не нужно объяснять. Боже, это удивительно, что она делает для меня. Как мне повезло, что она здесь со мной.

- Лэндон говорил, что устал от жизни, - шепчет она. - И что он не может найти смысл жить дальше, поэтому он просто сдался... такое чувство, что многие сдаются, и я не понимаю, почему.

- Потому что так проще, - говорю я. - Чем жить и бороться, чтобы выжить.

- Но оно того стоит? - спрашивает она с такой большой надеждой в глазах, что я тоже чувствую малейшую надежду. - Правда?

- Раньше я так не думал... Раньше я думал, что единственный способ справиться со всем - это сдаться, но сейчас... - замолкаю, глядя ей в глаза. - Но сейчас это уже не так просто.

Она поджимает губы, поворачиваясь ко мне, а затем проводит пальцами по моей щеке. - Хорошо. Потому что я не хочу, чтобы ты сдался. Ты нужен мне здесь. - Затем она поднимается на цыпочки и целует меня, и на мгновение все кажется идеальным. Я не уверен, заслуживаю ли я этого или нет. Правильно ли это или неправильно, но, несмотря на все, я эгоистично принимаю это сейчас, потому что хочу ее больше всего на свете.

Глава 14

Нова

Мы проводим остаток дня, гуляя по городу, и я даже останавливаюсь в нескольких магазинах, чтобы купить пару рождественских подарков в последнюю минуту. Мы болтаем пока я все записываю на камеру, но только потому, что я хочу, чтобы что-то напоминало мне об этом дне. Признаюсь,

трудно ходить, как ни в чем не бывало, когда над твоей головой нависает такой огромный страх. Страх смерти. Становится только сложнее, когда я получаю сообщение от Джексона, которого я так опасалась.

Джексон: Ты серьезно играла в группе с Леа?

- Дерьмо, - ругаюсь я, прочитав текст. Мы сидим на скамейке в парке, наблюдая за проходящими мимо людьми, Куинтон бросает на меня озадаченный взгляд.

- Что случилось? - спрашивает он, положив руку на спинку скамейки позади меня.

Я качаю головой, читая текст еще раз. - Джексон узнал, что я играла в группе с Леа.

- И что? Скажи ему, что ты сделала это лишь потому, что она твоя подруга, - говорит он, и солнечный свет отражается в его глазах.

- Я думаю, что он зол, = говорю я, и пишу ответ Джексону.

Я: прости, но ей действительно нужна была моя помощь. Мне плохо из-за этого.

Джексон: ты знаешь, что это похоже на настоящее предательство. Блин, Никко зол как черт. Он точит зуб на Брэкстона и говорит, что тот увел его девушку год назад.

Я: скажи ему, что мне жаль.

Джексон: в данный момент это не поможет.

Я собираюсь ответить, когда приходит другое сообщение.

Джексон: он хочет выгнать тебя из группы.

Я: пожалуйста, не надо. Скажи ему, что мне очень жаль, и что я все улажу.

- Или как насчет того, чтобы сказать им, чтобы они забили на это, - говорит Куинтон, и я понимаю, что он читает мои сообщения из-за плеча. - Не позволяй им манипулировать тобой, Нова.

- Они не манипулируют мной. Даю слово, - говорю я, но не чувствую, что я честна перед самой собой. - Это специфика работы в группе.

Он заносит ногу на ногу и качает головой. - Детка, ты иногда слишком мила. Тебе нужно быть более настойчивой.

Мы оба замираем на несколько секунд, когда понимаем, что он назвал меня деткой. Я не уверена, нравится мне такое обращение или нет, но в то же время мне нравится, что это звучит из его уст.

- Извини за детку, - говорит он, его пальцы ласкают мою шею. - Я не хотел, чтобы так вышло... на самом деле, я всегда думал, что это глупое прозвище.

Телефон вибрирует в моей руке, но я не смотрю на него. - Все в порядке,

- говорю я. - Ты можешь дать мне прозвище, но, возможно, это будет не детка.

Он закусывает нижнюю губу. - Тогда как ты хочешь, чтобы я тебя называл? Сладкая?

Я качаю головой. - Слишком приторно. И я не сладкая.

- Позволю себе не согласиться, - говорит он задумчиво. - Но, если ты не хочешь, чтобы я так тебя называл, я не буду.

- Мне всегда нравилось, когда ты называл меня Нова, как автомобиль, = признаюсь я, желая разбить свой телефон об землю, когда он снова вибрирует. Мне следует быть более обеспокоенной тем, что группа злится на меня, но, будучи здесь, все кажется таким далеким.

Уголки его губ поднимаются. - Это очень длинный ник.

- Ну тогда, что насчет этого, - говорю я. - Зови меня просто Нова, за исключением особых случаев, таких, как мой день рождения и твой, и тогда ты будешь называть меня Нова, как автомобиль.

Он увлажняет губы языком, и мне хочется снова его поцеловать... и никогда не останавливаться. - Звучит неплохо, - говорит он, а затем наклоняется, касаясь губами моих губ, словно читает мои мысли.

Это быстрый поцелуй, и мы отстраняемся, когда мой телефон вибрирует в четвертый раз.

Джексон: я сказал ему, что ты сожалеешь, но он все еще зол.

Джексон: Нова, я думаю, мы действительно должны выгнать тебя, по крайней мере, на некоторое время.

Джексон: Нова, какого черта. Пожалуйста, ответь.

Никко: я не могу поверить, что ты играла в другой группе.

Я смотрю на экран целую вечность в раздумьях, что ответить. Чем больше я думаю об этом, тем больше волнуюсь, а сейчас это не то, что мне нужно. В итоге я убираю телефон и кладу голову на плечо Куинтона.

- Ты в порядке? - спрашивает он.

Я киваю. - Да, или, по крайней мере, буду. Мне просто нужно немного отвлечься и перевести дух.

Он не спорит, положив голову на мою, и мы сидим так в течение следующего часа. Это, наверное, один из лучших часов, которые были в моей жизни, и, если бы я могла, я бы просто осталась так, застыв во времени, но я знаю, что не могу. Это часть моей проблемы. Нежелание отпускать. Страх перемен. Страх, что произойдет, если я изменю свою жизнь. Если рискну.

Наконец, солнце начинает садиться, и мы встаем со скамейки и возвращаемся домой. Но прежде мы останавливаемся на строительной

площадке, и Куинтон показывает мне дом, над которым он работает. На данный момент не все готово, но я понимаю, почему он так гордится. Ведь он строит дом для семьи, которая в этом нуждается.

- Это удивительно, - говорю я, обходя вокруг первого этажа, в котором нет стен. Пол из фанеры. На земле установлены прожекторы, чтобы осветить территорию, так как люди много работают в темноте, чтобы закончить дом. - Это похоже на настоящий дом.

Он смотрит на меня. - В отличие от поддельного?

Я смеюсь, а затем игриво ударяю его по руке. - Ты знаешь, что я имею в виду.

Он смеется, и этот звук настолько захватывает дух, что я достаю телефон и записываю его. - Улыбнись, пожалуйста, - говорю я ему, направив на него камеру.

- Ты собираешься записывать все? - удивляется он, когда я увеличиваю его лицо.

Я опускаю камеру, хмурясь. - Извини. Тебя это беспокоит?

Он качает головой, кажется искренне. - Нет, я просто хочу знать. Вот и все.

- О, - поднимаю камеру вверх, и его изображение снова появляется на экране. - Я перестану. Просто хочу запомнить все это... и съемка помогает мне чувствовать себя лучше.

- Ну, тогда записывай, пока я буду проводить для тебя экскурсию, - говорит он, включая фонарик, затем ведет меня по дому, знакомя меня с людьми здесь и там. Он так много улыбается, показывая мне, что сделал. Он гордится своим достижением, и так и должно быть. Это вдохновляет меня.

- Ты выглядишь таким счастливым, - осмеливаюсь сказать, когда мы поднимаемся по лестнице на второй этаж.

Он удивленно вскидывает брови. - Правда?

Утвердительно киваю, заправляя прядь волос за ухо. - Это вдохновляет меня на свершение таких же поступков, - говорю я. - Ну, не совсем таких же, потому что я не умею строить, но я хотела бы помогать людям каким-то образом.

- Ты помогаешь людям больше, чем ты думаешь, - уверяет он, замолкая, когда мы поднимаемся на верхний этаж.

Я замечаю парня возраста примерно тридцати лет с щетиной, одетого в клетчатую куртку, который бьет молотком по дереву. Музыка в стиле кантри доносится из небольшого приемника в углу и одиночный прожектор, расположенный в самом центре, озаряет темноту ночи.

- А это Уилсон, - говорит Куинтон, приближаясь к парню с каким-то беспокойным выражением на лице.

Уилсон бросает взгляд на Куинтона, вздрагивая. - Святое дерьмо, я не видел, как ты сюда зашел. - Его глаза устремляются на меня, и он опускает молоток. - Кто это? - спрашивает он, похоже, уже зная, кто я.

- Это Нова, - говорит ему Куинтон, засунув руки в карманы джинсов.

Уилсон меняется в лице, отложив инструмент на пол, и вытирая руки по бокам штанов. - Приятно познакомиться, - говорит он, подходя ко мне с протянутой рукой.

Я пожимаю его ладонь. - Приятно познакомиться. Я много слышала о вас.

Уилсон смотрит на Куинтона с задиристым выражением лица, и Куинтон закатывает глаза, качая головой. - Ну, я надеюсь, только хорошее, - говорит Уилсон, возвращая свое внимание ко мне.

Киваю, отпуская его руку. - Да, всегда только хорошее.

Улыбаясь, Уилсон наклоняется, чтобы поднять бутылку воды с пола. - Ладно, и еще я должен сказать, что мне нравится твое имя.

- Спасибо, - говорю я ему, взглянув на Куинтона, и гадая, рассказал ли он Уилсону эту историю. - Меня назвали в честь автомобиля моего отца.

- Я знаю, - говорит Уилсон, делая глоток воды перед тем, как поставить бутылку обратно на землю возле синего ланчбокса. - Куинтон рассказал мне, и я должен сказать, что у твоего отца был отличный вкус в автомобилях.

Он сказал «был», значит, он знает, что мой отец скончался, и Куинтон рассказывал ему обо мне. По какой-то причине мне нравится мысль, что он говорил обо мне с Уилсоном, мнение которого, я знаю для него важно, даже если он не показывает этого.

После того, как мы немного поболтали, Уилсон спрашивает, не хотим ли мы помочь ему. Куинтон начинает мотать головой, но я соглашаюсь, мне нравится идея делать то, что поможет другим. Хотя я, на самом деле, не особо помогаю, так как ничего не смыслю в строительстве, но я подаю инструменты, когда они им нужны. Я замечаю много вещей, пока наблюдаю за их работой, например, как счастлив Куинтон. Он шутит и время от времени подходит и дарит мне поцелуй в лоб или щеку, словно боится, что если он этого не сделает, он упустит свой шанс. Такое чувство, что мы действительно можем быть парой или, по крайней мере, близкими друзьями. Последний раз у меня было такое чувство с Лэндоном, и я никогда не думала, что снова его испытаю, но, кажется, была неправа. Я хочу тех отношений, что у меня были с Лэндоном и Куинтоном, только

лучше. Я хочу, чтобы мы могли говорить обо всем, несмотря ни на что, даже если это трудно.

- Что? - спрашивает Куинтон в какой-то момент, на его лице читается любопытство, и я понимаю, что смотрю на него широко улыбаясь.

Качаю головой, не в состоянии сдержать улыбку. - Это ничего не значит. Я просто чувствую себя лучше. Вот и все.

- Хорошо. Я рад. - Он улыбается в ответ и начинает забивать молотком гвоздь, а я продолжаю наблюдать, как он двигается, потому что нахожу это увлекательным. После того, как он прибивает доску, он смущенно оглядывается. - А куда ушел Уилсон? - спрашивает Куинтон.

Я указываю на лестницу. - Он что-то пробормотал насчет того, что пойдет проверить ребят внизу, и побрел в этом направлении.

- Черт, я даже не видел, как он ушел.

- Это потому, что ты весь в работе.

Он улыбается мне, а затем поворачивается, чтобы вернуться к работе в то время, как песня на радио меняется на медленную.

- Здесь действительно красиво, - говорю я, глядя на небо через небольшой участок, где еще нет крыши. - Можно увидеть столько звезд.

- Знаешь, я помню, когда в последний раз смотрел на звезды, - говорит Куинтон, приближаясь ко мне. - В Вегасе... мы играли в двадцать вопросов, а потом танцевали.

Я смотрю на него. - Да, и ты обещал мне повторить. А знаешь, я действительно хотела бы увидеть твои звездные танцевальные навыки снова. Те, которым научила тебя твоя бабушка.

- Да, я бы никогда не признался тебе, если бы не был под кайфом, - говорит он, кажется немного смущенно. - Ну да ладно, - он протягивает руку. - Хочешь потанцевать?

Я оглядываю дом без стен, звук электроинструмента наполняет воздух. - Прямо здесь?

Он кивает, тогда я вкладываю руку в его, и он тянет меня к себе. Затем он возвращается к приемнику в углу и включает звук так громко, что я почти ничего не слышу, кроме музыки и слов.

- Знаешь, я никогда не была поклонницей музыки кантри, - замечаю я, пока он идет обратно ко мне.

- Ха, ну, теперь я знаю о музыке то, чего не знаешь ты, - говорит он, положив руки мне на бедра. - Потому что я слушаю это все время.

Я обнимаю его за шею. - Ты фанат?

Он качает головой. - Нет, но я знаю текст этой песни.

- Я бы не стала этим гордиться, - шучу я.

- Неважно, - говорит он, начиная покачиваться в такт музыки. - Ты такой специалист в музыке, но в этот раз я сделал тебя.

- Да, ты меня уделал, - говорю с особым смыслом, который, я думаю, он улавливает. Но меня это не волнует. Он рядом со мной в данный момент. Я полностью растворяюсь в нем, и все плохое, что дышит мне в спину, исчезает. И это по-прежнему не существует, когда мы танцуем, смеясь, когда он отталкивает меня и заставляет покружиться. И когда он притягивает меня к себе, я не могу удержаться от улыбки, положив голову ему на плечо.

- Куинтон, спасибо, - говорю я мягко, держась за него.

- За что? - недоумевает он.

- За то, что я чувствую себя лучше, - после моих слов его мышцы напрягаются. - Мне действительно это было нужно.

Он замолкает, а затем притягивает меня ближе, положив подбородок на мою макушку. - Всегда пожалуйста, Нова, как автомобиль.

Мы танцуем еще под одну песню, а потом появляется Уилсон, застукав нас с поличным. Он начинает шутить, что всегда знал, что Куинтон романтик, и Куинтон делает вид, что рассержен, но я не думаю, что его это действительно задевает.

Примерно через час мы уходим и возвращаемся в дом Куинтона. Чувствую себя довольно странно, прогуливаясь под звездами вместе с ним. Я рада, что поступила импульсивно и приехала сюда. Однако уже поздно, и я знаю, что через несколько часов мне придется лечь спать, а затем, когда я проснусь, магия этого дня закончится, и мне нужно будет вернуться домой. Но я стараюсь не думать об этом и сосредоточиться на времени с ним.

Когда мы возвращаемся в дом, его отец все еще на работе, поэтому Куинтон готовит нам ужин - жареный сыр и суп. После того, как мы заканчиваем, я помогаю ему убрать посуду.

- Чем ты хочешь заняться? - спрашивает Куинтон, ставя последнюю тарелку в посудомоечную машину. Рукава его рубашки закатаны, и на лбу осталось немного грязи, которую я, протянув руку, вытираю.

Смотрю на грязь на своих руках, а потом обнюхиваю себя. - Я чувствую себя отвратительно, - говорю я, сморщив нос. «Можно мне принять душ?»

- Конечно, - он закрывает дверь посудомоечной машины. - Я покажу тебе, где находится ванная.

Он отводит меня в ванную наверху, затем ненадолго задерживается в дверях, кажется, будто он хочет что-то сказать, но прокашлявшись, оставляет меня, чтобы я могла принять душ. Сняв рубашку и выскользнув из джинсов, включаю воду и присаживаюсь на край ванны, ожидая, когда она

нагреется, чтобы можно было погрузиться и все с себя смыть. Это был долгий день, без сомнения. Но он помог мне почувствовать себя лучше и понять, что бы ни случилось с Тристаном, Делайлой и моей группой, я справлюсь. Надеюсь, что я права. Надеюсь, что я не сломаюсь. Надеюсь, что я достаточно сильна, чтобы пройти через все, что ждет меня впереди.

Я собираюсь снять нижнее белье, когда слышу стук в дверь. – Да, - отвечаю я робко.

- Это я, - произносит Куинтон с другой стороны двери. - Я принес тебе полотенца.

- О, - смотрю на свою одежду на полу, гадая, не надеть ли ее. Затем, решив, что я не хочу больше быть стеснительной Новой с ним, подхожу к двери и открываю ее. Высовываю голову, не обращая внимания на прилив жара, который обдает меня из-за его взгляда. – Спасибо. - Забираю у него полотенца, и наши руки соприкасаются, вызывая горячий всплеск, пульсирующий по моим венам, и я с трудом сопротивляюсь, чтобы не вздрогнуть.

- Пожалуйста, - его голос звучит не в той тональности, и я ловлю его взгляд, скользящий вниз по моей открытой ноге.

Я думаю о том, чтобы скрыться из его поля зрения, но потом понимаю, что не хочу. То, что я хочу сделать, так это открыть дверь шире и перейти на новый уровень отношений, чего я никогда не испытывала прежде, даже с Лэндоном. Я не хочу бояться. Не хочу больше прятаться. Жизнь слишком коротка, чтобы скрываться. Я просто хочу Куинтона. Сейчас. Больше не нужно ждать, как я делала в прошлом.

Его глаза медленно возвращаются к моим, и он моргает, словно изгоняет мысли из головы. - Я должен идти, - шепчет он, его голос напряжен.

- Куинтон, я...

Я даже не уверена, кто на самом деле делает это. Толкает ли он дверь до конца, или я открываю ее, но вдруг она качается и ударяется о стену, когда я отступаю. Я стою перед ним в нижнем белье, чувствуя, что мне должно быть стыдно, но это не так.

- Боже, ты прекрасна. - Он протягивает руку и кладет мне на бедро, нежно потянув, чтобы наши тела сблизилась.

С моих губ срывается стон, когда кончики его пальцев касаются моей кожи, и этот контакт с трудом удерживает меня на ногах. Такое ощущение, что ему больно, он разрывается из-за того, что делать дальше, но потом он делает еще один нежный рывок и через несколько секунд наши губы сталкиваются. Клянусь Богом все эмоции, что мы сдерживали из года в год выходят наружу, когда мы сближаемся, наши языки переплетаются, руки

блуждают по телу друг друга. Вся страсть. Жар. Страх. Беспокойство. Тоска. Желание. Необходимость. Сопротивление. Все это мгновенно пронзает мое тело и почти заставляет опуститься на пол. Но он держит меня, его рука упирается в стену, чтобы удержать нас обоих на ногах. Жар его тела опьяняет, заставляя меня чувствовать, что я таю везде, где он касается меня. И все, о чем я могу думать, это как сильно я хочу его. Сколько я ждала этого момента.

Но затем он отстраняется, разрушая связь. - Нова, может быть, мы не должны делать этого, - его дыхание рваное, глаза ошалевшие, словно он дезориентирован. - Не сейчас, когда ты так расстроена.

- Я больше не расстроена, - моя грудь вздымается, руки на его плечах. - И я делаю это, потому что хочу этого... я хочу тебя, Куинтон. - Мои щеки краснеют, когда я говорю это, но я не хочу отречься от своих слов. Я никогда раньше не говорила такого парню.

Он все еще сомневается, но, когда я наклоняюсь вперед, чтобы поцеловать его, он не сопротивляется, его язык проникает в мой рот. Через несколько минут душ выключен, и мы покидаем ванную, прокладывая дорогу в спальню, не разъединяя губ.

Первое, что я замечаю - это его запах повсюду, смесь одеколона и сигарет. Это напоминает мне о другом месте и времени, где я был потеряна. Воспоминания чрезвычайно пьянящие, но в хорошем смысле, потому что я больше не в этом месте, и это напоминает мне о том, как далеко мы продвинулись - как далеко я зашла.

Затем я замечаю голые стены и отстраняюсь. - Ты снял большую часть своих рисунков и фотографий? - спрашиваю, отметив, что на стене осталось только три. Один эскиз девушки, должно быть Лекси, вместе с ее фото, и одно фото женщины, я думаю, это его мама, потому что ее глаза похожи на глаза Куинтона.

Он кивает с нервозностью в глазах, заправляя прядь моих волос за ухо. - Да, я действительно сделал это сегодня утром, прямо перед тем, как ты позвонила... я проснулся и просто решил, что время пришло. - Он пожимает плечами, словно это небольшое дело, но это не так. Это огромный шаг. Я знаю, потому что прошла через что-то подобное с фотографиями Лэндона.

Ошеломленная, я возвращаю свое внимание к нему. - Ты должен был сказать мне. Ты сделал огромный шаг.

Он касается моей нижней губы большим пальцем, на его губах появляется улыбка, и он качает головой. - Перестань беспокоиться обо мне, Нова. Со мной все будет в порядке... если бы они еще были здесь, вот тогда

надо было бы беспокоиться. - Его голос колеблется. - Хорошо, что я сделал этот шаг, хоть это и было трудно.

- Я знаю, как тяжело тебе это далось... но я горжусь тобой, - обнимаю его за талию. - Ты молодец.

Его дыхания учащается. - Я надеюсь, что смогу остаться таким.

- Сможешь, - говорю я. - Я знаю, что ты сможешь.

Он тяжело сглатывает, а затем наклоняется и прижимается губами к моим, у меня перехватывает дыхание. И просто так все мои сомнения исчезают. Даже когда он расстегивает лифчик и снимает с меня трусики, я едва нервничаю. Я чувствую только его, когда помогаю ему снять рубашку через голову, а затем провожу пальцами по его мышцам, купаясь в своих ощущениях. Его тепло. То, как его сердце бьется в груди, когда я прижимаю к нему ладонь. Гладкость его кожи. Единственная вещь, которая причиняет мне боль, это ощущение шрама и вид татуировок, и он морщится каждый раз, когда я прикасаюсь к ним.

- Ты в порядке? - спрашиваю, убирая руку от шрама.

Его веки дрожат, страх наполняет глаза. - Я в порядке... просто нервничаю.

- Хорошо. Я рада, что я не одна такая, - не хотела говорить это вслух, слова просто выскользнули.

Он робко мне улыбается, когда мои щеки начинают краснеть, но затем он снова начинает целовать меня, медленно и чувственно, как будто наслаждается каждой секундой, каждым касанием пальцев, каждым переплетением наших языков. Когда он подталкивает меня к кровати, я двигаюсь вместе с ним, позволяя ему уложить меня и накрыть мое тело своим. Его пальцы бродят по всему телу, не пропуская ни одного участка, лаская бедра с внутренней стороны, прежде чем проскальзывает внутрь меня и начинает ими двигать. Я сжимаю одеяло, пытаюсь удержаться, когда теряюсь в ощущениях, которых, как мне казалось, не существовало. Ощущения, когда ничего не существует, кроме нас двоих. Это самое удивительное чувство, которое я не испытывала очень долгое время. Все напряжение и беспокойство растворяется. Все плохое временно отступает. И я не могу сдержать стоны, когда что-то глубоко во мне взрывается, и я не хочу ничего, кроме как навсегда удержать это чувство. Но спустя несколько секунд, оно медленно исчезает, и я возвращаюсь к реальности.

Куинтон

Чувствовать ее вот так... прикоснуться к ней... это мощнее и пьяняще, чем наркотик. Если бы я мог, то хотел бы остаться в этом состоянии навсегда,

пробовать ее на вкус и прикоснуться к ней, пока мое сердце не перестанет биться, и последний выдох не сойдет с моих уст. Ее вид с запрокинутой назад головой и глазами полными удовольствия, заставляет меня сожалеть, что я не могу остановить мгновение, чтобы нарисовать ее.

- Куинтон, - стонет она, отпуская одеяло и хватаясь за меня, как будто от этого зависит ее жизнь.

Это одно из самых страшных чувств, которые я когда-либо испытывал. Она так сильно хочет и нуждается во мне, как и я в ней. Это неожиданно. Незаслуженно. Но неизбежно. Теперь я знаю это. Заслуживаю ли я этого, и если это не так, то я веду себя эгоистично, отпуская Лекси и будучи искренен с кем-то еще, но я не могу это остановить. Нова владеет моим сердцем, и я не могу забрать его у нее.

Поэтому я продолжаю подталкивать ее к пропасти, позволяя ей затеряться, пока она полностью не распадается в моих руках. После того, как она доходит до точки, я припадаю губами к ней и целую ее, исследуя и запоминая каждый ее дюйм. Ее руки начинают блуждать по моему телу и тянутся к пуговице на джинсах. Легким движением пальцев, она расстегивает ее, а затем скользит рукой вниз и поглаживает меня. Часть меня хочет ее остановить - замедлить ход событий - но я слишком далеко зашел, чтобы отступить. Прежде чем я осознаю, что делаю, я отталкиваюсь от нее, чтобы снять джинсы. Затем, вытащив из ящика тумбочки презерватив, возвращаю свое тело поверх ее, пробормотав что-то о том, уверена ли она. Она с энтузиазмом кивает, и спустя несколько мгновений я проскальзываю внутрь нее уже без колебаний. Она морщится, боль в ее теле заставляет ее мышцы напрячься, а ноги плотно прижать к моим бедрам.

Я делаю паузу, тяжело дыша, глядя на нее сверху вниз. - Ты в порядке?

Она кивает, ее руки скользят по моей спине, взгляд устремлен на меня, ее каштановые волосы рассыпались ореолом вокруг ее головы, когда она лежит на кровати, глядя на меня. - Да, просто давай помедленнее

Кивнув, я снова медленно вхожу в нее, и она хватается за спину и притягивает к себе. С каждым толчком она расслабляется, и прежде чем я это осознаю, она ритмично движется со мной. Жар накапливается во мне, моя кожа влажная от пота, а сердце бешено колотится груди, все мое внимание сосредоточено на ней и потерянном взгляде в ее глазах, когда я подталкиваю ее все ближе и ближе к краю, пока мы оба едва себя сдерживаем.

Я никогда не думал, что испытаю это снова. Никогда не думал, что было бы возможно быть с кем-то еще и не чувствовать боль и тоску, но в какой-

то момент все это уходит, и я свободен.

* * *

- Куинтон, - Нова широко раскрывает глаза, задыхаясь и цепляясь за меня, поднимая свои бедра, чтобы встретиться с моими в последний раз, прежде чем я теряю связь с реальностью, уплывая в место наслаждения - место, которое я мог достичь, только принимая наркотики в течение последних двух лет. Это ломает меня, а затем снова соединяет и на кратчайшее мгновение, кажется, что все будет хорошо.

После того, как мы оба переводим дух, я медленно выскользываю из нее, а затем мы лежим рядом, наши пальцы переплетены, пока мы молча осознаем, что только что произошло. Я чувствую себя по-другому. Изменившимся. Запутавшимся. Смущенным. Потерянным. Виноватым. Счастливым. Я даже не знаю, что делать с последней эмоцией. Я привык к более сложным, мрачным эмоциям, с которыми боролся в прошлом. Пока я лежу там, пытаюсь разобраться в своих эмоциях и пытаюсь понять, как с ними справиться, Нова перекачивается на бок и смотрит на меня. - Скажи мне, о чем ты думаешь? - спрашивает она, приподнявшись на локте, одеяло прилегает к ее телу. Она застенчиво натягивает его на грудь. - Мне нужно знать, иначе я буду сидеть здесь, волнуясь, что ты... что ты сожалеешь о том, что только что произошло.

- Что? - недоуменно смотрю на нее. - Почему ты думаешь, что я сожалею?

- Потому что ты ведешь себя так тихо, - она прикусывает нижнюю губу. - И я не могу прочесть твои мысли.

Переворачиваюсь на бок, а затем сажусь, заставляя ее сбросить одеяло, вид ее обнаженной груди и большие глаза заставляют мое сердце учащенно биться. - Я думал о том, как удивительно это было, - говорю я, проводя пальцем линию по ее ключице. - И как... - у меня уходит секунда, чтобы набраться сил и сказать это. - И как сильно я хочу нарисовать тебя прямо сейчас, чтобы потом можно было вспомнить этот момент.

- Хорошо, - она почти не дышит, но не колеблется, удивляя меня, потому что я просто говорил об этом и не планировал делать.

- Хорошо, - я повторяю ее слова, нервно кивая, когда понимаю, что это происходит на самом деле - что я и она действительно здесь. Когда я достаю блокнот для рисования, мои пальцы дрожат от нервов, и я задумываюсь, если так продолжится в том же духе, насколько хорошо получится эскиз.

- Где ты хочешь, чтобы я села? - спрашивает Нова, пока я устраиваюсь на

кровати с этюдником на коленях и карандашом в руке.

- Оставайся в этом положении, - говорю я ей, скользя взглядом по ее телу, наполовину прикрытым одеялом, ее щеки в веснушках покраснелись, а глаза наполнены светом. Это прекрасно. Она идеальна.

- Хорошо, - говорит она несмело, ее мышцы напряжены.

- Постарайся расслабиться, - говорю я ей, прижимая кончик карандаша к бумаге, и не решаясь начать, кажется, целую вечность, потому что последний раз, когда я рисовал кого-то, был с Лекси. Кажется, это должно казаться более неправильным, чем есть, но все совсем по-другому, потому что то, что происходит между мной и Новой, отличается от того, что было у нас с Лекси. Более интенсивно. Более незнакомо. Более завораживающе.

Медленно выдыхая, я начинаю двигать карандашом по чистому листу бумаги. Штрих за штрихом. Линию за линией. Ретуширую. Воссоздавая ее совершенство, единственным способом, которым могу. Изгиб ее шеи. Полнота губ. Веснушки на ее носу, которые я так хотел нарисовать. Ее удивительные глаза, которые привлекают меня каждый раз, когда я смотрю на нее, потому что они несут боль, которую я могу понять изменения, которые вносит жизнь, горе, вина, тяжесть от потери того, кого любишь. Мы связаны, и я стараюсь, передать эту связь с каждым штрихом карандаша.

Когда я, наконец, заканчиваю, то кладу карандаш и разминаю заострившие пальцы, чувствуя момент. Прошло много времени с тех пор, как я рисовал так много, и почти невыносимо думать, что я перенес этот момент из Лекси в Нову, но это не значит, что я об этом сожалею.

- Я могу увидеть его? - спрашивает Нова, садясь и протягивая руку.

Я киваю, затем вручаю ей рисунок, наблюдая, как она оценивает его. Ее глаза светятся тем больше, чем дольше она на него смотрит. - Что ты думаешь? - спрашиваю.

Она смотрит на меня, улыбаясь. - Я думаю, это прекрасно.

Не в состоянии сдержаться, я наклоняюсь и целую ее, затем ложусь рядом с ней, обняв ее и притянув поближе, пока она сжимает рисунок в руке. - Что ты хочешь делать остаток ночи? - спрашиваю.

Она наклоняет голову в сторону. - Я просто хочу лежать здесь с тобой, если это нормально? Пока не засну.

- Звучит идеально, - тяну ее ближе, моя грудь напрягается, когда я думаю о том времени, когда мы с Лекси лежали в этой постели вместе. Я смотрю на рисунок Лекси, молча извиняясь перед ней. *Прости, что отпускаю тебя. Я надеюсь, ты сможешь простить меня. Я все еще люблю тебя. Всегда буду. Но я не могу выбрать смерть. Мне очень жаль.*

Мы с Новой еще немного болтаем, пока не начинаем засыпать. Я немного боюсь закрыть глаза, боясь, что, когда я проснусь, все окажется сном, и я вернусь в наш наркопритон в Вегасе, подсевший на метамфетамин. В конце концов, я засыпаю и в итоге получаю самый спокойный сон за последние два года. Но это не вечно, как и все хорошее. Как и все совершенное. И никогда долго не длится.

Нова

Я вздрагиваю, когда мой телефон звонит. Еще не слишком поздно, около десяти часов вечера в Сиэтле, но у меня появляется тревога, как только слышу звонок телефона. Может быть, это потому, что я знаю, что произойдет, может быть, я улетела из Айдахо, чтобы быть здесь, когда мне позвонят.

- Алло, - отвечаю я на звонок, Куинтон лежит рядом со мной, его глаза открыты и выглядят уставшими.

- Нова, - говорит в трубку мама. - Где ты? Я позвонила Леа... и она сказала, что ты сбежала и была расстроена

Я откидываюсь на подушку. - Да, но сейчас я чувствую себя лучше ... я с Куинтоном.

- В Сиэтле? - она в шоке. - Почему ты не дала мне знать, что уехала?

- Да, это был своего рода спонтанное путешествие, - столь необходимый побег.

- Ну, я надеюсь, что сейчас у тебя все хорошо, - говорит она. - Последние несколько часов я сомневалась, звонить тебе или нет.

Что-то щелкает в моей голове. - Mam, почему ты позвонила Леа, а не мне?

Она вздыхает. - Потому что у меня плохие новости, и я хотела убедиться, что рядом с тобой кто-то есть. Чтобы убедиться, что ты будешь в порядке.

Она может даже не говорить мне об этом. Я знаю, о чем она, прежде, чем звучат слова. - Это тело Делайлы, не так ли? - говорю я, и Куинтон напрягается рядом со мной, его пальцы мгновенно находят мои и сжимают их

- Мне так жаль, Нова, - она почти плачет.

- Как это произошло? - я крепче сжимаю руку Куинтона, нужно держаться за что-то. - Как она умерла?

- Ее застрелили, - говорит мама тихо. - Они нашли ее тело возле рва недалеко от Вегаса... они еще не знают, кто это сделал, но полиция расследует дело.

- Это был Дилан, - произношу я, когда Куинтон придвигается ближе ко

мне, его нервозность выходит из-под контроля и передается мне. Трудно дышать и мне нужно сконцентрироваться на том, чтобы воздух попадал в легкие. Вдох. Выдох. Ты переживешь все это.

- Возможно, - говорит она. - Но это дело полиции. Не твое, - она замолкает. - Нова, я не хочу, чтобы ты наделала глупостей.

- Каких, например? - кажется, я пребываю в шоке. Тело оцепенело. Эмоции отключены. И я не могу нормально дышать. У меня кружится голова, комната кружится перед глазами. - Найти Дилана и узнать, сделал ли он это? Я еще не выжила из ума, мама.

- Но ты постоянно пытаешься исправить все, что не всегда можно исправить, - говорит она, и я отвожу взгляд на Куинтона, его медово-карие глаза смотрят на меня с беспокойством. - И ты всегда винишь себя, когда не можешь помочь людям.

- Ну, иногда я заслуживаю этого, - говорю я ей, поворачиваясь лицом к Куинтону, когда слезы наконец начинают стекать по моим щекам. Реальность обрушивается на меня. Тяжесть очередной смерти. Еще больший вес. Я не могу это исправить. Что сделано, то сделано. Делайла ушла. Я не могу вернуться и попытаться помочь ей. Она ушла. Я должна принять это. - Мне нужно идти, мама, - говорю я, и, когда она начинает протестовать, добавляю, - я позвоню тебе завтра. - Кладу трубку, прежде чем она сможет сказать что-то еще.

- С тобой все будет хорошо? - спрашивает Куинтон, садясь и наклоняясь ко мне.

Я киваю, не потрудившись вытереть скатившиеся слезы. - Со мной все будет хорошо, но мне нужно несколько минут. - Слезы текут по моим щекам и капают на одеяло. Я не пытаюсь их остановить. Было бы хуже, если бы я это сделала. Это то, чему я научилась за эти годы, что подавление боли только ухудшит ее в долгосрочной перспективе, но, если позволить этому выйти, легче тоже не станет.

Куинтон

Помню, как вернулся после аварии, когда они оживили меня, и я проснулся. Я спросил отца, где Лекси и все, что он сказал:

- Она мертва. - Мне хотелось, чтобы он сказал больше, чтобы он был рядом со мной. Поэтому я должен быть здесь с Новой теперь, когда она нуждается во мне. Но что я могу? Есть ли у меня эта сила?

Слезы не прекращаясь льются из глаз Новы, когда ее рука находит мою руку, и она хватает ее, врезаясь ногтями мне в кожу. Я не отдергиваю руку. Я позволяю ей переложить свою боль на меня.

Она сдерживает рыдания, ее плечи поднимаются, когда она борется, чтобы не потерять контроль. - Куинтон, это так больно.

- Я знаю, каково это, - говорю я, обнимая ее так крепко, что чувствую, как бьется ее сердце. Я хочу сказать ей, что все будет хорошо. Что боль со временем уйдет. Что будет легче. Но она не поверит мне в данный момент. Я ничего не могу сказать, чтобы забрать ее боль или заставить ее чувствовать себя менее виноватой, поэтому я делаю единственное, что могу сделать. Что-то, что я хотел бы, чтобы кто-то сделал для меня в начале, и что Нова сделала для меня в конце.

Я обнимаю ее, пока она тонет в своей боли, следя за тем, чтобы она не поглотила ее полностью.

Нова

Я потеряла ее. Я не могу дышать. Думать. Делать что либо, кроме как рыдать. Я отпускаю всю боль, как и должна, но боль внутри меня такая сильная, словно собирается убить меня. Еще один человек ушел. Еще больше слез пролито. Больше прощаний. Еще один гроб. Цветы. Траур. Чувствуется, что это все слишком, но есть одна вещь, которая мешает мне полностью распасться, и это Куинтон. Сначала я борюсь с этим, волнуюсь, что он недостаточно силен для того, чтобы у меня случился кризис, но как только я все отпускаю, то не могу сдержать слезы и эмоции, льющиеся из меня. И он позволяет мне рыдать у него на плече, позволяет мне часами держаться за него, поглаживая рукой вверх и вниз по моей спине и говоря, что все будет хорошо.

- Я должна была сделать для нее что-то большее» шепчу я сквозь слезы. Это еще одна вещь, которая будет преследовать меня вечно. Тот факт, что я должна была сказать больше, сделать больше, чтобы помочь ей.

- Ты сделала все, что могла, - уверяет Куинтон, целуя меня в макушку. - Нова, ты не можешь спасти всех... и ты сделала больше добра за свою жизнь, чем большинство людей.

Прижимаюсь щекой к его груди, чувствуя его сердцебиение. - Так не бывает... не похоже, что я что-то сделала.

- Посмотри на меня, - просит он, а когда я этого не делаю, он берет меня за подбородок и поднимает голову, заставляя взглянуть на него. - Это из-за тебя я здесь. Если бы не ты... - он делает паузу. Вдох. Что бы он ни собирался сказать, это трудно для него. - Я рад, что я здесь.

Он признает, что он рад тому, что он жив. Что я спасла его. Что он стал чистым. Я знаю, что это должно быть трудно для него. Освободиться от боли и вины достаточно, чтобы признать, что он хочет стать счастливым.

- Не только из-за меня, Куинтон, - говорю я. - Твой отец и Тристан тоже помогали.

Он качает головой, глаза уверенно горят. - Нова, ты не отказалась от меня, несмотря ни на что. Ты знаешь, сколько людей просто опустили бы руки? Мой чертов отец так и сделал, пока ты не вмешалась.

- Это из-за моей мамы, - объясняю я, приподнимаясь на локтях и глядя на него сверху вниз. - Она позвонила ему.

- Да, потому что ты заставила ее связаться с ним, - говорит он, его пальцы скользят по моему подбородку, и он обхватывает щеку ладонью. - Это из-за тебя и твоего отказа сдать, я здесь. И именно из-за тебя я остался здесь и хочу, чтобы так продолжалось, - он прикасается губами к лбу, прежде чем взглянуть на меня. - Ты даешь мне надежду, Нова Рид. Надежду на то, что даже если жизнь действительно очень тяжела - даже если она иногда отстой - она стоит того, чтобы жить.

В глубине души я знаю, что он прав. Жизнь отстой, но она стоит того, чтобы жить, особенно из-за таких моментов, как тот, который я испытала несколько часов назад с Куинтоном. Но в такие моменты, когда вам приходится переживать гибель людей, так трудно продолжать дышать.

Глава 15

28 декабря, день похорон

Куинтон

Я делаю все от меня зависящее, чтобы быть рядом с Новой, не просто, чтобы отплатить ей за все, что она для меня сделала, а потому что люблю ее. Я стараюсь дать ей все, что нужно, независимо от того, просит она об этом или нет. Еду в Мейпл-Гров с ней. Настаиваю на том, чтобы пойти с ней на похороны, хотя сама идея страшит меня до глубины души. Отчасти это от того, что я знаком с Делайлой, и всегда трудно терять кого-то, кого ты знаешь. Но другая часть моего страха проистекает из того факта, что это похороны, и они олицетворяют саму смерть. На самом деле, я никогда не был на похоронах, даже учитывая то, сколько людей я потерял. Я был в больнице, когда в последний путь провожали Лекси и Райдер, но я уверен, что мне бы не разрешили пойти, даже если бы я мог. И бабушка позаботилась обо мне, когда хоронили маму, потому что она знала, это не место для новорожденного.

Так что это будет мой первый раз. Все начинается не слишком хорошо, когда я теряю Нову за несколько часов до начала. Я болтался в ее комнате после того, как она сказала, что почти готова. Затем она ушла из дома,

никого не предупредив, и мы нашли ее в машине, записывающую все на камеру и всю в слезах. Это чуть не убило меня, видеть ее такой, но я сделал единственное, что мог, и позволил ей выплакаться у меня на плече, держа ее в объятиях, чтобы она не упала. Это немного, но все, что я могу для нее сделать, это быть рядом, когда она проходит через эту боль, дать ей понять, что она не одинока.

Мы не идем на прощание, и я рад. Меня всегда пугала мысль о том, что я должен смотреть на мертвое тело и делать вид, будто человек все еще жив и просто спит.

- Я полностью согласна с тобой, - поддерживает меня Нова, когда я неохотно говорю ей, что не хочу идти на прощание. Мы сидим в ее машине, собираясь войти в церковь. - Может быть, нам стоит подождать еще несколько минут, чтобы войти внутрь, а затем просто сесть сзади. - Ее глаза красные и опухшие от слез, но она сумела взять себя в руки.

- Если ты этого хочешь, - говорю я, положив руку ей на колено.

Она кивает, глядя на церковь и людей, поднимающихся по лестнице, многие из которых плачут. - Да, думаю, это то, что я хочу. - Она, наконец, поднимает на меня взгляд после того, как тридцать минут просто смотрела в одну точку перед собой. - Мысль войти туда сводит меня с ума.

Я слегка сжимаю ее ногу. - Просто помни, что я здесь, с тобой. - Довольно странно говорить это. Я провел последние пару лет, думая исключительно о своей боли и о себе. О своих потерях. О своих внутренних мучениях и вине. И теперь внезапно все мои эмоции сосредоточены на Нове и ее боли.

После похорон я ненадолго оставляю ее с мамой, чтобы встретиться с Тристаном, который приехал на похороны с Леа, подружкой Новы. Я мельком видел его в церкви, но он был со своими родителями, и поэтому я не мог подойти к нему. Но я хочу увидеться с ним, прежде чем вернусь в Сиэтл, и хочу убедиться, что он в порядке. Убедиться, что он все еще трезв и не собирается срывать и возвращаться к этому, как беспокоится Нова.

Обменявшись сообщениями, мы договариваемся встретиться в парке, в котором проводили время, когда были детьми. Он находится в нескольких минутах ходьбы от дома Новы, поэтому я решаю проделать этот путь пешком, несмотря на холод и три фута снега на земле.

Когда я подхожу к месту встречи, то вижу Тристана, сидящего на скамейке в парке в окружении груды снега, курящего сигарету, с капюшоном на голове, легкие снежинки опускаются на него сверху. Я пытаюсь оценить ситуацию, пробираясь по снегу к нему, натягивая свой капюшон на голову

- Как сам? - спрашиваю я, вынимая сигареты из кармана, а затем закуривая одну. - Ты в порядке?

- Да, я в порядке, - говорит он рассеянно, глядя на опускающийся снег и положив руки на колени. - Я просто думаю.

- О Делайле? - плюхаюсь на скамейку рядом с ним. Мы оба были не особо близки с Делайлой, но жили с ней бок о бок некоторое время, делили наркотики, видели все то дерьмо, которое в конечном итоге привело к ее смерти. Я помню, как подрался с Диланом из-за его оскорблений в сторону Делайлы, когда я был под кайфом и едва соображал. Это ни к чему хорошему не привело. На самом деле, Делайла даже рассердилась на меня за вмешательство. И хотя полиция не нашла человека, который стрелял в нее, я думаю, мы все - Тристан, Нова, я - знаем, что это был Дилан.

- Да, типа того. - Он поднимает взгляд от снега, и я с облегчением вижу, что он не под кайфом. - Я просто думал о том, сколько раз мы видели, как Дилан орал на нее... мы должны были что-то сделать, чтобы остановить это.

Делаю затяжку и медленно выдыхаю дым. - Я пытался вмешаться пару раз, но она не приняла мою помощь.

Он поднимает брови, возвращая свое внимание к заснеженной земле, когда берет сигарету в рот и затягивается. - Ну, ты лучше меня. Я просто накуривался и не замечал всего, потому что был слишком занят собой.

- Я тоже по большей части упустил это из виду, - говорю я, хмурясь. - И тот факт, что она умерла именно так... полный отстой.

- Тогда почему ты выглядишь таким спокойным? - спрашивает Тристан, косясь на меня. - Без обид, но я на самом деле ожидал, что ты будешь пиздец как не в своей тарелке из-за этого.

Снова затягиваюсь и выдыхаю. - Я спокоен только внешне и то только потому, что Нове это необходимо.

- Вы двое вместе? - спрашивает он, стряхивая большим пальцем пепел на снег.

Мне нужно еще две затяжки, прежде чем у меня в организме будет достаточно никотина, чтобы ответить. - Я не знаю... может быть.

Он кивает, по-прежнему увлеченно рассматривая землю. - Ну, если да, то это хорошо для тебя. - В его голосе звучит немного горечи, что заставляет меня чувствовать себя виноватым, и отчасти это связано со смертью Райдер и с чувством, что я в долгу перед ним. Это гложущее чувство, от которого я не думаю, что когда-нибудь действительно избавлюсь.

Поднимаю руку и натягиваю капюшон поглубже, прежде чем сделать еще один вдох и выдох. - Ты в порядке, если мы будем вместе? Или это... тебя

беспокоит?

Он натягивает маску безразличия, когда спрыгивает со скамейки в снег. - Я буду в порядке.

- Ты уверен? - поднимаюсь на ноги и иду по снегу вслед за ним, когда он направляется к воротам. - Потому что ты можешь сказать мне, если это не так.

Он качает головой и поворачивается лицом ко мне, с руками, спрятанными в карманах куртки. - Я не против того, чтобы вы с Новой были вместе. В любом случае, ты лучше для нее. - Он крутится на пятках, вновь продолжая идти вперед и распыляя снег.

Я сбив с толку, когда спешу за ним, потому что я не лучше. Она просто решила быть со мной, несмотря на то, что я ее не заслуживаю. - Я ничем не лучше тебя.

- Здесь ты не прав, - говорит он просто. - И, кроме того, я не думаю, что буду с кем-то еще очень долго.

- О чем ты?

Некоторое время он молчит, стряхивая сигаретный пепел в снег, пока мы не доходим до ворот, где он останавливается и смотрит на меня. - Знаешь, после того, как я стал снова чист, то воспринимал это как второй шанс. - Он открывает ворота и затем проходит через них, поворачиваясь спиной ко мне, но продолжая. - Я имею в виду, я, блядь, тогда чуть не умер, и поэтому должен быть благодарен, что остался жив.

- А что на самом деле? - спрашиваю, закрывая ворота за собой.

- Я был, - он смотрит на обледенелую дорогу, по которой мы идем. - До тех пор, пока пару недель назад не узнал, что у меня гепатит С.

Я застываю на месте, ошеломленный его словами. - Что?

Он пожимает плечами, как будто только что не сказал что-то важное и меняющее жизнь, глядя вперед, и отказываясь смотреть на меня. - Да, я чувствую, что это какая-то кармическая шутка. Оставить меня в живых, чтобы я мог узнать, что у меня какая-то глупая болезнь, которая может осложнить жизнь в зависимости от того, как пойдут дела.

Я немного знаю об этой болезни, но знаю достаточно, чтобы понять, что он, вероятно, заразился ею, когда кололся. Впрочем, неважно, как он это получил. Все, что имеет значение, так это то, что его жизнь изменилась навсегда. - Скажи мне, что я могу сделать, - наклоняюсь вперед и ловлю его взгляд. - Что тебе нужно?

- Ты мало что можешь сделать для меня. Мы с тобой оба это знаем. - Он задумчиво тянется к пачке сигарет. - Просто позаботься о Нове, если ты будешь с ней. - Он открывает пачку и сует сигарету в рот. - Она одна из

лучших, тебе чертовски с ней повезло, - он предлагает мне сигарету, и я беру ее.

Достаю зажигалку из кармана, все еще ошеломленный от слов, что он только что сказал мне. Все это время мы провели в плену наркотиков, и я смог уйти от него, а его это будет преследовать вечно. И это так паршиво.

- Нам стоило бы поменяться местами, - бормочу я, качая головой. - Ты должен быть здоровым и с Новой, а я должен быть тем, кто... - я даже не могу это произнести.

- Это неважно, - отвечает он, щелкая зажигалкой и закуривая. - Ты здоров. Ты тот, кого хочет видеть рядом с собой Нова. Ты везучий сукин сын, так что будь благодарен и прими это.

Он прав. Мне повезло. Повезло стоять здесь здоровым и трезвым после всего, что я сделал. Повезло остаться в живых после смерти, когда так много людей ушло. Повезло, что я провел столько времени с таким потрясающим человеком, как Нова. И сейчас я даю молчаливый обет, что воспользуюсь этим вторым шансом и сделаю что-то хорошее. Чтобы изменить свою жизнь. Начну делать то, что имеет значение. Перестану бояться и скажу Нове, что люблю ее. Прекращу держаться за прошлое. Пришло время начать двигаться вперед.

Нова

На похоронах было сложнее, чем я думала. Я плакала больше, чем хотела. Мама Делайлы выглядела развалиной, едва способной войти в церковь, не упав. Моя мама тоже плакала, так же, как и Куинтон. Мне тяжело видеть его таким грустным, и я незаметно пыталась его отговорить от приезда, хотя хотела, чтобы он был там со мной. Но он все равно приехал, и я думаю, что влюбилась в него еще больше, потому что знаю, как трудно это для него.

Пока я была там, я слышала шепот среди людей, которые присутствовали на похоронах. Ходили слухи о том, что Делайлу избили. Изнасиловали. Некоторые даже говорили, что мать Делайлы солгала о том, что ее застрелили, и что это была передозировка. Но у Куинтона, Тристана и у меня есть своя теория. Мы видели, как Дилан обращался с ней, они знали, что у него был пистолет, поэтому мы рассказали об этом полиции. Будет ли преступление когда-нибудь раскрыто, я не знаю. Но, в любом случае, это трагическая история, которая, я надеюсь, больше никогда не повторится.

После того, как все закончилось, я чувствую, как знакомое чувство сжигает меня изнутри, то, что хочет, чтобы я что-то делала, а не сидела и смотрела на то, что меня окружает. Я понимаю, что мне нужны перемены.

Нужно делать то, что я хочу в своей жизни и перестать беспокоиться о том, что если. Жизнь слишком коротка, чтобы постоянно беспокоиться обо всем, что может пойти не так. И пришло время воплощать свою мечту помогать людям вместо того, чтобы лишь думать об этом. Но я не знаю, способна ли я сделать это. *Бросить колледж. Друзей. Группу. Работу. Куинтона.*

Это то, о чем я думаю, когда Куинтон идет по тропинке к моему дому, укутанный в куртку, его нос и щеки покраснели от холода. Я просидела на качелях на веранде около часа, промерзнув до костей, но не могу заставить себя войти внутрь, застыв на месте, пока не приму решение о том, какой жизненный путь выберу.

- Привет, - говорит он, дойдя до ступеней. - Как дела? - он с ухмылкой качает головой, поднимаясь по лестнице, вынимая руки из карманов. - Не бери в голову. Глупый вопрос.

- Нет, это не глупый вопрос, - говорю я, когда он садится рядом со мной и раскачивается на качелях. - Я должна выговориться о том, как я себя чувствую, а чувствую я себя дерьмово.

Он кладет руку на мою руку, покачивая качели взад-вперед. - Скажи мне, что я могу сделать, чтобы ты почувствовала себя лучше. Я хочу, чтобы ты была в порядке.

- Построй мне машину времени, - говорю я со вздохом. - Чтобы я могла вернуться и вытащить ее из этой квартиры.

- Нова, ты не можешь мучить себя за это, - говорит он неровным голосом, сжимая мою руку. - Поверь мне. Это тебя погубит.

- Я уже чувствую себя сломленной.

- Но это не твоя вина.

- Нет, это не так. - Я качаю головой, отодвинувшись подальше от него. - Ты не понимаешь. Я знала, что Дилан был плохим вариантом для нее, еще когда они только начали встречаться несколько лет назад. Знала, что он, вероятно, будет жесток с ней, и не сделала ничего, чтобы остановить это.

- Ты не можешь на все влиять, - говорит он. - Иногда вещи просто случаются.

- Да, но от этого не легче и не снимает чувства вины. - Я смотрю, как снежинки кружатся с неба и танцуют вокруг нас.

- Я понимаю, - его голос смягчается, но я чувствую, как он напряжен рядом со мной. Наступает долгая пауза, когда возникает ощущение, что, может быть, мне следует что-то сказать, но в конечном итоге именно он начинает говорить. - В ту ночь... в ночь аварии... Лекси высунулась в окно автомобиля. - Он отдергивает руку от моей ноги и, скрестив руки на груди,

смотрит прямо перед собой. - Она была такой сумасшедшей. Всегда выходила за пределы своих возможностей и была слишком авантюрной.

Не знаю, что сказать. Не думаю, что он когда-либо говорил об этом вслух раньше, и я боюсь, что, если скажу хоть слово, то могу испортить этот момент, поскольку он выплескивает то, что сидело в нем годами.

- Я пытался вернуть ее обратно... этим я и занимался, когда другая машина показалась из-за угла. - Его брови нахмурены, как будто он с трудом вытаскивает эти воспоминания. - Всякий раз, когда я вспоминаю это, я корю себя за то, что не остановил машину, когда она высунулась в окно... мы опаздывали, и я не хотел, чтобы у нас были проблемы. Но мы так и не добрались до дома... во всяком случае Райдер и Лекси.

- Куинтон, это не твоя вина, - говорю я, кладя руку на плечи и обнимая его, прижимая к себе. - То, что произошло... это был просто трагический несчастный случай.

Он смотрит на меня, в его глазах виднеются слезы, и это настолько душераздирающе красиво, что почти выбивает из меня воздух. - Случайность или нет, это то, что всегда будет преследовать меня. - Он расцепляет руки и поворачивается ко мне лицом, положив руку на мою щеку. - Но рядом с тобой мне легче с этим справиться... и я хочу, чтобы тебе было также рядом со мной. Для меня это важно. Поэтому, пожалуйста, скажи мне, что я могу сделать, потому что это убивает меня, видеть тебя такой.

Закрыв глаза, я кладу голову на его плечо. - У меня действительно есть к тебе просьба, - говорю я.

Он обнимает меня, немного облегчая мою боль. - Скажи мне, и я все сделаю.

Снежинки кружатся вокруг нас и щиплют мои щеки. - Мне нужно, чтобы ты сказал мне, что с тобой все будет хорошо, если я решу уехать на некоторое время.

- Куда ты поедешь? - недоумевает он.

Открываю глаза и смотрю на него. - Помнишь о том проекте, о котором я тебе говорила? Над которым работает один из моих преподавателей? Я хочу присоединиться к нему.

Некоторое время он молчит, снежинки вращаются вокруг нас так густо, что я почти ничего не вижу. - Я думаю, ты должна это, - говорит он. - На самом деле, я собираюсь заставить тебя это сделать.

Я смеюсь впервые за последние несколько дней. - Да?

Он целует меня в лоб, слегка прикасаясь губами. - Да, хочешь знать, почему? - спрашивает он, и я киваю. - Я думаю, что это сделает тебя

счастливой, и если кто и заслуживает счастья, так это ты, Нова.

- А как же ты и Тристан? - спрашиваю я. - С тобой все будет в порядке?

- Со мной все будет хорошо, - говорит он успокаивающе. - У Уилсона есть еще несколько домов, над которыми я могу работать, и он даже пытался уговорить меня поехать с ним в другие города, чтобы ему помочь.

Я все равно беспокоюсь. О нем. О Тристане. О всех в мире, кто борется. - А как же Тристан? Я боюсь, что он попадет в беду.

- Тристан будет в порядке, - говорит он, но я замечаю легкую грусть в его голосе. Но прежде чем я успеваю что-то сказать, он разворачивает нас, чтобы мы смотрели на двор, обняв за плечи. - Может быть, я уговорю его вступить в наше сообщество и отправиться со мной и Уилсоном. На самом деле, я думаю, что это может быть полезно для него.

- Ты думаешь, что он должен уйти из колледжа?

Он пожимает плечами. - Я не знаю... но это тоже вариант, верно? Чтобы он был занят и был подальше от неприятностей.

Я хочу сказать ему, что это отличная идея. Хочу верить, что все будет хорошо. Что хоть мы и пойдем разными дорогами, в конечном итоге у нас все получится. Но наивно думать, что, несмотря ни на что, все получится идеально. Все, что я могу сделать, это надеяться на лучшее и начать жить своей жизнью.

Эпилог

Шесть месяцев спустя...

Нова

Я чертовски нервничаю. Не потому, что чуть позже буду смотреть документальный фильм, над которым работала в течение четырех месяцев подряд, а потому, что увижу Куинтона впервые за шесть месяцев.

Это не значит, что мы не разговаривали друг с другом. На самом деле, мы, вероятно, говорили больше, чем большинство пар. По крайней мере, три раза в день каждый день по телефону, плюс, обмениваясь сообщениями пять-шесть раз помимо этого. Находиться вдали от него было тяжело, но по итогу, я думаю, это было хорошо для нас обоих. У нас было время, чтобы вырасти. Исцелиться. Найти себя.

Куинтон помог построить столько домов, что я потеряла счет, и слушать его разговоры об этом действительно потрясающе. Он всегда очень взволнован, особенно когда рассказывает мне о семье, которая получает дом. Он ценит каждую секунду этого так же, как я ценю каждую секунду моего путешествия. Профессор Макгелл, или Дасти, как я называю его

сейчас, решил назначить меня ответственной за интервью, которые мы проводили с людьми. Он сказал, что у меня талант к человеческому состраданию и по большей части, я думаю, он прав. Куинтон тоже полностью с ним согласен, но Куинтон высоко ценит меня, независимо от того, что я говорю или делаю, даже когда это что-то незначительное.

До показа я нахожусь в своем гостиничном номере в Айдахо, моя одежда разбросана по полу, пока я решаю, в чем пойти. На самом деле я уже видела его несколько раз, но тот факт, что он выходит в свет дает мне совершенно новые и страшные до чертиков переживания.

Я завернута в полотенце, влажные волосы струятся по спине, когда слышится стук в дверь. Улыбаясь, перешагиваю через груды платьев, из числа которых делаю выбор и иду к двери. Смотрю в глазок, и моя улыбка становится шире, когда я открываю дверь.

Куинтон улыбается в ответ, а потом его медово-карие глаза округляются, как только он опускает взгляд на полотенце. - Вау, кажется я вовремя. Не так ли?

Я смеюсь, хватаю его за руку и затягиваю внутрь, ногой закрывая дверь за собой. Затем я оборачиваюсь и разглядываю его: волевой подбородок, короткие темные волосы, потертые джинсы и черную футболку, которые выглядят так, словно давно не были в стирке. Он выглядит как человек, который много трудился, что хорошо, потому что он говорит, что, чем больше он работает, тем лучше себя чувствует. Так что он должен чувствовать себя чертовски хорошо прямо сейчас.

- Ты выглядишь потрясающе, - говорит он через минуту или две после того, как мы просто смотрим друг на друга. Я переживала, что после шести месяцев разлуки и разговоров по телефону, наша встреча будет неловкой.

Убираю мокрую прядь волос за ухо, нервно прикусывая нижнюю губу. - А ты... ты выглядишь так по-мужски.

Он фыркает от смеха, а затем приближается, чтобы поцеловать меня. - Боже, я скучал по тебе, - говорит он, и его губы касаются моих.

Это отнюдь не быстрый поцелуй. Вовсе нет. На самом деле, это продолжается так долго, что мои губы становятся влажными и набухшими и мое тело обдаёт таким жаром, что вот-вот я начну таять. Когда мы отстраняемся, нам не хватает воздуха, наши тела прижимаются друг к другу так сильно, что я чувствую, как его грудь движется с каждым вдохом. Каким-то образом его руки смогли проскользнуть под полотенце, и он прикасается к моей обнаженной коже.

- Я тоже по тебе скучала, - шепчу я, улыбаясь, когда он наклоняется, чтобы снова поцеловать меня.

Затем он берет меня за руку и ведет к кровати, скидывая по пути одежду. - Как бы я ни любил последние шесть месяцев, - говорит он, пока его руки блуждают по моей талии и груди. - Я действительно рад, что все закончилось. Не мог дожидаться, чтобы провести время с тобой и отдохнуть от Тристана и Уилсона. Хотя нам и было весело вместе, я бы предпочел провести свободное время с тобой.

- Как поживает Тристан? Он с вами? - Примерно через месяц после того, как наши дороги с Куинтоном разошлись, он сказал мне, что у Тристана гепатит С. За все это время он срывался и исчезал на неделю, когда они останавливались в Небраске. Уилсон и Куинтон нашли его спящим в гостиничном номере, накачанного метом. Они, тем не менее, не бросили его и вернули к работе, и Куинтон уверял меня, что с тех пор все в порядке, ведь такие рецидивы случаются у многих.

- У него все хорошо, - говорит он. - В последнее время он действительно много работал и больше ничего не делал.

- Это хорошо?

- Думаю, да, - говорит он. - Хотя было бы неплохо, если бы он время от времени делал перерыв.

- Может быть, я смогу помочь с этим, - говорю я. Мы уже построили планы. Мы пока не собираемся жить вместе, хотя, возможно, технически так это будет выглядеть, ведь мы будем постоянно друг у друга на глазах. В следующем месяце я поеду с Куинтоном, чтобы снять свой собственный документальный фильм об организации «Среда обитания для человечества», где в главных ролях будут он, Уилсон, Тристан и другие занятые в этом проекте. - Помогу ему отвлечься.

Он молчит, и я боюсь, что он понял меня неправильно: что он думает, будто я хочу проводить больше времени с Тристаном. Но потом он улыбается и говорит. - Боже, я так рад, что ты едешь со мной.

- Да, но вопрос в том, вытерпишь ли ты меня, если мы будем вместе все время? - спрашиваю я игриво. - Быть рядом каждый день, каждый час.

- Конечно, Нова, как автомобиль, - говорит он, подмигивая. - И хочешь знать, почему?

Я киваю, кладя руки на его плечи. - Конечно.

Он улыбается. - Потому что я люблю тебя.

Я улыбаюсь в ответ. Каждый раз, когда я слышу, как он это говорит, мне не верится. Когда он в первый раз сказал это три месяца назад, я запаниковала и бросила трубку. Я понимала, что люблю его, но боялась сказать об этом, боялась открыть свое сердце кому-то еще, боялась потерять его, боялась, что никогда не смогу снова испытать боль утраты.

Мне потребовалось пять минут, чтобы взять себя в руки и перезвонить ему.

- Я тоже люблю тебя, - говорю я, положив руку на его щеку и проводя большим пальцем по его скуле. - На самом деле.

- Хорошо, - говорит он, наклоняясь вперед, чтобы снова поцеловать меня, и нащупывая пальцами край полотенца.

С большим трудом я беру его за руки и останавливаю его. - Прежде чем мы... это сделаем. x Мои щекам щеки начинают пылать, и он смеется надо мной. Удивительно, что независимо от того, сколько грязных телефонных разговоров у нас было, я до сих пор умудряюсь смущаться каждый раз, когда говорю о вещах, связанных с сексом. - Я хочу сначала кое-что тебе показать.

Он не злится, как вероятно сделало бы большинство парней после шести месяцев отсутствия секса. Вместо этого он выглядит обеспокоенным.

- Все в порядке? - спрашивает он с тревогой.

Я быстро киваю. - Конечно, я просто хочу показать тебе первому, прежде чем все остальные увидят... особенно посвящение. - Для меня действительно очень важно, чтобы он посмотрел фильм первым.

Кажется, он немного обеспокоен этим, но я его не виню. Тема утраты, вины и боли отражена в каждом ролике. Пока я монтировала их вместе, это вызвало много эмоций во мне, но не все они были плохими. Просто слишком яркими.

Но он говорит, - Конечно. - Затем садится обратно на кровать, а я встаю и беру ноутбук со стола. Видео уже загружено и готово к просмотру, прежде чем я возвращаюсь к кровати и сажусь на нее. - Ты готов? - спрашиваю его, мои пальцы зависли над клавиатурой. Он кивает, и я ложусь рядом с ним, поставив ноутбук между нами и нажав воспроизведение.

Начинается музыка, но я не смотрю на экран. Я смотрю на то, как он смотрит. Его челюсть крепко стиснута, глаза немного расширены, а руки сжаты в кулаки, как будто он ожидает увидеть что-то ужасное. Так что я беру его за руку, а затем обращаю свое внимание на экран, когда он становится черным и появляется посвящение.

- Для всех, кто понес потери и научился заново жить. Знайте, что вы не одиноки.

Я даже не уверена, кто начинает плакать первым. Это такая мелочь. Два предложения, но они в значительной степени подводят итог беспомощности и чувству одиночества, что мы оба испытывали в течение многих лет. Боль от этого сокрушила нас обоих, надломилась и навсегда оставила шрамы, но это не значит, что мы не можем исцелиться. Да, мы уже не те, но мы все еще живы, и мы больше не одиноки.

Я хочу спросить Куинтона, что он думает, когда его рука крепче сжимает мою. Сжимаю его руку в ответ, и он притягивает меня ближе к себе, нуждаясь в том, чтобы я была рядом.

- Что ты думаешь? - спрашиваю, когда его руки крепко обхватывают меня, и наши тела соприкасаются.

Он целует меня в лоб, сначала в одну, потом в другую щеку, а затем в губы. Когда он немного отстраняется, его влажные от слез глаза ищут мои.

- Я думаю, что это прекрасно.

Примечания:

[1] Ashes&Dust - Пепел & Пыль

[2] ESPN – американский спортивный телеканал

[3] ОКР (обсессивно-компульсивное расстройство) - психическое заболевание, характеризующееся развитием навязчивых мыслей, воспоминаний, движений и действий, а также разнообразными патологическими страхами (фобиями).

[4] юбка-пудель – популярная в 50-х годах модель юбки-солнце с аппликацией пуделя

[5] П/ш – (ам.сокращение) просто шучу

[6] Корпус Мира – американская гуманитарная организация, отправляющая добровольцев в бедствующие страны для оказания помощи.

[7] «Wish You Were Here» – Хотела бы, чтобы ты был здесь

[8] Среда обитания для человечества (амер. Habitat for Humanity) — международная неправительственная некоммерческая организация, основанная в 1976 году, занимающаяся строительством простого и доступного жилья для бедных и бездомных во всем мире.

[9] Штат Айдахо известен также как Картофельный штат. Это прозвище возникло из-за доминантной роли Айдахо как производителя 1/3 картофеля в США.

[10] Спейс-Нидл – (Космическая игла) – достопримечательность Сиэтла, смотровая башня в футуристическом стиле.

Плейлист

Pink Floyd - Wish You Were Here

Eddie Vedder – Rise

Bullet for My Valentine - Tears Don't Fall

Halestorm - I Miss the Misery